АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1951 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
Проф. А. Н. Кононов

СЕРГЕЮ ЕФИМОВИЧУ МАЛОВУ

к 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности

ОТ РЕДАКЦИИ

И. В. Сталин в своих новых трудах по языкознанию дал исчерпывающую характеристику природы языка, разбил миф о языке как надстройке и о его классовом характере, определил связь мышления и языка, установил неразрывную связь развития языка с развитием общества, разгромил идеализм в языкознании, определил роль, значение и главные направления развития основных разделов языкознания (грамматики, лексикологии, семасиологии, диалектологии).

И. В. Сталин учит: «... главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка...», а это значит, что, прежде всего, необходимо изучать языки в их конкретных проявлениях: в плане современном и историческом, литературном и диалектальном их бытовании и т. п. Только такое изучение языков даст строго проверенные факты, на основании которых можно будет сделать далеко идущие выводы и обобщения. Пренебрежение к фактам неизбежно ведет к формализму, идеализму.

«Тюркологический Сборник, I», посвященный семидесятилетию одного из старейших и крупнейших советских тюркологов, члена-корреспондента АН СССР С. Е. Малова, содержит преимущественно статьи, исследующие отдельные, частные вопросы грамматики разных языков тюркской системы. Углубленное изучение тюркских языков, успешно осуществляемое советскими тюркологами, настоятельно выдвигает вопрос о монографическом изучении узловых проблем тюркского языкознания. Глубокому и всестороннему изучению узловых проблем грамматик отдельных тюркских языков необходимо должно предшествовать скрупулезное изучение деталей, частных вопросов, входящих составными частями в большую, узловую проблему; этой необходимости, в известной мере, отвечают статьи, входящие в Сборник. Специальная статья, включенная в Сборник, знакомит читателей с жизнью, деятельностью и учеными трудами С. Е. Малова.

Сборник, в соответствии со своим назначением, содержит также статьи, посвященные отдельным вопросам истории, этнографии, литературы и культуры тюркоязычных народов.

«Тюркологический Сборник, I» объединяет ученых, главным образом тюркологов, работающих в разных городах и республиках Советского Союза.

Е. И. Убрятова

О НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕРГЕЯ ЕФИМОВИЧА МАЛОВА

Тюркология объединяет целый ряд научных дисциплин, занимающихся изучением языка, литературы, истории, археологии и этнографии многочисленной семьи тюркоязычных народов. В братской семье народов Советского Союза тюркоязычные народы занимают значительное место. Достаточно сказать, что из 16 Союзных республик 5 тюркоязычных: Азербайджанская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР, Туркменская ССР и Узбекская ССР. Кроме того, в составе союзных республик имеется 5 автономных тюркоязычных республик — Башкирская, Каракалпакская, Татарская, Чувашская, Якутская — и 3 автономных тюркоязычных области: Хакасская, Тувинская и Горно-Алтайская.

Царское правительство обрекало эти народы на жалкое существование. В большинстве своем это были кочевники или полукочевники, экономически и политически отсталые, угнетаемые царским правительством, купцами и собственной байской верхушкой. Культурный уровень этих народов характеризовался почти поголовной неграмотностью и безраздельным господством религии (ислам — у узбеков, татар, башкир, азербайджанцев, казахов, киргизов, туркмен и др.; шаманизм с пережитками примитивного мировоззрения — у якутов, хакасов, шорцев, алтайцев; буддизм — у тувинцев).

Тюркологи, занимавшиеся изучением языка и быта этих народов, до революции были малочисленны. Представители тюркоязычных народов в их среде насчитывались единицами (азербайджанец А. Казембек, хакасс Н. Ф. Катанов). Тюркологи не имели и общей цели. Неудивительно поэтому, что изучению подвергались далеко не все тюркоязычные народы, а те, изучением которых занимались дореволюционные тюркологи, были исследованы весьма неравномерно.

Коренным образом изменилось положение тюркологии после революции, так как коренным образом изменилось положение народов, являющихся объектами ее изучения. Говоря словами товарища Сталина, «. . .Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие».[1]

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 139.

Последовательное проведение мудрой ленинско-сталинской национальной политики не только возродило к новой жизни прежде угнетаемые и отсталые народы и народности, но оно создало новый тип наций — социалистические нации. И. В. Сталин в своей статье «Национальный вопрос и ленинизм» так охарактеризовал их:

«Но есть на свете и другие нации. Это — новые, советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и её националистических партий, после утверждения советского строя.

«Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнёта во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетёнными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма, таков духовный и социально-политический облик этих наций».[1]

За 33 года существования Советского государства — срок для жизни народов очень короткий — в результате неуклонного проведения ленинско-сталинской национальной политики коренным образом изменился весь уклад жизни наших народов. Советские союзные и автономные республики и автономные области являются равноправными членами могучего Союза Советских Социалистических Республик. Каждая из этих республик и областей имеет свое государственное устройство; родной язык народов этих республик и областей является государственным языком, на котором ведется делопроизводство, осуществляется всеобщее обязательное начальное обучение, издаются газеты и книги, художественная литература. Экономическая жизнь этих республик характеризуется созданием в них крупных промышленных центров и богатых колхозов.

Особенно велики перемены в культурном облике наших народов. Национальная по форме, социалистическая по содержанию культура тюркоязычных народов, как и всех других народов нашей многонациональной страны, характеризуется поголовной грамотностью населения, наличием широко развитой сети школ, средних и высших специальных учебных заведений, клубов, домов культуры, театров и других культурно-просветительных учреждений. Все это, в свою очередь, требует наличия многочисленных и хорошо подготовленных кадров из среды коренного национального населения, хорошо знающих свой родной язык. Во всех национальных республиках и областях имеются научно-исследовательские инсти-

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 339.

туты языка, литературы, истории, ведущие теоретическую и практическую работу. Основными работниками в этих институтах являются местные национальные кадры. В некоторых союзных тюркоязычных республиках научные учреждения выросли настолько, что на базе их открылись собственные академии наук.

Но все это не явилось само собой, по щучьему велению. Такие блестящие результаты были достигнуты колоссальным трудом целой армии работников, последовательно и методично руководимой партией и правительством. Тюркологи, как и все работники культурного фронта, были вовлечены в эту работу. Тюркологи нашей страны из ученых-одиночек, раньше на свой страх и риск занимавшихся изучением языка, этнографии и истории тюркоязычных народов, обратились теперь в мощный отряд работников науки, в составе которого численно преобладают представители тюркоязычных народов, что является одним из ярких результатов мудрой ленинско-сталинской национальной политики.

В тот период, когда еще научных кадров на местах не было или они были теоретически и практически слабы, отдельные тюркологи Советского Союза принимали активное участие в создании письменности, выработке норм литературного языка, организации на местах научного изучения национальных языков, подготовке научных кадров и т. п.

Обзору научной и педагогической деятельности С. Е. Малова, одного из таких ведущих работников в области тюркологии, совмещающего глубокое изучение современных и древних тюркских языков с широкой практической деятельностью, и посвящена настоящая статья.

Сергей Ефимович Малов родился в Казани 16 января (4 января ст. ст.) 1880 г. Интерес к тюркологии он унаследовал от своего отца — Евфимия Александровича Малова, протоиерея, заслуженного профессора Казанской духовной академии по кафедре противомусульманских миссионерских предметов, преподававшего там татарский, арабский и древнееврейский языки, автора многочисленных статей по исламу, истории церквей, истории и современному ему состоянию миссионерского дела, по этнографии татар и чуваш.

Первоначально и С. Е. Малов готовился к такого же рода деятельности. Он окончил духовное училище, затем духовную семинарию, наконец Казанскую духовную академию.

Занятия татарским языком и этнографией татар, изучение ислама вызывали у С. Е. Малова большой интерес непосредственно к тюркологии. Он стал посещать заседания Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Параллельно занятиям татарским и арабским языками в Казанской духовной академии С. Е. Малов посещает лекции Н. Ф. Катанова в университете. В эти же годы С. Е. Малов совершает на средства своего отца первую поездку для сбора языкового материала к мишарям Чистопольского и Свияжского уездов. В результате этой поездки явилась статья «Из поездки

к мишарям», напечатанная в приложении к «Ученым запискам Казанского университета» за 1904 г.

Научные интересы побудили С. Е. по окончании в 1904 г. духовной академии, в которой он получил свою первоначальную подготовку по тюркологии и исламоведению, поступить на Восточный факультет С.-Петербургского университета на Арабо-персидско-турецкое отделение, которое он окончил в 1909 г.

В университете С. Е. Малов слушал лекции у проф. В. Д. Смирнова по турецкой филологии, у проф. В. А. Жуковского занимался персидским языком, кроме того посещал необязательные для него лекции проф. П. М. Мелиоранского, проф. И. А. Бодуэн де-Куртенэ, проф. С. К. Булича и др.

Но особый интерес к изучению живых тюркских языков, а не искусственного языка турецкой поэзии, которому уделял большое внимание в университете проф. В. Д. Смирнов, приводит С. Е. Малова в кружок акад. В. В. Радлова, в университете не преподававшего.

Основное направление научных интересов кружка акад. В. В. Радлова совпадало с научными интересами С. Е. Малова, и он, будучи еще студентом, вошел в него и целиком включился в его работу. Так В. В. Радлов стал его неофициальным по положению («приватным», по выражению С. Е. Малова), но, по существу, основным руководителем.

У акад. В. В. Радлова С. Е. Малов занимался некоторыми, преимущественно алтайскими, тюркскими языками. В. В. Радлов привлекал С. Е. Малова к участию во всех видах проводимой им самим работы. Имея в виду в дальнейшем направить его для изучения языка уйгуров Центрального Китая от Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, акад. В. В. Радлов командировал С. Е. Малова летом 1908 г. для предварительного испытания к шорцам и чулымцам Томской губ. Материалы по этой экспедиции частично опубликованы в отчете С. Е. Малова.[1]

По окончании университета в 1909 г. С. Е. Малов получил, по представлению В. В. Радлова, командировку от Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в Западный и Центральный Китай для изучения языка и быта тюркских племен (особенно желтых уйгуров и саларов).

В те времена путешествие было очень сложным делом и требовало большого количества времени, так как оно совершалось на лошадях. Но для языковеда и этнографа это имело и свою хорошую сторону, так как общение с местным населением было по необходимости длительным. В пути к месту работы С. Е. Малов имел возможность хорошо познакомиться с языком и всем укладом жизни казахов, киргизов, узбеков, уйгуров. И так как это путешествие было проделано дважды (два раза туда и два раза обратно), то материал был собран огромный. Позднее С. Е. использовал

---

[1] Отчет о командировке студента Восточного факультета С. Е. Малова. Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1909, № 9, стр. 35—46.

свои наблюдения и полученный материал в статьях по языку казахов, киргизов, узбеков и уйгуров.

Но основной целью путешествия в Западный и Центральный Китай было изучение обитающих там многочисленных групп уйгуров, их языка, устного творчества, быта, верований. Среди различных групп уйгуров С. Е. Малов провел в общей сложности 4 года.[1] Им был собран здесь огромный материал по языку и фольклору уйгуров Западного и Центрального Китая — желтых уйгуров, лобнорцев, хамийцев. Опубликована же лишь незначительная часть материалов по языкам этих народов.[2] Основные материалы обработаны, но еще ждут напечатания. Среди них первый том рукописи «Язык желтых уйгуров» (20 п. л.). «Язык лобнорцев» (20 п. л.) и «Хамийское наречие уйгурского языка» (20 п. л.) — на очереди. Записи по языку и фольклору делались и с помощью фонографа. Валики, привезенные С. Е. Маловым из этого путешествия, хранятся в собраниях Фольклорной комиссии Академии Наук СССР. С помощью же фонографа собраны и материалы по музыке и песням уйгуров. Материал этот обработан совместно с И. А. Козловым и также представляет собою готовую к печати рукопись — «Музыка и песни тюрков Западного Китая» (10 п. л.). Материалы дневников обработаны в форме описания путешествия — «Среди тюрков Западного Китая. Из путешествия 1909—1911 гг. и 1913—1914 гг. — Уйгуры-мусульмане, уйгуры-буддисты и салары» (30 п. л.).

Во время путешествия в Западный и Центральный Китай (май 1910 г.) С. Е. Малову удалось найти в кумирне селения Вунфыгу (провинция Гань-су) 235 разрозненных листов уникальной рукописи «Алтун jaрyk». Дальнейшими поисками с помощью местных жителей и чиновников эта находка была пополнена. Благодаря этому для науки был сохранен уникальный памятник древнего литературного уйгурского языка.[3]

В результате работы, проведенной С. Е. Маловым во время путешествия к уйгурам Западного Китая, и последующей обработки собранных материалов по языку и этнографии различных групп уйгуров С. Е. Малов стал крупнейшим специалистом в области уйгуристики.

По возвращении из второго путешествия в Западный Китай С. Е. Малов приступил к сдаче магистерского экзамена. В 1916 г. он сдал его, а с 1917 г. начал свою педагогическую работу сначала в Казани, а затем с 1922 г. в Петрограде.

---

[1] С 1909 по 1911 г. и с 1911 по 1913 г.; см. его отчеты: Отчет о путешествии к уйгурам и саларам. Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, сер. II, 1912, № 1, стр. 94—99; Отчет о втором путешествии к уйгурам С. Е. Малова. Изв. Русского Комитета..., сер. II, 1914, № 3, стр. 85—88.

[2] См. например: Сказки желтых уйгуров. Живая старина, 1912, вып. II—IV, стр. 467—476; Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров. Живая старина, 1914, вып. III—IV, стр. 305—316.

[3] О значении этого открытия для науки см. статью чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева «Труды русских ученых в области тюркологии» (Уч. зап. МГУ, вып. 107, т. III, кн. 2, 1946, стр. 69).

Особого упоминания заслуживает то, что С. Е. Малов работал во всех основных вузах, готовивших кадры для тюркоязычных республик: Мусульманские трехгодичные курсы (Казань, 1918—1919), Институт народного образования (Казань, 1919), Институт живых восточных языков (Ленинград, 1923—1938), Средне-Азиатский Государственный университет (Ташкент, 1923—1927), Курсы нацменьшинств Советского востока (Ленинград, 1929—1930), Институт красной профессуры (Ленинград, 1930), аспирантура Института народов Севера (Ленинград, 1934—1938 гг.), Академия истории материальной культуры.

В 1934 г. С. Е. Малов был приглашен в Институт языка и мышления. С этого времени он деятельно включился в работу института в качестве заведующего Кабинетом (позднее сектором) тюркских языков.

В 1939 г. С. Е. Малов был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1945 г. общественность Казахстана тепло отметила 65-летие со дня рождения и 40-летие научной и педагогической деятельности С. Е. Малова. Несмотря на трудности военного времени, приехали делегации из Киргизии и Узбекистана; Институт языка и литературы Казахского Филиала АН СССР организовал сессию, посвященную юбилею. Было прочитано 10 докладов по вопросам, близким научным интересам С. Е. Малова. Несколько позднее, в 1946 г., Киргизским Филиалом АН СССР был издан сборник «Белек[1] С. Е. Малову»,[2] посвященный этой же дате.

В 1945 г., в связи с юбилеем Академии Наук СССР, С. Е. Малов был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Этой высокой правительственной наградой было выражено признание больших заслуг С. Е. Малова перед отечественной наукой.

Лексика тюркских языков — раздел науки о языке, которому С. Е. Малов уделяет особенно большое внимание. В этой области он едва ли имеет себе равных. Широкое знакомство с большим числом тюркских языков, современных и древних, позволило ему чрезвычайно глубоко изучить как лексический состав тюркских языков, так и отдельные слова, их распространение по языкам, их историю, изменение значений и т. д.

С. Е. Малов начал заниматься лексикой тюркских языков с самых первых шагов своей научной работы. В процессе изучения живых языков, а также при изучении памятников древнетюркских языков он собирал материал, который заносил в свою картотеку. Все редкое, мало известное, новое, что встречал С. Е. Малов при изучении современных тюркских языков или памятников древних языков, будь то явление лексическое, фонетическое, морфологическое или синтаксическое, — все вошло в его картотеку. В результате за 45 с лишним лет собрался большой материал,

[1] Белек 'подарок'.
[2] Белек С. Е. Малову. Сборник статей. Фрунзе, 1946, 70 стр.

имеющий исключительно важное значение для всех областей исследования тюркских языков и особенно для их истории. Эта картотека С. Е. Малова давно уже с пользой служит науке, так как к ней прибегают все его ученики-языковеды, а также все, кто обращается к С. Е. за разъяснением по какому-либо вопросу. По поводу каждого вопроса, недоумения, спора и просто для проверки нового материала, нового освещения старых материалов С. Е. Малов наводит справки в своей картотеке, и не было случая, чтобы в ней не нашлось чего-нибудь интересного и важного для выяснения любой детали языка.

Бо́льшая часть работ С. Е. Малова по языку, особенно те работы, в которых даются материалы, снабжены словарями: «Язык желтых уйгуров», «Язык лобнорцев», «Хамийское наречие уйгурского языка», «Заметки по туркменскому языку и его диалектам». Из опубликованных работ словари приложены к следующим: «Образцы древнетюркской письменности» (1926), «Ибн-Муханна о турецком языке» (1928). Словарь к работе В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка» (1928) также составле́н С. Е. Маловым.

В течение многих лет С. Е. собирал материалы для древнетюркского словаря. В Институте языка и мышления под его руководством производилась выборка лексического материала по древнетюркским памятникам. В результате составилась картотека, насчитывающая до 100 000 карточек, охватывающая все древнетюркские памятники по языку.

Лексические материалы почти всегда приводятся С. Е. Маловым в его предельно кратких, но всегда насыщенных фактами рецензиях. См., например, его «Несколько замечаний к статье А. В. Анохина „Душа и ее свойства по представлению телеутов“» или одну из последних рецензий «Труды по древнетюркской лексике» (1947) и мн. др. С этой стороны все его рецензии должны самым тщательным образом изучаться, а материал, разбросанный в них, следует как-то собрать.

Лексической работой является и статья «Тюркизмы „Слова о полку Игореве“». В ней разбираются некоторые неясные слова в знаменитом памятнике древнерусского языка, которые с давних пор понимались как названия каких-то древних тюркских племен. С. Е. Малов, на основе широких лексических сопоставлений с материалами различных современных тюркских языков, приходит к выводу, что «в этом месте „Слова о полку Игореве“ имеются перечисления титулов, чинов или, скорее, прозвищ высоких лиц из тюрков, древних соседей русских».[1] Эта работа, представляя собой большой интерес для изучения языка «Слова о полку Игореве», имеет в то же время большое значение и для исследования древней тюркской лексики.

Особая любовь к словарной работе и обилие накопленного им материала в этой области сделали С. Е. желанным участником подготовки

---

[1] Изв. АН СССР, ОЛиЯ, т. V, 1946, вып. 2, стр. 130.

к изданию многих словарей по различным тюркским языкам. Так, он принимал участие в издании «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского. Как редактор С. Е. Малов принимал большое участие в подготовке к изданию «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахина. Совместно с А. Н. Кононовым С. Е. Малов редактировал «Словарь Махмуда Кашгарского».

Как консультант по лексическим заимствованиям из тюркских языков С. Е. Малов принимает участие в подготовке к изданию «Словаря современного русского литературного языка» и «Древнерусского словаря».

Можно сказать без преувеличения, что С. Е. Малов не расстается со словарями, он их читает от начала до конца. Выход каждого нового словаря по тюркским языкам является для него праздником, о чем он часто говорит в своих рецензиях.[1] С. Е. продолжает обычно работать над словарями, — в подготовке к изданию которых он принимал участие, — даже после их выхода в свет.

Примером участия в словарной работе по языку, не являющемуся прямой специальностью С. Е., может служить участие его в подготовке к изданию «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского. В предисловии к 7-му выпуску «Словаря» автор его говорит,[2] что С. Е. Малов начал эту работу в 1925 г. и вел ее с небольшими перерывами до завершения издания в 1930 г.[3]

Участие его заключалось в том, что он подыскивал сопоставления для тех или иных якутских слов со словами из современных или древних тюркских языков. Задача осложнялась двумя обстоятельствами: своеобразием якутской фонетики, которое не всегда позволяло узнать в якутском слове тюркскую основу (ср., например, якутский глагол *иэй-* 'быть расположенным к кому-либо' и глагол, известный во многих тюркских языках, *сев-* 'любить', которые являются совершенно правильными фонетическими соответствиями), и отсутствием в то время достаточно полных словарей по большинству тюркских языков. Поэтому в очень многих случаях С. Е. при сопоставлении якутских слов с известными ему тюркскими словами опирался только на свои личные знания, и так как в этом случае автор «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарский не имел возможности проверить его, то эти сопоставления вошли в «Словарь» с пометой «С. М.» (Сергей Малов).[4] Таких помет в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского довольно много.

---

[1] См. его рецензию на «Русско-киргизский словарь».
[2] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, вып. VII. Л., 1925.
[3] Там же, вып. XIII, Предисловие. Л., 1930.
[4] Там же, вып. XIII, Источники и пособия для «Словаря якутского языка», стр. V.

Особое место в кругу научных интересов С. Е. Малова занимают исследования по языкам древних тюркских памятников. В этой области он является единственным в СССР специалистом.

Еще будучи студентом, С. Е. совершает почти ежегодные поездки в те места, где имеются древние намогильные надписи. Так, в 1905 г., во время летней поездки в Тетюши, близ Казани, он сфотографировал имевшийся там намогильный памятник, чтение и перевод которого были опубликованы им 42 года спустя в статье «Булгарские и татарские эпиграфические памятники».[1] В этой же статье в начале описания другой эпитафии сообщается, что летом 1907 г. им была совершена на личные средства экскурсия в с. Матвеевку Казанской губ. для изучения имеющихся там булгарских эпитафий. Наконец, в 1908 г., тоже еще студентом Петербургского университета, во время командировки от Русского Комитета к шорцам, чулымцам, хакасам, С. Е. впервые знакомится с енисейскими руническими памятниками, над изучением сложного языка которых трудился он потом на протяжении всей своей научной деятельности (см. ниже, стр. 17).

Командировка С. Е. в Центральный и Западный Китай для изучения желтых уйгуров и саларов имела, между прочим, своей целью изучить язык этих народов с тем, чтобы получить возможность читать древнеуйгурские рукописи, в большом количестве найденные различными экспедициями в местах расселения именно этих народов. Такова была мотивировка предложения акад. В. В. Радлова направить С. Е. Малова для изучения языка саларов и уйгуров Китайского Туркестана.[2] Во время путешествия С. Е. расспрашивал население о местонахождении древних рукописей и искал их сам. В результате была найдена большая уйгурская рукопись «Алтун jаруk».

Как только рукопись была привезена в Петербург, С. Е. Малов вместе с В. В. Радловым сразу же принялись за ее изучение и подготовку к печати. В 1913 г. вышли 1-я и 2-я книги в серии «Bibliotheca Buddhica» Академии Наук. В дальнейшем остальные части этого издания выходили из печати в 1914, 1915, 1917 гг. Все издание было завершено переводом акад. В. В. Радлова на немецкий язык, который был опубликован только в 1930 г., много лет спустя после его смерти.

Это была первая большая работа по изданию текста древних рукописей, в которой С. Е. Малов принял большое участие (в первых выпусках); завершил же он эту работу самостоятельно.

В дальнейшем С. Е. постоянно занимался изучением языка древних памятников: рукописей, юридических документов и различных надписей — намогильных, наскальных и на различных предметах.

---

[1] Эпиграфика Востока, I, 1947, стр. 38—45.

[2] См. извлечение из протокола заседания Русского Комитета от 20 IV 1909, п. 9 (Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1910, № 10, СПб., стр. 14—15).

В связи с курсом по древнетюркскому языку, который С. Е. Малов читал в течение ряда лет в Средне-Азиатском Государственном университете в г. Ташкенте студентам Восточного факультета, в 1926 г. в г. Ташкенте было издано стеклографическим способом небольшое пособие «Образцы древнетурецкой письменности» с предисловием и словарем. В работу вошли отрывки из важнейших памятников древнетюркских языков: памятник в честь Тоньюкука, памятник в честь Кюль-тегина, отрывки из «Кутадгу билиг», из «Алтун јаруk». Несмотря на свое сугубо практическое назначение, пособие это было дальнейшим шагом в истории изучения языка древних тюркских памятников. С. Е. в этой книге не только учел все сделанное его предшественниками, но и внес в чтение этих памятников много своего. Этим и объясняется то, что в специальных работах по языку, истории, археологии можно встретить ссылки на эту маленькую учебную хрестоматию.

«Образцы древнетурецкой письменности», изданные в 1926 г. в Ташкенте в количестве 100 экземпляров, давно стали библиографической редкостью. Между тем, пособие такого рода совершенно необходимо при подготовке специалистов по тюркским языкам, истории, археологии и этнографии в центральных и местных вузах. Сам С. Е. Малов особенно остро чувствовал необходимость в таком пособии, так как он на протяжении всей своей педагогической деятельности вел курс по древнетюркским языкам. В процессе чтения курса им были обработаны чтения и переводы большого числа памятников, целиком или в извлечениях, относящихся к различным древнетюркским языкам. В результате составилась большая хрестоматия — «Древнетюркская письменность. Тексты и исследования» (35 п. л.). В этой хрестоматии даются необходимые сведения о самих памятниках, воспроизводится текст памятника (руническим, уйгурским или арабским шрифтом), дается транскрипция текста, показывающая его правильное чтение, и, наконец, перевод. К хрестоматии приложен большой словарь, включающий в себя все слова приведенных памятников. Труд «Древнетюркская письменность» уже печатается, и появление его будет большим событием, так как это учебное по своему назначению издание, с одной стороны, учитывает все, что было сделано в разное время разными учеными по чтению и переводу приведенных в хрестоматии памятников, с другой стороны, дает во многих случаях новое, более правильное чтение и перевод памятников, сделанные С. Е. Маловым. Поэтому это пособие несомненно будет новой ступенью в изучении древнетюркских памятников.

При чтении того или иного древнетюркского памятника С. Е. строго придерживается графики памятника, отражающей его фонетические и морфологические особенности. Он никогда ничего не вставляет, не выкидывает и не объявляет ошибкой писца, так как давно пришел к выводу, что то, что иногда считается ошибкой писца, в дальнейшем оказывается ошибкой ученого, еще недостаточно изучившего язык памятника. При переводе

памятника С. Е. Малов, с одной стороны, учитывает значение слов и их грамматических форм, установленное при чтении других памятников, а также значение слов и грамматических форм многочисленных современных тюркских языков. Это позволяет ему улучшать многие старые переводы памятников и истолковывать многие непонятные до сих пор места.

В обеих хрестоматиях С. Е. старался дать точное чтение и перевод на основе тщательного изучения текста, учета чтения и переводов, данных другими учеными, и привлечения новых материалов по древним и современным тюркским языкам. Это же является стилем и всех других работ С. Е. над различными памятниками древнетюркских языков.

Такова, например, его работа «Ибн-Муханна о турецком языке»,[1] посвященная памяти проф. П. М. Мелиоранского. В ней С. Е. Малов, на основе тщательного изучения текста вновь открытой рукописи Ибн-Муханны и сопоставления ее с рукописью, которую исследовал П. М. Мелиоранский в своей докторской диссертации «Араб-филолог о турецком языке», разъясняет многие неясные места в тексте и словаре последней.

Такова же по своему характеру и его статья «Из третьей рукописи Кутадгу билиг»,[2] в которой С. Е. Малов уточняет чтение и перевод отдельных мест, сделанные ранее акад. В. В. Радловым и некоторыми другими исследователями, пользуясь сопоставлением всех известных рукописей этого древнеуйгурского сочинения и, особенно, недавно введенной в научный оборот Наманганской рукописи.

Такова же и его работа «К истории и критике Codex Gumanicus»,[3] посвященная чтению и переводу отдельных мест одного из редких памятников половецкого языка XIII—XIV вв. В этой статье С. Е., тщательно изучив самый текст памятника, уточняет его датировку. Основная часть статьи посвящена уточнению чтения и перевода содержащихся в памятнике половецких загадок.

Время от времени С. Е. Малов проводит чтение какого-либо памятника со своими учениками, занимающимися разными тюркскими языками и находящимися на разных ступенях обучения, — студентами, аспирантами, научными сотрудниками. Эти своеобразные чтения чрезвычайно интересны, так как сам С. Е. дает исключительно глубокое толкование текста как со стороны особенностей языка памятника, так и со стороны истории и исторической этнографии самого народа — носителя данного языка. В процессе чтения приводится огромный сопоставительный материал по различным современным и древним тюркским языкам. Но, организуя эти чтения, С. Е. Малов преследует и другую цель —

[1] Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. III, вып. 2, Л., 1928, стр. 221—248.
[2] Изв. АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 9, Л., стр. 737—756.
[3] Там же, 1930, № 5, Л., стр. 347—375.

привлечь к разъяснению многих, еще неясных мест языка того или иного памятника специалистов по различным современным тюркским языкам и по языкам народов, с которыми древние тюркские племена соприкасались, с тем чтобы попытаться объяснить неясные места с точки зрения материала разных тюркских языков.

Много сделал С. Е. Малов и по публикации древних уйгурских юридических документов. Большое число таких памятников, имеющих важное значение для изучения истории тюркоязычных народов, готовил к печати акад. В. В. Радлов. Смерть помешала ему довести до конца начатое дело, и С. Е. Малову пришлось завершать работу своего учителя.[1] Дело это было очень сложным, так как, с одной стороны, В. В. Радлов проделал огромную работу по чтению и переводу очень трудных памятников, с другой стороны, накопленные знания по древнеуйгурскому языку отчетливо выявили и грубые ошибки в чтении памятников, допущенные В. В. Радловым («обалтаивание» их в транслитерации), и серьезные промахи в самих переводах. Но так как чтения и переводы памятников, сделанные акад. В. В. Радловым, сыграли очень важную роль в истории их изучения, то решено было сохранить транслитерацию и перевод В. В., а в предисловии и особенно в разделе «Исправления и дополнения» («Addenda et corrigenda») и в приложенном словаре дать все исправления как в чтении, так и в переводе. В результате в книге оказались две сильно расходящиеся по чтению и переводу памятников части, отражающие два этапа в истории нашей науки: один — связанный с именем акад. В. В. Радлова, так много сделавшего для начального периода изучения древнетюркских памятников в нашей стране, другой — связанный с именем С. Е. Малова. Это иногда не учитывают некоторые авторы и, используя материалы этой книги, приводят документы в радловской транслитерации.[2]

Сопоставление той части книги «Памятники уйгурского языка», которая выполнена акад. В. В. Радловым, с той частью книги, которая принадлежит перу С. Е. Малова, хорошо выявляет различие в методах работы учителя и ученика. В. В. Радлов читал и переводил текст древних памятников на основе своих знаний, в первую очередь, тюркских языков Алтая, с которых он начал. Он проникновенно схватывал общее содержание памятника, не особенно заботясь о выяснении всех деталей (так было и при чтении орхонских рунических надписей, транслитерированные тексты и переводы которых акад. В. В. Радлову пришлось несколько раз исправлять и дополнять в многочисленных выпусках «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei»). С. Е. Малов, напротив, тщательно учитывая каждую деталь письма, дает свое чтение и перевод, кропотливо изучая все особенности языка памятника и привлекая для сравнения весь возможный материал. Если правильна та

[1] В. В. Радлов. Памятники уйгурского языка. (W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler). Л., 1928.

[2] См., например: Н. Т. Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-ата, 1942, стр. 51.

характеристика, которую образно дает С. Е. Малов акад. В. В. Радлову как ученому-художнику больших полотен, крупных мазков, то о нем самом следует сказать, что он мастер тщательно отделанной миниатюры, поражающей блеском и тонкостью своей работы.

Кроме сборника юридических документов, рассмотренного выше, С. Е. опубликовал несколько отдельных документов в статьях «Два уйгурских документа»[1] и «Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга».[2] Обе эти статьи по содержанию документов и по методу их исследования и подготовки к печати примыкают к книге «Памятники уйгурского языка» (см. выше, стр. 16).

Целый ряд статей С. Е. Малова посвящен чтению и переводу рунических наскальных и могильных надписей. Часть этих надписей была открыта до революции, некоторые из них потом были забыты и в наше время открывались вновь,[3] но много надписей было обнаружено уже после революции советскими археологами[4] и геологами.[5] Бóльшая часть их прошла через руки С. Е. Малова, и результаты его работы над ними отразились в статьях: «Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас»,[6] «Новые памятники с турецкими рунами»,[7] «Таласские эпиграфические памятники».[8]

Все эти материалы имеют большое значение для изучения истории тюркоязычных народов. Поэтому они постоянно используются в работах советских и зарубежных археологов и историков.

В данное время С. Е. Малов продолжает работу по чтению и переводу енисейских рунических памятников. Впервые он заинтересовался ими в 1908 г., осматривая проездом в Минусинске Мартьяновский музей.[9] Енисейские рунические памятники очень сложны и требуют для своей дешифровки много труда. В результате многолетних исследований у С. Е. собрался большой материал, который он предполагает издать отдельной книгой «Енисейские рунические памятники киргизов» (12 п. л.). Для проверки на месте имеющегося материала он выезжал летом 1948 г. в г. Минусинск.

Чтению отдельных надписей на предметах, добытых археологами и хранящихся в музеях, посвящены статьи С. Е.: «Болгарская золотая чаша с турецкой надписью»[10] и «Замок из Билярска с арабской надписью».[11]

---

[1] Сб. «В. В. Бартольду». Изд. Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1927, стр. 387—394.
[2] Записки Института востоковедения АН СССР, т. I, 1932, стр. 129—149.
[3] М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936.
[4] Там же, стр. 12.
[5] Там же, стр. 13.
[6] Изв. АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 10, стр. 799—806.
[7] Язык и мышление, VI—VII, 1936, стр. 251—280.
[8] Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 17—38.
[9] С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. Язык и мышление, VI—VII, 1936, стр. 259.
[10] Казанский музейный вестник, 1921, № 1—2, Казань, стр. 67—72.
[11] Записки Коллегии востоковедов, т. II, вып. 1, Л., 1926, стр. 155—162.

В своих многочисленных рецензиях С. Е. постоянно откликается на появление в печати новых текстов древних памятников или новых переводов уже опубликованных памятников. При этом, осведомляя читателей о новинках в области изучения языка древних памятников, он, приветствуя издания, отмечает их ошибки и промахи.[1]

Как большинство востоковедов, С. Е. Малов занимается не только языком, но и этнографией и историей тех племен и народов, язык которых он изучает. Эти его занятия также нашли свое отражение в специальных статьях.

В области этнографии у С. Е. Малова собран большой материал по верованиям тюркских народов. Так, уже после поездки в Западную Сибирь он написал статью «Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии».[2]

Во время поездки в Западный и Центральный Китай С. Е. также уделил много внимания изучению верований желтых уйгуров и саларов, что видно как из его отчетов (особенно второго),[3] так и из опубликованных им статей «Остатки шаманства у желтых уйгуров»[4] и «Шаманство у сартов Восточного Туркестана».[5]

За опубликованные статьи по шаманству в 1912 г. С. Е. Малову была присуждена серебряная медаль Русского Географического общества.[6]

И после революции С. Е. Малов время от времени публикует свои прежние работы и записи по верованиям различных тюркских народов. Так, им были опубликованы статьи: «Несколько замечаний к статье А. В. Анохина „Душа и ее свойства по представлению телеутов“»[7] и «Шаманский камень „яда“ у тюрков Западного Китая».[8] Среди опубликованных материалов по языку уйгуров имеются и шаманские тексты.[9]

Изучая язык древнетюркских памятников, С. Е. Малов много занимался и историей тюркских народов. Специальных работ по истории тюркских народов у С. Е. нет, но его глубокие знания в этой области хорошо известны в среде специалистов. Поэтому он часто привлекается как консультант при осуществлении каких-либо работ по истории тех или иных тюркских народов. Иногда это участие С. Е. Малова в решении

---

1 См., например, рецензию С. Е. Малова «Кутадгу билиг — факсимиле» (Советское востоковедение, V, 1948, стр. 327—328), или рецензию на: H. N. Orkin. Eski türk yazitlari. (Вестник древней истории, 1948, № 2, стр. 123).

2 Живая старина, 1909, вып. II—III, стр. 4.

3 Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, сер. II, 1914, № 3, СПб., стр. 85—88.

4 Живая старина, 1912, вып. I, стр. 61—74.

5 Сборник МАЭ, т. V, 1917, стр. 16.

6 См. об этом: Отчет о деятельности Отделения этнографии и состоящих при нем постоянных комиссий за 1912 г. Живая старина, 1913, вып. I—II, стр. XXIV.

7 Сб. МАЭ, т. VIII, 1929, стр. 330—333.

8 Советская этнография, I, 1947, стр. 151—160.

9 См., например: Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна. Сб. «С. Ф. Ольденбургу...», 1934, стр. 307—322.

вопросов происхождения того или иного народа отражается в печати. Так, например, выступление его на сессии Отделения истории и философии АН СССР по вопросу этногенеза татар Поволжья было изложено в обзоре «Вопросы этногенеза татар Поволжья».[1] Позднее материалы этой сессии были изданы отдельной книгой — «Происхождение казанских татар» (Казань, 1948). В ней напечатана стенограмма выступлений С. Е. Малова (стр. 116—119).

По вопросу отношения татар к другим тюркским народам имеется и более раннее высказывание С. Е., отраженное в протоколах общих собраний и заседаний Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.[2]

Изучение истории тюркских народов для самого С. Е. имеет подсобное значение. Ею он занимался в связи со своими работами по вопросам формирования отдельных тюркских языков и их истории. По этим вопросам у С. Е. были специальные статьи: «К истории казахского языка»,[3] «Мир Алишер Навои в истории тюркских литературных языков Средней и Центральной Азии»[4] и некоторые другие.

На протяжении всей своей научной деятельности С. Е. Малов вел и ведет большую практическую работу, которая протекает по двум основным направлениям: участие в создании письменности для некоторых тюркоязычных народов и подготовка кадров.

Начало самостоятельной научной деятельности С. Е. как раз падает на первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, в которые, в осуществление ленинско-сталинской национальной политики партии, закладывался фундамент новой культуры тюркоязычных народов, национальной по форме, социалистической по содержанию. Создание письменности и литературного языка для этих народов было делом огромной государственной важности.

С. Е. Малов включился в эту работу с самого начала. Известно, что на первых порах в наших тюркоязычных республиках почти полностью отсутствовали необходимые научные кадры для ведения работы по созданию у них письменности и литературного языка. Поэтому для разработки алфавитов и первых сводов орфографических правил были привлечены работники центра. В Ленинграде такую работу проводила Академия Наук. Радловский кружок, деятельным членом которого состоял С. Е. Малов, был привлечен Академией к решению этой задачи. На заседаниях Радловского кружка, а также на заседаниях Лингвистической секции Неофилологического общества обсуждались проекты алфавитов для различных тюркских языков. В результате многих заседаний и продолжительных дискуссий

---

[1] Советская этнография, № 3, 1946, стр. 152.
[2] Изв. Общества ..., т. XXX. Казань, 1919, стр. 8.
[3] Изв. АН СССР, ОЛиЯ, 1941, № 3, стр. 97—101.
[4] Там же, 1947, вып. 6, стр. 475—480.

был разработан унифицированный латинский алфавит.[1] С. Е. Малов как член Радловского кружка принимал деятельное участие в обсуждении проекта, а позднее и в обсуждении на местах различных вопросов, связанных с его практическим применением.

В 1926 г. С. Е. принимает участие в Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в г. Баку, на котором делает доклад «Изучение древних турецких языков».[2]

В 1930 г. С. Е. участвует во Второй всеуйгурской научно-орфографической конференции в г. Алма-ата, на которой выступает с докладами «Литературный язык уйгуров» и «Желтые уйгуры», опубликованными сначала в местной печати на уйгурском языке (см. приложенный список трудов С. Е. Малова, стр. 26), а позднее в «Резолюциях и материалах Второй всеуйгурской научно-орфографической конференции» (Кзыл-орда, 1932).

В 1934 г. С. Е. принимал участие во Второй крымской орфографической конференции в г. Симферополе, что также нашло отражение в ряде статей в местной печати (см. приложенный список трудов С. Е. Малова, стр. 26).

В 1935 г. С. Е. присутствует на Первой каракалпакской языковой конференции в г. Турткуле. В этом же году он участвует на совещании по вопросам языка в Туркмении.

В 1937 г. С. Е. — участник Всеказахстанской конференции деятелей уйгурской культуры в г. Алма-ата. В конце работы этой конференции было организовано чествование двух почетных гостей, одним из которых был С. Е. Это чествование было отражено в местной печати.[3]

В 1938 г. С. Е. выезжает в далекую Якутию для проведения перехода якутской письменности с латинизированного алфавита на алфавит с русской основой.

Поездки на места для проведения практических мероприятий С. Е. Малов всегда использовал для научной работы. Нередко он принимал участие в лингвистических экспедициях, проводимых на месте. Так, в 1933 г. он участвовал в каракалпакской языковой экспедиции, результатом чего явилась его статья «Каракалпакский язык и его изучение»[4] и «Заметки по каракалпакскому языку», печатавшиеся в Турткуле. Аналогичные работы провел С. Е. Малов и в Туркмении. Работа «Заметки по туркменскому языку и его диалектам» (4 п. л.), в которой обработаны результаты этой экспедиции, еще ждет своего издания.

---

[1] См.: Сводный протокол совещания по вопросу о приспособлении латинского алфавита к турецким языкам. Изв. Российской Академии Наук, VI сер., 1924, № 12—28, стр. 653—662.

[2] Доклад по стенограмме напечатан в: Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Стенографический отчет. Баку, 1926, стр. 139—142. См. также: Бюллетень оргкомитета по созыву Первого Всесоюзного тюркологического съезда, № 2, Баку, 1926, стр. 17.

[3] Газ. «Социалистическая Алма-ата», вечерняя газета от 8 III 1937.

[4] Каракалпакия. Труды Первой конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР, т. II, Л., 1934, стр. 200—207.

Но, пожалуй, самым большим вкладом С. Е. Малова в дело создания национальной культуры в наших тюркоязычных республиках была подготовка национальных кадров языковедов.

Нет ни одной из тюркоязычных республик в СССР, где бы не было языковедов — учеников С. Е. Многие из них уже и сами являются крупными учеными, возглавляют местные институты по языку, литературе, являются действительными членами и членами-корреспондентами академий наук союзных республик.

Эта заслуга С. Е. Малова является общепризнанной. Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Е. Малову «за выдающуюся научно-исследовательскую работу в области языкознания и за особые заслуги в подготовке научных кадров в Казахстане» было присвоено звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР.[1] За эти же заслуги С. Е. награжден почетной грамотой Верховного Совета Якутской АССР.[2]

Педагогическая деятельность С. Е. Малова началась в 1917 г. в Казани. Дата — сама по себе знаменательна. Как все области жизни нашей страны, так и университетское образование подверглось в это время коренной ломке и перестройке. С. Е. сразу включился в общую работу.

В 1917 г. вышли две его статьи, посвященные организации восточных (турецкого и финского) отделений на Историко-филологическом факультете Казанского университета: «Об учреждении восточных (турецкого и финского) отделений на Историко-филологическом факультете Казанского университета» и «Новые кафедры восточных отделений».

В различных вузах С. Е. Малов читал курсы: «Введение в тюркологию», «Древнетюркские языки», «Уйгурский язык», «Узбекский язык» и многие другие.

Особенно много С. Е. работал и работает с аспирантами. Многие из них под его руководством вели изучение своего родного языка: азербайджанского, балкарского, казахского, каракалпакского, киргизского, кумандинского, ойротского, татарского, туркменского, узбекского, уйгурского, шорского, хакасского, якутского. Уже одно только перечисление языков, по которым вел занятия С. Е., говорит о широте и многогранности этой работы. Если же к этому добавить, что в зависимости от интересов самих аспирантов работа шла или в области морфологии, или в области лексики, в области изучения идиом и фразеологических словосочетаний, в области синтаксиса и фонетики, в области истории языка, в области диалектологии, то проводимая им работа станет еще значительнее.

Участвуя в практических работах по языку, С. Е. привлекает к ним и своих учеников, постоянно напоминая им о том, что это является «долгом тюрколога». И вся научная, педагогическая и общественная деятельность

[1] Газ. «Казахстанская правда» от 22 I 1935.
[2] Газ. «Социалистическая Якутия» от 11 VII 1947.

С. Е. Малова является образцом выполнения этого высокого «долга тюрколога», образцом служения на своем посту делу развития науки и культуры в нашей многонациональной стране.

ТРУДЫ СЕРГЕЯ ЕФИМОВИЧА МАЛОВА

I. Печатные труды

1904 г.

1. Из поездки к мишарям. (О наречии мишарей Чистопольского уезда).
Приложение к «Ученым запискам Казанского университета». Казань, 1904, 1—24 стр.

1909 г.

2. Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии.
Живая старина, 1909, вып. II—III, СПб., стр. 38—41.
3. Отчет о командировке студента Восточного факультета С. Е. Малова.
Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1909, № 9, СПб., стр. 35—46; см. также стр. 8.

1911 г.

4. Сообщения в Восточном отделении Русского Археологического общества: а) Уйгурские рукописи XVII—XVIII вв.; б) Система счисления в уйгурском наречии древнем и новом.
Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. 1911, XXI, вып. 1, Протоколы, стр. XV.

1912 г.

5. Юбилей акад. В. В. Радлова.
Камско-Волжская речь, Казань, 5-I-1912, № 4.
6. Остатки шаманства у желтых уйгуров. С рис.
Живая старина, год XXI, 1912, вып. 1, СПб., стр. 61—74.
7. Изложение доклада «Остатки шаманства у желтых уйгуров».
Живая старина, год XXI, 1912, вып. 1, СПб., стр. IX, Протоколы.
8. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам.
Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1912, № 11, сер. II, СПб., стр. 94—99.
9. Рецензия на: C. G. Mannerheim. A visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsingfors. Journal de la Société Finno-Ougrienne, 1911, XXVII.
Живая старина, 1912, год XXI, вып. 1, СПб., стр. 214—220.

1913 г.

10. Предисловие и издание текста (совместно с акад. В. В. Радловым): Suvarnaprabhāsa (Сутра Золотого Блеска). Текст уйгурской редакции, вып. I—II. Bibliotheca Buddhica, XVII, СПб., 1913.

1914 г.

11. Сказки желтых уйгуров.
Живая старина, год XXI, 1912, вып. II—IV, Пгр., 1914, стр. 467—476.
12. Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров.
Живая старина, год XXIII, СПб., 1914, стр. 305—316.
13. Отчет о втором путешествии к уйгурам.
Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1914, № 3, сер. II, Пгр., стр. 85—88.
14. Издание текста (совместно с акад. В. В. Радловым): Suvarnaprabhāsa (Сутра Золотого Блеска). Текст уйгурской редакции, вып. III—IV, Bibliotheca Buddhica, XVII, Пгр., 1914.

1915 г.

15. Издание текста (совместно с акад. В. В. Радловым): Suvarnaprabhāsa (Сутра Золотого Блеска). Текст уйгурской редакции, вып. V—VI, Bibliotheca Buddhica, XVII, Пгр., 1915.

1916 г.

16. Редактирование: С. Майнагашев. Сказка о купеческом сыне и боярском сыне (на сагайском наречии с русским переводом под ред. С. Е. Малова).
Живая старина, год XXIV (1915), 1916, вып. III, Пгр.

1917 г.

17. Шаманство у сартов Восточного Туркестана.
Сборник Музея антропологии и этнографии Российской Академии Наук, т. V, Пгр., 1917, стр. 1—16. См. также: Журнал заседания Отделения этнографии 13 февраля 1916 г. (Живая старина, общ., год XXV, 1916, вып. 1, стр. 28—32).

18. Издание текста (совместно с акад. В. В. Радловым): Suvarnaprabhāsa (Сутра Золотого Блеска). Текст уйгурской редакции, вып. VII—VIII, Bibliotheca Buddhica, XVII, Пгр., 1917.

19. Об учреждении Восточных (турецкого и финского) отделений на Историко-филологическом факультете Казанского университета.
Сб. «Неотложные задачи земств Поволжья», Казань, 1917, стр. 13—20.

20. Новые кафедры Восточных отделений.
Сб. «Неотложные задачи земств Поволжья», Казань, 1917, стр. 21—26.

1919 г.

21. Заметка о Кашане.
Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 1, Казань, 1919, стр. 74.

22. Содержание выступления по поводу доклада Н. В. Никольского на тему «Половцы и татары».
Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 2, Протоколы общих собраний и заседаний совета, Казань, 1919, стр. 8.

23. Рецензия на: Н. И. Ашмарин. Основы чувашской мифологии.
Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 1, Казань, 1919, стр. 96.

1920 г.

24. Рецензия на: Н. Ф. Катанов, проф. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920.
Известия Северо-восточного археологического и этнографического института, т. II, Казань, 1920, стр. 129—133. Отд. отт. 1921 г.

25. Рецензия на: Н. Н. Фирсов. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья, вып. 1, Казань, 1919.
Известия Северо-восточного археологического и этнографического института, т. II, Казань, 1920, стр. 134—137. Отд. отт. 1921 г.

Н. Ф. Катанов. Восточная хронология. Известия Северо-восточного археологического и этнографического института, т. I, Казань, 1920.
Здесь приведено 10 рисунков с китайских монет-амулетов, вывезенных С. Е. Маловым из Западного Китая.

26. Рецензия на: Н. В. Никольский. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1920.
Известия Северо-восточного археологического и этнографического института, т. II, Казань, 1920, стр. 138—143. Отд. отт. 1921 г.

27. Обзор: Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, 1—138 стр.
Казанский библиофил, 1921, № 1, Казань, стр. 81—82.

1921 г.

28. Болгарская золотая чаша с турецкой надписью. С рис.
Казанский музейный вестник, 1921, № 1—2, Казань, стр. 67—72.

29. Рецензия на: Казанский музейный вестник, 1921, № 1—2, Казань (посвящен народам Востока).
Казанский библиофил, 1921, № 2, Казань, стр. 87—88.

30. Рецензия на: Азиатский сборник. Mélanges Asiatique, 1918, Пгр., 1921.
Казанский библиофил, 1921, № 2, Казань, стр. 89—90.

31. Заметка по поводу выхода в свет: Протоколы I Всероссийского рабоче-крестьянского и красноармейского съезда кряшен, 1921.
Казанский библиофил, 1921, № 2, Казань, стр. 122—123.

32. Рецензия на перевод: Абдулла Тукаев. Волк и баран и Шурале. (Сказка). Перевод с татарского П. Радимова. Казань, 1921.
Казанский библиофил, 1921, № 2, Казань, стр. 166.

33. Рецензия на перевод: Абдулла Тукаев. Узюльган Умид. Избранные стихотворения в переводе П. Радимова. Казань, 1921.
Вестник просвещения (орган Наркомпроса ТССР), 1921, № 2, Казань, стр. 49—50.
34. Рецензия на: Маариф (Просвещение). Социальный, научный и педагогический журнал, 1921, № 1—2, Казань. (На татарском языке).
Вестник просвещения (орган Наркомпроса ТССР), 1921, № 4—5, Казань, стлб. 133—135.
35. Рецензия на: Ресимли татар элифбасы. Казань, 1921. (Татарская азбука с картинками).
Вестник просвещения (орган Наркомпроса ТССР), 1921, № 4—5, Казань, стлб. 135.
36. Рецензия на: Кызыл Шарк (Красный Восток), 1920—1921, №№ 1—10, Казань.
Вестник просвещения (орган Наркомпроса ТССР), 1921, № 4—5, Казань, стлб. 135—136.
37. Рецензия на: Карта Татарской и Башкирской республик. Казань, 1920.
Вестник просвещения (орган Наркомпроса ТССР), 1921, № 4—5, Казань, стлб. 136.
38. Рецензия на: Н. В. Никольский. Чувашско-русский словарь.
Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXI, вып. 4, Казань, 1921, стр. 40.
39. Рецензия на: Белемнек. Общественно-политический, историко-этнографический и литературный журнал. Казань, 1921.
Вестник просвещения (орган Наркомпроса ТССР), 1921, № 6—7, Казань, стлб. 217—219.

1922 г.

40. Библиография: С. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Казань, 1922.
Казанский музейный вестник, 1922, № 2, стр. 302.
41. Библиография: Новый восток, кн. 1, М., 1922; Восток, кн. 1, Петербург, 1922.
Казанский музейный вестник, 1922, № 2, стр. 303—304.
42. Рецензия на: Новый Восток. Журнал Всероссийской Научной ассоциации востоковедения при НКН, кн. 1, М., 1922, 494 стр.
Известия ЦИК Советов Р. К. и К. Д., Обл. Ком. РКП(б) АТССР и Казанского Совета Р. и К. депутатов от 23 сентября 1922 г., № 217 (812), Казань, стр. 5.
43. Рецензия на: Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818—1918. Краткая памятка. Петроград, 1920.
Казанский музейный вестник, 1922, № 1, Казань, стр. 196—198.
44. Рецензия на: В. Ф. Смолин. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар. (Разбор главнейших теорий). Казань, 1921.
Казанский музейный вестник, 1922, № 2, Казань, стр. 302.

1924 г.

45. Предисловие к статье: А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук, т. IV, вып. 2, Л., 1924, стр. I—VII.

1925 г.

46. Рецензия на: A. v. Le Coq. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. Turan, 1918, стр. 449—460.
Записки Коллегии востоковедов, т. I, Л., 1925, стр. 552—556.
47. Рецензия на: 1-е издание Археологического атласа Андрея Федоровича Лихачева. Казань, 1923.
Восток, 1925, кн. 5, изд. «Всемирн. Литературы» и ГИЗ, М.—Л., стр. 269.
48. Рецензия на: М. С. Андреев. Вещие сны, несколько примет и детская игра «сорока-воровка» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Известия Гос. Ср.-Азиатского музея, вып. II. Ташкент, 1923.
Восток, 1925, кн. 5, М.—Л., стр. 256.

W. Kotwicz. Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongols et les Ouigurs. Rocznik Orjentalistyczny, II (1919—1924), Lwów, 1925, стр. 240—247.

Здесь упоминаются бумажные фрагменты, вывезенные С. Е. Маловым из Центрального Китая. Ср.: W. Fuchs und A. Mostaert. Ein Ming-Druck einer chinesisch-mongolischen Ausgabe des Hsiao-ching. Monumenta Serica, IV, 1939, Fasc. 1, 325—329 (Journ. of Oriental Studies of the Catholic University of Peking).

49. Образцы древнетурецкой письменности, с предисловием и словарем. Стеклографированное издание Восточного факультета Ср.-Азиатского Гос. университета, Ташкент, 1926.
50. Замок из Билярска с арабской подписью. С рис.
Записки Коллегии востоковедов, т. II, вып. 1, Л., 1926, стр. 155—162.

51. Современное положение и перспективы изучения древних турецких языков.
Бюллетень Орг. комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда, 1926, № 2, Баку, стр. 17.
52. Изучение древних турецких языков.
I Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля—5 марта 1926 г. Стенографический отчет, Баку, 1926, стр. 139—142.

1927 г.

53. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. Восточные записки, т. I, Л., 1927, стр. 163—172.
Рец.: H. Ritter. Der Islam, Bd. XVIII, H. 3—4, 1929, стр. 311—313.
54. Два уйгурских документа. С рис. (Из работ Восточного факультета Ср.-Азиатского Гос. университета).
Сб. «В. В. Бартольду». Изд. Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1927, стр. 387—394.
55. Рецензии на: 1) A. v. Le Coq. Das Li-Kitabi. Körösi Csoma-Archivum, 1925, 1, Hannover, стр. 439—480. — 2) A. v. Le Coq. Osttürkische Gedichte und Erzählungen. Keleti Szemle, XVIII.
Записки Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 398—400.
56. Рецензии на: Dr. Robert Pelissier. Mischär-tatarische Sprachproben. Abhandl. d. Preus. Akad. d. Wiss., Jahrgang 1918, Phil.-Hist. Klasse, № 18, Berlin, 1919.
Записки Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 400—404.

1928 г.

57. Культивируй мозг.
Газ. «Студенческая правда», 19 апреля 1928 г., Л., стр. 4.
58. Характеристика жителей Восточного Туркестана.
Доклады Академии Наук СССР — В, 1928, № 7, Л., стр. 131—136.
59. Редактирование: Фонетическая классификация турецкой семьи языков. Составил Ю. Соколов. Стеклографированное издание Восточного факультета Ср.-Азиатского Гос. университета, Ташкент, 1928, Таблица.
60. Ибн-Муханна о турецком языке.
Записки Коллегии востоковедов, т. III, вып. 2, Л., 1928, стр. 221—248.
61. Статья-лекция С. Е. Малова в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте в Казани: П. Г. Иванов. Краткие общие сведения о турецко-татарских наречиях. Сборник материалов Томского педагогического техникума, ч. 2. Язык и литература. Томск, 1928, стр. 70—77.
62. К изучению турецких абаканских наречий.
Записки Коллегии востоковедов, т. III, вып. 2, Л., 1928, стр. 289—304.
63. Предисловие, дополнения, исправления и словарь в книге: В. В. Радлов. Памятники уйгурского языка. (W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler). Л., 1928, стр. III—VIII и 217—305.
64. Предисловие к: Edward Piekarski. Zagadki jakuckie. (Якутские загадки). Rocznik Oryentalistyczny, т. IV, Lwow, 1928, стр. 1—5.
65. Рецензии на: Образцы древней тюркской литературы. Самарканд—Ташкент, 1927.
Записки Коллегии востоковедов, т. III, вып. 1, Л., 1928, стр. 213—217.
66. Рецензия на: Сборник научного (студенческого) кружка при Восточном факультете Ср.-Азиатского Гос. университета, вып. 1, Ташкент, 1928, 95 стр.
Газ. «Студенческая правда», 1928, № 11, Л., стр. 3.
67. По материалам С. Е. Малова: Г. Г. Гульбин. Погребение у желтых уйгуров. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VII, Л., 1928, стр. 200—207, с 2 рис.

1929 г.

68. Из третьей рукописи «Кутадгу билиг».
Известия Академии Наук СССР, Отд. гуманитарных наук, 1929, № 9, Л., стр. 737—754.
69. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас.
Известия Академии Наук СССР, Отд. гуманитарных наук, 1929, № 10, Л., стр. 799—806. Ср.: H. N. Orkun. Eski türk yazitlari, т. II, стр. 133, 137, 160.
70. Несколько замечаний к статье А. В. Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов».
Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII, Л., 1929, стр. 330—333.
71. Предисловие и указатели собственных имен и предметный в книге: С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов.
Труды Комиссии по изучению ЯАССР, т. VII, Л., 1929, стр. I—VI и 219—226.

1930 г.

72. Ujqur ilmi kənpirinsisi aldida (Перед уйгурской научной конференцией). Газ. «Kəmbəgəllər avazi», Almuta, 6 IV, 1930, № 18 (325), стр. 3.
73. Uigurlarniц ədəbij tili. (Уйгурский литературный язык). Газ. «Kəmbəgəllər avazi», Almuta, 12 IV 1930, № 19 (326), стр. 2.
74. Seriq ujgurlar. (Желтые уйгуры). Газ. «Kəmbəgəllər avazi», Almuta, 18 IV 1930, № 20 (327), стр. 2.
75. Открылась уйгурская конференция по лингвистике. Газ. «Советская степь», Алма-Ата, 1930, № 106 (1888), стр. 3.
76. Мусульманские сказания о пророках, по Рабгузи. Записки Коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 507—525.
77. К истории и критике «Codex Cumanicus». Известия Академии Наук СССР, Отд. гуманитарных наук, 1930, № 5, Л., стр. 347—375.
78. Sitatapatra-dharani в уйгурской редакции. Доклады Академии Наук СССР — В. 1930, № 5, Л., стр. 88—94.
79. Предисловие к книге: Dr. W. Radloff. Suvarnaprabhasa. (Das Çoldglanz-Sutra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt von... I—III. Bibliotheca Buddhica, XXYII, Л., 1930.
80. Чтение корректур и сопоставление якутских слов с другими тюркскими (особенно с древними) языками в книге: Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Л., 1907—1930. См. вып. VII (Л., 1925), предисловие Э. К. Пекарского, а также вып. XIII (Л., 1930), стр. 1 предисловия акад. С. Ф. Ольденбурга и приложение «Источники и пособия», стр. V.

1931 г.

81. Заметки о каракалпакском языке. Изд. Комплексного научно-исследовательского института ККАО. Труды, Разряд лингвистики, вып. 2, Турткуль, 1931. Книга в свет не вышла. Имеются корректурные оттиски (1—64 стр.).

1932 г.

82. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. Записки Института востоковедения Академии Наук СССР, т. I, Л., 1932, стр. 129—149 (с 6 таблицами).
83. Рецензия на: Raquette. Eine Kaschgarische Wakf Urkunde aus der Khodscha-Zeit Ost-Turkestans. (Кашгарский вакуфный документ). Lunds Universitets Årsskrift, N. F. Avd. 1, Bd. 26, № 2 Lund—Leipzig, 1930, 1—24 стр. Библиография Востока, вып. 1, Л., 1932, стр. 99—100.
84. Рецензия на: Rachmati, Dr. G. R. Zur Heilkunde der Uiguren von... Mit 2 Tafeln, Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Klasse, XXIV Berlin, 1930, стр. 451—473, с 2 табл. Тексты, переводы с примечаниями медицинских фрагментов уйгуров. Библиография Востока, вып. 1, Л., 1932, стр. 100—102
85. Изложение доклада: Til-imla togruluq (Об уйгурском языке и орфографии). См.: 2 ujgur til-imla konpirinsijsnig toxtamliri — 13—18 V 1930. Резолюции и материалы II Всеуйгурской научно-орфографической конференции, созванной ЦК НТА 13—18 мая 1930 г. в г. Алма-ата. Казиздат, Кзыл-орда, 1932.
86. Seriq ujgurlar (Желтые уйгуры). См.: 2 ujgur til-imla konpirinsijsiniц toxtamliri, 13—18 V 1930. Резолюции и материалы II Всеуйгурской научно-орфографической конференции, созванной ЦК НТА 13—18 мая 1930 г. в г. Алма-ата. Казиздат, Кзыл-Орда, 1932, стр. 19—20. Заметка на уйгурском языке, латиницей. Ср. № 74.
87. Ujgurlarniц ädebi tili (Уйгурский литературный язык) См.: 2 ujgur til-imla konpirinsijsiniц toxtamliri, 13—18 V 1930. Резолюции и материалы II Всеуйгурской научно-орфографической конференции, созванной ЦК НТА 13—18 мая 1930 г. в г. Алма-ата. Казиздат, Кзыл-орда, 1932, стр. 27—28. Заметка на уйгурском языке, латиницей. Ср. № 73.

1934 г.

88. Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна. Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932». Л., 1934, стр. 307—322. Рец.: G. Jarring. Le monde oriental, 1934, XXVIII, стр. 190—192.
89. Каракалпакский язык и его изучение. Каракалпакия. Труды I конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР, т. II, Л., 1934, стр. 200—207.
90. (Совместно с Г. Ф. Турчаниновым). Biz konferentsijada qojulgan meselelerni dogrь ve ilmij suretde cezivge jardьm etermiz. (Til konferentsijasi işlaarcisi professor S. E. Malov ve dotsent G. F. Turcaninov arqadaslar ile muşahabe).

Газ. «Jaŋi dynja», 1934, № 240 (3841), Симферополь, стр. 1.

91. Перевод на крымско-татарский язык извлечения из речи на конференции по крымско-татарскому языку: Men qazanilgan muvaffaqijetlerni selamlajьm. «Til ve mьşlenije» institutnin vekili professor Malov.

Газ. «Jaŋi dynja», 1934, № 245 (3816), Симферополь, с портретом.

92. Рецензии на: G. Weil. Tatarische Texte Berlin—Leipzig, 1930.

Библиография Востока, вып. 2—4, Л., 1934, стр. 148.

93. Рецензия на: G. Jarring. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund—Leipzig, 1833.

Библиография Востока, вып. 5—6, Л., 1934, стр. 102—104.

1935 г.

94. К изучению турецких числительных.

Сб. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру», Л., 1935, стр. 271—277.

95. Предисловие и редактирование книги: А. Боровков. Учебник уйгурского языка. Изд. ЛВИ, № 52, Л., 1935, стр. V—VI.

1936 г.

96. Новые памятники с турецкими рунами.

Язык и мышление, вып. VI—VII, Л., 1936, стр. 251—279. См.: H. N. Orkun. Eski türk yazıtları, II, стр. 158—159, 167—168; III, стр. 57—58.

97. Таласские эпиграфические памятники, с рис.

Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 17—38. См.: H. N. Orkun. Eski türk yazıtları, II, стр. 134—141.

1937 г.

98. Изложение беседы: Язык уйгурского народа.

Газ. «Социалистическая Алма-ата», 9 III 1937, стр. 3.

99. Речь на I Узбекистанской конференции по уйгурскому языку.

Газ. «Шарк Хакикаты» («Правда Востока» на уйгурском языке, Ташкент), 12 IV 1937, со снимком.

100. Рецензия на: Potapov L. P. und Dr. Menges. Materialien zur Volkskunde Türkvölker des Altaj. Berlin, 1934.

Библиография Востока, вып. 10 (1936), Л., 1937, стр. 165—168.

101. Рецензия на: Németh J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. Bibliotheka Orientalis Hungarica, II, Leipzig, 1932.

Библиография Востока, вып. 10 (1936). Л., 1937, стр. 168—169.

1938 г.

102. К реформе [якутского] алфавита.

Социалистическая Якутия, 22 ноября 1938, № 250, стр. 3.

103. За тесное содружество с русским народом. К реформе якутского алфавита. (На якутском языке).

Газ. «Belem buol», от 17 ноября 1938 г., № 57 (122).

Газ. «Eder bassabьk», 20 ноября 1938 г., № 123 (1111).

1939 г.

104. Памяти Э. К. Пекарского.

Газ. «Социалистическая Якутия», 1939, 11 VII 1939, № 156 (4777), Якутск, стр. 3.

105. Материалы по монгольскому языку, собранные во время путешествия в Центральный Китай и переданные для использования проф. В. Л. Котвичу, опубликованы в книге: Wladyslaw Kotwicz. La langue mongole, parlee par les Ouigours Jannes prés de Kantcheon. D'apres le matèriaux recueillis par S. E. Malow et autres voyageures. Wilno, 1939, 1—38 стр.

1940 г.

106. Предисловие и редактирование книги: Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 9—10.

107. Редактирование: В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.

108. Редактирование: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940.

109. Рецензия на: Gunnar Jarring. The Contest of the Fruits. An Eastern Turki Allegory. Lunds Universitets Årsskrift N. P. Avd. 1, Bd. 32, N 4. Lund, 1936, 45 стр.

Язык и мышление, вып. IX, М.—Л., 1940, стр. 184—186.

110. Рецензия на: Hüseyin Namık Orkun. Eski türk yazıtları, 1, Istanbul, 1936, 192 стр., 8°.
Язык и мышление, вып. IX, М.—Л., 1940, стр. 186.

1941 г.

111. Памяти Н. И. Ашмарина.
Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Записки, вып. 1, Чебоксары, 1941, стр. 136—140.
112. Самостоятельное исследование.
Газ. «Ленинградский университет», 14 июня 1941 г., № 23. (Отзыв о сочинении студ. В. Неделяева «Якутский аффикс *быт*»).
113. К истории казахского языка.
Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1941, № 3, М., стр. 97—101.
114. Изложение доклада: Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам.
Вестник Академии Наук СССР, 1941, № 5—6, М.
115. Редактирование: А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941.
116. Рецензия: Dr. Karl Menges. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkestan. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov herausgegeben von... Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Klasse, 1933, XXXII, Berlin, 1933—1934, стр. 1173—1293; отд. оттиск, стр. 1—123.
Советское востоковедение, т. II, М.—Л., 1941, стр. 305—306.
117. Редактирование: Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.
118. Рецензия: Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940.
Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1941, № 2, М., стр. 114—116.

1942 г.

119. Тюркские языки в науке и жизни, прежде и теперь.
Журн. «Наука и жизнь», 1942, № 2—3, Изд. АН СССР, Казань, стр. 13—15.
120. Памяти проф. В. А. Богородицкого.
Журн. «Наука и жизнь», 1942, № 2—3, стр. 56.

1944 г.

121. Уйгуры и их язык. (На уйгурском языке, арабским шрифтом).
Журн. «Шарк хакикати», сентябрь—октябрь 1944 г. (1363 г. хиджры), № 6—7 (9—10), Ташкент, стр. 9.
122. История изучения уйгурского языка. (На уйгурском языке, арабским шрифтом).
Журн. «Казахская страна», 1944, № 1, Алма-ата.

1945 г.

123. Автореферат: Древнетюркская письменность (тексты и исследования) АН СССР. Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. Отделение литературы и языка. М.—Л., 1945, стр. 4.

1946 г.

124. Тюркизмы «Слова о полку Игореве».
Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1946, вып. 2, М.—Л., стр. 129—139.
125. Изложение выступления С. Е. Малова на сессии Отделения истории и философии АН СССР 25—26 IV 1946 в статье: Е. К. Вопросы этногенеза татар Поволжья.
Советская этнография, 1946, № 3, стр. 152—153.
126. Рецензия на: Русско-киргизский словарь. Составили Х. Карасаев, Ж. Шукуров, проф. К. К. Юдахин. Под редакцией К. Юдахина. Академия Наук СССР, Киргизский филиал, Институт языка, литературы и истории, ОГИЗ, ГИЗ, М., 1944, 1—984 стр. Цена 26 руб.
Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1946, вып. 5, М.—Л., стр. 441—444. В журнале, в рецензии, фамилия К. К. Карасаева напечатана с ошибкой: «Карасев».

1947 г.

127. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая.
Советская этнография, 1947, I, М.—Л., стр. 151—160.
128. Рецензия на: Манас. Киргизский эпос. Великий поход. ОГИЗ, М., 1946.
Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1947, вып. 2, М.—Л., стр. 171—172.

129. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии.

Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1947, вып. 6, М.—Л., стр. 475—480.

130. Булгарские и татарские эпиграфические памятники.

Эпиграфика Востока, I, М.—Л., 1947, стр. 38—45. С рис.

131. Труды по древнетюркской лексике.

Труды Московского института востоковедения, сб. № 4, М., 1947, стр. 94—96.

1948 г.

132. Булгарская и татарская эпиграфика.

Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 41—48. С рис.

133. Выступление на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР 25—26 апреля 1946 г. в г. Москве (по стенограмме) в книге: Происхождение казанских татар. Казань, 1948, стр. 116—119. Ср. № 118.

134. Рецензия на: H. N. Orkun. Eski türk yazıtları. İstanbul, I, 1936; II, 1939; III, 1940; IV, 1941.

Вестник Древней истории, 1948, № 2, стр. 123—124.

135. Рецензия на: Gunnar Jarring. The Uzbek Dialect of Qilich (Russian Turkestan) with Text and Glossary. Lunds Universitets Årsskrift, N. F. Avd 1, Bd. 33, № 3. Lund, 1937. G. Jarring. Uzbek Text from Afgan Turkestan with glossary. Lunds Universitets Arsskrift, N. F. Avd. 1, Bd. 37, № 2, Lund, 1938.

Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948, стр. 325—326.

136. Рецензия на: Kutadgu Bilig (tipkibasim), I—III, Istanbul (I — Viyana nüshası, 1942, II — Fergana nüshası, 1943; III — Mısır nüshası, 1943).

Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948, стр 327—328.

137. Уйгуры и их язык. Сб. «Вопросы языка, литературы и истории (уйгуров). Изд. журн. «Казах Эли», Алматы, 1948, стр. 3—5 (на уйгурском языке, арабскими буквами). Перепечатка статьи из журнала «Шарк хакикати» (Ташкент). См. № 121.

138. Редакция: Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов. Изд. АН СССР, 1948.

139. Редакция (член редакции): Словарь современного русского литературного языка, т. I, А—Б, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

1949 г.

А. Н. Юзефович. Древние черепа из окрестностей озера Лоб-нор, Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X, 1949, стр. 303—311.

Черепа вывезены С. Е. Маловым в 1915 г.

140. Советская тюркология за 30 лет (1917—1947).

Вестник Академии Наук Казахской ССР, 1949, № 5 (50), май, стр. 93—97. Ср.: Вестник АН СССР, 1948, 1, стр. 109—110.

141. (Совместно с А. Н. Кононовым). Памяти тюрколога профессора А. П. Поцелуевского.

Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1949, вып. 1, январь—февраль, стр. 83—84.

II. Труды, сданные в печать

142. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. (35 п. л.).

143. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. (20 п. л.).

144. Енисейские рунические памятники. (12 п. л.).

145. Рецензия на турецкое издание новых ярлыков. (1 п. л.).

III. Рукописи

146. Язык желтых уйгуров, т. II. Грамматика и словарь. (25 п. л.).

147. Язык лобнорцев. Тексты, переводы, словарь. (20 п л.).

148. Хамийское наречие уйгурского языка. Тексты, переводы, грамматические замечания. (20 п. л.).

149. Музыка и песни тюрков Западного Китая. (Вместе с И. А. Козловым). (10 п. л.).

150. Среди тюрков Западного Китая. Из путешествия 1909—1911 и 1913—1915 гг. (уйгуры-мусульмане, уйгуры-буддисты и салары). (30 п. л.).

151 Заметки по туркменскому языку и его диалектам. (4 п. л.).

152. Памяти проф. Н. Ф. Катанова. (2 п. л.).

153. Древние и новые тюркские языки. (1 п. л.).

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ С. Е. МАЛОВА

1. Н. Ф. Катанов. Несколько слов о казанских коллекционерах.
Казанский музейный вестник, № 78, Казань, 1920, стр. 41—42. (Под № 21 значится Малов Сергей Ефимович).

2. Веч. газ «Социалистическая Алма-ата», 4 марта 1937 г., № 51 (243) и 7 марта 1937 г., № 53 (245). — Снимки и портреты С. Е. Малова, делегата уйгурской конференции.

3. Газ. «Социалистический Казахстан» (на казахском языке), 5 марта 1937 г., портрет С. Е. Малова.

4. На уйгурской конференции. Чествование проф. С. Е. Малова.
Газ. «Социалистическая Алма-ата», 8 марта 1937 г, № 54.

5. К. А. Ушаров. Член-корреспондент С. Е. Малов (с портретом).
Газ. «За большевистскую науку», 20 февраля 1939 г., № 1 (11).

6. Н. Т. Сауранбаев. Туркология гылымнынг ірі кайраткери. (По поводу 40-летия научной деятельности и 65-летия жизни С. Е. Малова).
Вестник Казахского филиала АН СССР, 1945, январь—февраль, № 1 (4), Алматы, стр. 43—45.

7. 40-летие научной деятельности доктора филологических наук С. Е. Малова.
Газ. «Казахстанская правда», 21 января 1945 г., № 15 (5138), с портретом (фот. А. Сутюшева), стр. 4.

8. Профессор Маловтынг юбилейі.
Газ. «Социалистик Казакстан», 20 января 1945 г., № 14 (6777), стр. 2, с портретом.

9. Газ. «Казахстанская правда», 31 мая 1946 г., № 108 (5576), портрет С. Е. Малова (фот. Б. Сагитова).

10. Н. Т. Сауранбаев. О тюркологических работах советских ученых.
Вестник Академии Наук Казахской ССР, 1948, июнь, № 6 (39), стр. 71—76.

Список составлен *Е. И. Убрятовой* при содействии *А. М.* и *И. С. Маловых* и просмотрен *С. Е. Маловым.*

Заки Ахметов

НОВОЕ О ПЕРЕВОДАХ АБАЯ ИЗ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА[1]

В созвездии замечательных имен, с которыми связано творчество Абая, почетное место принадлежит Лермонтову. М. Ю. Лермонтов был одним из самых любимых поэтов Абая.

Не случайно, что начиная с середины 80-х годов (отдельные переводы мы имеем с 1880 г.) и до самой смерти Абай дает все новые и новые переводы лермонтовских произведений. К Лермонтову относятся оригиналы около 30 произведений Абая (больше половины всех переводов).

«Лермонтов, — по словам Белинского, — призван был выразить и удовлетворить своею поэзией несравненно высшее по требованиям и своему характеру время, чем то, которого выражением была поэзия Пушкина».[2]

В эпоху, получившую художественное воплощение в творчестве Лермонтова, на смену разбитым силам декабристов росли новые силы — революционеры-демократы, новое поколение бесстрашных революционеров.

Великий писатель, сделавший в своем идейно-художественном развитии серьезный шаг в сторону революционеров-демократов, Лермонтов со свойственной ему «широтой взглядов» (Добролюбов) отразил в своем творчестве эту сложную переходную эпоху, со всеми присущими ей противоречиями. Отсюда — страстное искание нового, жадное стремление к действию, беспощадное отрицание всего отсталого и косного. Отсюда — активно-действенный характер творчества Лермонтова.

Именно эти особенности творчества Лермонтова постоянно привлекали внимание Абая.

Казахский поэт, находившийся в тесном общении с русскими политическими ссыльными и революционерами, жадно изучавший сочинения писателей русской революционной демократии — Белинского, Чернышевского, Добролюбова и др., — находил в произведениях Лермонтова выражение своих идейных исканий и устремлений.

---

[1] Глава из диссертации.

[2] Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. XI, стр. 192.

Результатом серьезного изучения творческого наследия Лермонтова были переводы Абая. Переводы таких шедевров, как «писаная кровью» (Белинский) «Дума», «Парус», «Не верь себе», исповедь поэта из «Журналист, читатель и писатель» и др., не прошли бесследно для Абая. Переводческая работа обогатила творчество Абая идейно, а также расширила возможности его в области художественной формы. О том, как плодотворна была эта работа для Абая, свидетельствуют многие его оригинальные стихотворения, близкие идейно и эстетически к произведениям Лермонтова.

Однако как обстоит дело с изучением вопроса о связи Абая с Лермонтовым, вопроса о переводах Абая из Лермонтова? Если не считать двух-трех газетных статей, то мы не имеем ни одной специальной печатной работы, посвященной данному вопросу. Это объясняется отчасти отсутствием документальных материалов (писем, мемуаров), в той или иной степени касающихся этого вопроса.

Научное изучение текстов абаевских переводов, являющихся наиболее ценным материалом по этому вопросу, также не начато. Более того, — до настоящего времени количество переводов Абая из Лермонтова установлено далеко не точно. До сих пор не были указаны лермонтовские источники таких известных произведений, как «Ақын» («Поэт»), «Кұлақтан кіріп бойды алар» («Красивой песней»), «Ал сенейін, сенейін» («Ну поверю, поверю») и др. Поэтому автор в настоящей статье ставит своей задачей изложить результаты работы, проделанной им по уточнению переводов Абая из Лермонтова.

Текстовые сопоставления делаются, главным образом, для того, чтобы дать возможность читателю сравнить абаевские произведения с их лермонтовскими оригиналами.

Объем статьи не позволяет дать более подробный анализ идейно-тематической и художественной сторон текстов Абая, что помогло бы яснее увидеть творческий свободный характер переводов, о чем считаем нужным сказать несколько слов.

Переводы Абая из Лермонтова не есть простая копия русского оригинала. Большой самобытный художник — Абай творчески воссоздает произведения Лермонтова.

Об этом особенно красноречиво говорят переводы, оригиналы которых устанавливаются нами ниже. Эти переводы Абая всегда являются творческими претворениями лермонтовского оригинала, нередко и самостоятельными сочинениями на мотивы Лермонтова. К последним относятся, например, «Ақын», «Махаббат достық қылуға». Это — не просто переводы, а нечто большее. В них русский оригинал является не только, вернее не столько материалом для перевода, сколько поэтической опорой для создания самостоятельного произведения. В ряде переводов, как то: «Құлақтан кіріп бойды алар», «Күлімсіреп аспан тұр», Абай вводит немало новых строк, самостоятельно развивающих мотивы Лермонтова. В других же переводах

(«Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек») свои мысли Абай вносит заменой и переосмыслением отдельных строк.

Творческий характер свободных переводов ярко выражается в том, что произведения Лермонтова Абай осмысляет творчески, вкладывая в них живую мысль о казахской жизни. В этих переводах вполне ощутимо отражены казахская действительность, умонастроения самого Абая.

Между тем известно, что многие произведения Лермонтова Абай перевел, сохраняя все их особенности и детали. Многообразен был подход Абая к произведениям Лермонтова, различны способы их передачи.

Наследие Лермонтова Абай воспринимал в связи с той социальной задачей, которая стояла перед ним как выдающимся казахским просветителем и великим поэтом.

В академическом издании «Полного собрания сочинений Абая», вышедшем под редакцией Н. Т. Сауранбаева,[1] в качестве переводов из Лермонтова указано всего 22 произведения. Приводим список этих произведений:

		Число строк			Число строк
1.	Бородино	20	1.	Бородино	98
2.	Әм жабықтым	6	2.	И скучно и грустно	12
3.	Көңлім менің	8	3.	Еврейская мелодия (из Байрона)	16
4.	Өзіңе сенбе	40	4.	Не верь себе	40
5.	Қараңғы түнде	8	5.	Из Гете («Горные вершины»)	8
6.	Тұтқындағы батыр	20	6.	Пленный рыцарь	20
7.	Ой	44	7.	Дума	44
8.	Альбомға	16	8.	В альбом	16
9.	Қанжар	12	9.	Кинжал	12
10.	Босқа әуре бэп . . (отрывок)	64	10.	Исповедь	
11.	Менің сырым жігіттер	16	11.	Я не хочу, чтоб свет узнал	16
12.	Қасиетті дұға	24	12.	Молитва («В минуту жизни трудную»)	12
13.	Дұға	12	13.	То же	12
14.	Жолға шықтым	24	14.	Выхожу один я на дорогу	20
15.	Теректің сыйы	38	15.	Дары Терека	76
16.	Шайтан . . . (отрывок)	40	16.	Демон	
17.	Жалау	12	17.	Парус	12
18.	Жартас	8	18.	Утес	8
19.	Көңілдің күйі . . (отрывок)	16	19.	Измаил-бей	
20.	Асау той	16	20.	На буйном пиршестве	12
21.	Вадим . . . . (отрывок)	168	21.	Вадим	
22.	Кең жайлау жалғыз бесік	4	22.	Счастлив ребенок (из Шиллера)	2

Нам удалось установить лермонтовские оригиналы еще следующих произведений Абая.

«Құлақтан кіріп бойды алар»[2] («Красивой песней») — так начинается русский перевод в собрании сочинений Абая под ред. Л. Соболева.[3] Это замечательное произведение, о котором утверждается, что Абай сочинил его под впечатлением пения знаменитого композитора Биржан-Сала.

---

[1] Абай Құнанбаев. Шығармаларының толық жыйнағы [в дальнейшем: Толық жыйнақ]. 1945.

[2] Толық жыйнақ, 196.

[3] «Избранное», ред. Л. Соболева, Гослитиздат, М., 1945, стр. 182.

является переводом лермонтовского произведения «Звуки»,[1] посвященного гитаристу М. Т. Высотскому. Перевод сделан со значительными добавлениями и с заметными изменениями. Приводим маленький пример:
у Абая —

1. Құлақтан кіріп бойды алар,	1. Сквозь ухо проникнув, захватывает всецело
2. Жақсы ән менен тәтті күй.	2. Хорошая песня и сладкий куй.
3. Көңілге түрлі ой салар,	3. Много дум наводит.
4. Әнді сүйсең, менше сүй.	4. Люби песню, как я люблю.
5. Дүние ойдан шығады,	5. Мир выходит из памяти (забываю весь мир),
6. Өзімді өзім ұмытып.	6. Забываю самого себя.[2]

ср. у Лермонтова —

Что за звуки' Неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.

Строки 3-ья и 4-я, введенные Абаем, у Лермонтова отсутствуют. Остальные четыре строки, как видим, представляют перевод соответствующих строк оригинала.

Показательно, что следующие три добавления по две строки очень созвучны окружающим лермонтовским мотивам. Эти добавления вводятся потому, что тот или иной лермонтовский мотив, выраженный, например, в двух строках, Абай передает в четырех и больше, т. е. развивает и расширяет этот мотив по-своему:
у Абая —

1. Ішіп терең бойлаймын	1. Глубоко погружаюсь, упиваясь
2. Өткен күннің уларын,	2. Ядом прежних дней.
3. Және шын деп ойлаймын	3. И за истину считаю
4. Жұрттың жалған шуларын.	4. Лживые толки (шум) людей.
5. Тағы сене бастаймын	5. Опять верить начинаю
6. Күнде алдағыш құларға,	6. Ежедневно обманывающим хитрецам.
7. Есім шығып қашпаймын,	7. Обезумев, не бегу (от них),
8. Мен ішпеген у бар ма?	8. Есть ли яд, которого я не испил?

ср. у Лермонтова —

И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

В целом перевод дан с сохранением общего смысла и эмоционального тона оригинала.

---

[1] Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, изд. «Academia» [в дальнейшем: Полное собрание сочинений], т. I, 1936, 280.

[2] Все переводы абаевского текста на русский язык сделаны нами и, разумеется, ни в какой мере не передают художественных достоинств казахского стиха. В них деформирован стих. В этих переводах, которые рассчитаны на читателей, не владеющих казахским языком, по возможности близко передается лишь смысловая сторона абаевского стиха.

«Ал сенейін, сенейін»[1] («Ну, поверю, поверю») — перевод стихотворения «Исповедь» («Я верю, обещаю верить»).[2] Перевод первых двенадцати строк, хотя и имеет заметные отступления от оригинала, все же близок к нему. Для примера сравним начальные четыре строки:
у Абая —

1. Ал сенейін, сенейін,	1. Ну, поверю, поверю,
2. Айтқаныңа көнейін.	2. Соглашусь со сказанным (тобой).
3. Шалма ораған сопының,	3. Не скажу: монах, окутавшийся чалмой,
4. Ішін арам демейін.	4. Грязен душой (лицемерен).

ср. у Лермонтова —

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал.

Перевод следующих 12 строк сделан более свободно.

«Күлімсіреп аспан тұр»[3] («Улыбается небо») — второй вариант перевода стихотворения «Выхожу один я на дорогу».[4] Перевод начинается со второй строфы оригинала:
у Абая —

1. Күлімсіреп аспан тұр,	1. Улыбается небо,
2. Жерге ойлантып әр нені.	2. Заставив задумать небо о том, о сем.
3. Бір себепсіз қайғы құр	3. Без причины, спроста
4. Баса ма екен бендені?	4. Разве мучает (давит) горе человека?
5. Қапамын мен, қапамын,	5. Омрачен я, омрачен,
6. Қуаныш жоқ көңлімде.	6. Нет радости во мне (в душе).
7. Қайғырамын, жатамын,	7. Горюю, лежу.
8. Нені іздеймін өмірде?	8. Чего я ищу в жизни?

ср. у Лермонтова —

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом.
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Приведенный пример показывает, что перевод не сохраняет существенных деталей оригинала, а дает лишь общий смысл.

В конце перевода Абай вводит ряд строк, отсутствующих у Лермонтова. Приведем пример:

Мансап іздеп, мал қуар	Ищут славу, гонятся за скотом (богатством),
Бәрі мақтан іздеген.	Все ищут хвастовства.

Еще раз подчеркнув в этих оригинальных строках мотив сопоставления природы и человека, Абай усиливает контрастную образную темати-

---

[1] Толық жыйнақ, 141.
[2] Полное собрание сочинений, т. I, 198.
[3] Толық жыйнақ, 163.
[4] Полное собрание сочинений, т. II, 141

ческую ткань лермонтовского стихотворения. Эти строки, изобличающие пороки общества, наиболее полно раскрывают причину мотива.

Омрачен я, омрачен,
Нет радости во мне.
Горюю, лежу.

Этот вариант написан на четыре года раньше другого варианта. Позже (1898) Абай второй раз возвращается к любимым мотивам, выраженным в лермонтовском произведении. Этот вариант «Жолға шықтым» («Выхожу на дорогу») воспроизводит оригинал, сохраняя все его особенности и детали.

«Адамның кейбір кездері»[1] («Поэт») — перевод части исповеди писателя из замечательного произведения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель».[2]

Оставив вопрос «О чем писать?», которым начинается исповедь, Абай переводит со слов:

...бывает время,
Когда забот спадает бремя.

Ср. перевод:

Адамның кейбір кездері Көңілде алаң басылса,	В иное время у человека, — Когда утихает забота в душе.

Сравним еще два другие стиха:
у Лермонтова —

И рифмы дружные, как волны,
Журча одна вослед другой,

у Абая —

Сылдырап өңкей келісім Тас бұлақтың суындай.	Журчат различные рифмы (созвучья), Как вода в каменистом ручье.

В первой части исповеди оставлены без перевода строки, относящиеся к читателям из «света», и дана основная идея Лермонтова. Перевод этой части сделан с исключительным мастерством. Следующие же двенадцать строк представляют вольный перевод отрывка из второй части исповеди. Приводим пример:

...Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум.

перевод —

Әділет пен ақылға Сынатып көрген білгенін.	Справедливости и разуму Отдает все на суд.

Здесь также дана основная идея Лермонтова, без стремления сохранить насмешливый тон монолога, до некоторой степени объясняющийся драматической формой произведения.

Таким образом, глубоко верно поняв сущность лермонтовского идеала поэта и мастерски его изобразив, изобразив творчески, по-своему, Абай

[1] Толық жыйнақ, 178.
[2] Полное собрание сочинений, т. II, 70.

создает замечательный образ поэта, как бы являющийся естественным продолжением и развитием образа, изображенного им в стихотворениях «Өлеңсөздің патшасы» («Поэзия — властитель языка»), «Мен жазбаймын өлеңді ермек үшін» («Не для забавы я слагаю стих»), «Біреудің кісісі өлсе, қаралы-ол» («Если умер близкий») и др., в то же время по существу очень близкого к образу поэта у Лермонтова.

«Ғашықтық іздеп тантыма»[1] («За любовью не гонись»). Это небольшое стихотворение (шесть строк) является переводом стихотворения «И скучно, и грустно...».[2] Если в другом стихотворении «Әм жалықтым, әм жабықтым» («И утомился и взгрустнулось») перевод лермонтовского произведения заканчивается словами оригинала «А годы проходят — все лучшие годы», то здесь Абай дает перевод со слов «Любить, но кого же?», т. е. с того места, где остановился в первом переводе:

1. Ғашықтық іздеп тантыма,	1. За любовью не гонись.
2. Аз күн әуре несі іс!	2. Мучение в течение многих дней стоит ли труда!
3. Өзіннің қара артыңа,	3. Загляни в свое прошлое,
4. Өткен өмір бейне түс.	4. Прожитая жизнь подобна сну.
5. Өлгенше болар бар ма дос!	5. Есть ли друг верный до смерти!
6. Қуаныш, қайғы, бәрі бос.	6. Радость, муки, все ничтожно.

ср. у Лермонтова —

1. Любить — но кого же? На время не стоит труда,
2. А вечно любить невозможно...
3. В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа,
4. И радость, и муки, и все так ничтожно.

Несоответствие размера и строфики этого стихотворения и «Әм жалықтым, әм жабықтым» исключает возможность предполагать, что первое является продолжением второго. Кроме того, первое стихотворение относится в 1895 г., а второе написано четырьмя годами позже, чем, повидимому, и объясняется различие в размерах этих двух стихотворений, представляющих перевод одного стихотворения.

К этим лермонтовским мотивам Абай возвращается еще раз в стихотворении «Махаббат, достық қылуға».[3] Это стихотворение также следует считать вольным переводом стихов 1, 2 и двух строк следующей строфы. Первые четыре строки этого перевода с заметными изменениями воспроизводят содержание соответствующих лермонтовских строк. Далее следует строфа:

1. Сүйіспек көңлім ойлайды,	1. Душа жаждет любви,
2. Жанның бәрі қатыбас.	2. Но все люди непостоянны.
3. Сүйісу тозбай тұрмайды,	3. Любовь не может не пройти,
4. Еңбекке аз күн татымас.	4. Немного дней не стоят труда.

Мотив 1-й строки имеется только в переводе. Строка 4-я соответствует мотиву 1-й строки оригинала: «На время не стоит труда».

[1] Толық жыйнақ, 243.
[2] Полное собрание сочинений, т. II, 60.
[3] Толық жыйнақ, 183.

«Күнді уақыт итеріп»[1] («Солнце, движимое временем») — перевод стихотворения «Вечер»:[2]
у Абая —

1. Күнді уақыт итеріп,	1. Когда солнце, движимое временем,
2. Көк жиектен асырса;	2. Переходит за синий край земли;
3. Көлеңке басын ұзартып,	3. Когда тень, подняв голову,
4. Алысты көзден жасырса;	4. Скрывает даль из глаз;
5. Сонда көңлім жоқтайды	5. Тогда ищет душа моя
6. Татуы мен асығын,	6. Приятеля и любимую (свою).
7. Көзі жетіп тоқтайды,	7. И останавливается, убедившись,
8. Өткен күннің қашығын.	8. Что прошлого не вернуть.

ср. у Лермонтова —

1. Когда садится алый день
2. За синий край земли,
3. Когда туман встает, и тень
4. Скрывает все вдали,
5. Тогда я мыслю в тишине
6. Про вечность и любовь,
7. И чей-то голос шепчет мне:
8. Не будешь счастлив вновь.

Аналогичный пример представляют и следующие восемь строк. В целом перевод довольно близок к оригиналу.

Начальные восемь строк этого перевода с некоторыми изменениями и перестановками в первых четырех строках мы встречаем в другом оригинальном произведении Абая «Көлеңке басын ұзартып»:

1. Көлеңке басын ұзартып,	1. Когда, удлинив голову, тень
2. Алысты көзден жасырса;	2. Скрывает даль из глаз,
3. Күнді уақыт қызартып,	3. Когда солнце, временем окрашенное в алый цвет,
4. Көк жиектен асырса;	4. Переходит за синий край земли,
5. Күңгірт көңлім сырласар	5. Мрачная душа шепчется
6. Сұрғылт тартқан бейуаққа,	6. С сумрачным вечером,
7. Төмен қарап мұңдасар	7. Глядя вниз, изливает горе,
8. Ой жіберіп әржаққа.[3]	8. Перебирая в мыслях все.

Однако Абай не просто перенес 8 строк в другое произведение. Стихотворение «Көлеңке басын ұзартып», написанное на 5 лет раньше «Күнді уақыт итеріп», является первым вариантом перевода. Но он сделан настолько творчески свободно, что перерос в самостоятельное сочинение, являющееся переводом лишь частично. (Всего стихотворение насчитывает 24 строки).

«Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек»[4] («Что делать, чтобы легко народом править?») — перевод 2-й части из 3-й главы поэмы «Измаил-бей».[5] Мотив первых двух строк перевода по смыслу заметно отклоняется от оригинала:

Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек?	Что делать, чтобы легко народом править?
Жұрты сүйген нәрсені о да сүймек.	Необходимо любить то, что и он.

[1] Толық жыйнақ, 246.
[2] Полное собрание сочинений, т. I, 304.
[3] Толық жыйнақ, 168.
[4] Там же, 149
[5] Полное собрание сочинений, т. III, 215.

ср. у Лермонтова —

Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен.

Другие же две строки этой строфы довольно точно передают содержание оригинала:

Ішің берк боп, нәпсіге тыю салып, Паңсымай, жайдақсымай ірі жүрмек.	Держать себя, усмирить корыстные желания, Не гордясь, не опускаясь (не унижаясь) быть достойным.

ср. у Лермонтова —

Не должно только слишком завлекаться,
Пред ним гордиться, или с ним равняться.

Строка 5-я «Не должно мыслей открывать своих» в переводе звучит: «Сасқаныңды көрсетпе ешкімге бір» [«Растерянность свою не показывай никому»]. Смысл строки 6-й изменен еще больше: «Иль спрашивать у подданных совета», что в контексте вместе со словом «не должно» из строки 5-й читается — «Не должно спрашивать у подданных совета», переведено так:

Сүйтсе де ірісімен кеңесіп жүр.	Однако советуйся с крупными (лучшими из народа.

В целом — перевод свободный: одни мотивы переданы точно, тогда как другие изменены коренным образом или иногда оставлены вовсе без перевода. Всего в подлиннике 22 строки, а в переводе 20 строк.

Наконец, отметим еще одно произведение, в комментариях названного полного собрания сочинений неверно считающееся переводом стихотворения «И скучно и грустно».[1]

«Рахат мені тастап коймадың тыныш»[2] («Блаженство, не оставило (ты) меня в покое») — перевод стихотворения «Хоть давно изменила мне радость».[3]

За исключением первой строфы, перевод воспроизводит оригинал с незначительными изменениями, точно передает содержание и эмоциональную окраску стихотворения, верно отражает тонкие оттенки чувств и настроение лермонтовского произведения. Приводим маленький пример:

1. Ұнатпаймын тағдырды, дүниені, 2. Жасқантып жалынта алмас о да мені, 3. Алладан бәрі бір деп тосып тұрмын 4. Алғалы мақсылықты я өлгелі.	1. Презираю я судьбу и мир, 2. Нельзя им, погрозив, заставить меня преклоняться. 3. От бога безразлично я ожидаю 4. Смерти или добра.

ср. у Лермонтова —

Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унизить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.

[1] Толық жыйнақ, 437.
[2] Там же, 171.
[3] Полное собрание сочинений, т. I, 307.

Остановимся на некоторых произведениях, ошибочно считающихся переводами из Лермонтова. Оригиналы этих произведений ранее установлены не были.

«Жүректе көп қазына бар, бәрі жақсы»[1] — оригинал этого произведения «Сердце» («У сердца сокровищ так много») принадлежит поэту Я. П. Полонскому. Это произведение, впервые опубликованное в журнале «Русский архив»,[2] было приписано Лермонтову; затем в 1891 г. печаталось в юбилейных изданиях «Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова» под редакцией Ф. И. Анского и Арс. И. Введенского.[3] Впрочем, в издании последнего принадлежность этого произведения Лермонтову подвергается сомнению. Позже, в 1893 г., это стихотворение было напечатано в однотомнике, вышедшем под редакцией Скабичевского.[4] Повидимому, Абай познакомился со стихотворением в одном из этих изданий (возможно, и в журнале «Русский архив») и считал его лермонтовским, ибо в рукописи, принадлежащей Мурсеиту, оно обозначено как перевод из Лермонтова.[5]

«Қалкамай, мен үндемей жүремін көп».[6] Оригинал этого произведения «И ты думаешь, будто я хладен и нем» также ошибочно приписывался Лермонтову. Впервые это стихотворение было опубликовано в журнале «Русский архив»;[7] позже печаталось в указанных юбилейных изданиях.

Не принадлежит Лермонтову также оригинал стихотворения: «Мен көрдім ұзын қайың құлағанын» («Я видел — свалилась длинная береза»), о котором в комментариях полного собрания сочинений говорится: «бұл Лермонтовтың: „Я видел березку, сломилась она, верхушкой к земле прислонилась она“ деп басталатын романс өлеңінің аудармасы сияқты».[8] Похоже на то, что это есть перевод лермонтовского романса, начинающегося словами: «Я видел березку — сломилась она, верхушкой к земле прислонилась она». Комментатор не обратил внимания на указание первых издателей произведений Абая — Какитая и Турагула Кунанбаевых — о том, что оригинал этого произведения не принадлежит Лермонтову. Издатели, отметив, что оригиналы ряда абаевских произведений принадлежат Лермонтову, относительно этого стихотворения указывают, что оно является переводом «другой русской песни»,[9] т. е. песни, принадлежащей другому русскому поэту. Русский текст этого стихотворения принадлежит В. А. Крылову

---

1 Толық жыйнақ, 241, 453.

2 Русский архив, 1888, № 1, стр. 159.

3 Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, под ред. Ф. И. Анского, СПб., 1891, стр. 338. — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, под ред. Арс. И. Введенского, СПб., 1891, стр. 281.

4 Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, под ред. Скабичевского, СПб., 1895, стр. 430. — См. также: «Лермонтов. Материал для библиографии», ред. В. А. Мануйлов, Изд. АН СССР, 1936.

5 Толық жыйнақ, 453.

6 Там же, 234, 451.

7 Русский архив, 1887, кн. 3, стр. 580.

8 Толық жыйнақ, 448.

9 Қазақ ақыны Абай (Ибрагим) Құнанбай ұлының өлеңдері, СПб., 1909, стр. 88.

и носит название «Разбитое сердце».[1] В. А. Крылов перевел его с немецкого. Автор немецкого текста — Р. Левенштейн. Думается, что своей широкой популярностью в свое время этот романс обязан А. Рубинштейну, написавшему музыку на слова В. А. Крылова.

У Абая произведение состоит из пяти строф. Первые четыре в целом верно передают содержание оригинала; 5-я строфа, введенная Абаем, звучит:

Мен көрдім дүние деген иттің кетін,	Я видел сущность жизни (мира) проклятой,
Жеп жүр қой біреуінің біреу етін.	Один поедает другого живьем.
Ойлы адамға қызық жоқ бұл жалғанда,	Нет радости в этой жизни для мыслящего человека:
Көбінің сырты бүтін, іші түтін.	Многие хороши на вид, но в душе — горе.

В этой концовке, которая коренным образом изменяет содержание всего произведения, и заключен весь смысл абаевского стихотворения.

Значительно изменена также и форма стихотворения. Если в русском стихотворении только первая строфа (в некоторых вариантах и третья) начинается словами: «Я видел», то у Абая все пять строф начинаются словами «Мен көрдім» [«Я видел»].

Композиционное использование принципа единоначатия (анафоры) не только улучшает звуковую сторону произведения, — оно также усиливает и смысловую его сторону. Уже ярче выступает единство содержания всех отдельных картин, изображенных с изумительной художественной силой. Яснее ощущается роль первых четырех строф, которые, расширяя и наполняя содержанием друг друга, служат вместе для раскрытия основного смысла произведения, изображенного в заключительной строфе.

Что послужило основой для абаевского перевода — стихотворение В. А. Крылова или романс А. Рубинштейна, — сейчас трудно сказать. Однако вполне возможно, что Абай знал широко популярный романс Рубинштейна. Абай был хорошо знаком с русской песенной музыкой. Об этом говорит его музыкальное творчество. Об этом свидетельствует также сохранившийся абаевский вольный перевод русской народной песни «Не осенний мелкий дождичек». Музыка ее принадлежит М. И. Глинке, а слова — А. А. Дельвигу. Об этой песне М. И. Глинка писал в своих «Записках»: «Дельвиг написал мне романс „Не осенний частый дождичек“. Музыку на эти слова я впоследствии взял для романса Антониды: „Не о том скорблю, подруженьки“ в опере „Жизнь за царя“ [т. е. «Иван Сусанин»]».[2] — Видеть текст песни в изданиях сочинений А. А. Дельвига Абай не мог. Автограф А. А. Дельвига не найден.

Впервые только в 1934 г. были напечатаны всего две строфы песни в «Полном собрании стихотворений А. А. Дельвига», вышедшем под ред. Б. Эйхенбаума. Ясно, что Абай знал известную народную песню, музыка которой принадлежит М. И. Глинке. Сам М. И. Глинка эту песню не

[1] В. А. Крылов, Стихотворения, СПб., 1898, стр. 165.

[2] «М. И. Глинка и его записки», под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями А. Н. Римского-Корсакова, изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 95.

печатал. Автограф Глинки был найден в 1949 г. и хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Впервые переработанные печатные издания песни появились в середине 20-х годов нашего столетия. Вероятнее всего предположить, что Абай слышал эту песню от своих ссыльных друзей. Она была в то время популярной студенческой песней.

Кстати отметим, что перевод этой песни «Сұрғұлт тұман дым бүркіп» ошибочно считается оригинальным произведением Абая.

Наконец, остановимся на стихотворении «Дүрілдеген нажағай».[1] Это стихотворение — перевод произведения А. Мицкевича «В альбом С. Б.» («Дни благодатные прошли»).[2] У Мицкевича всего двенадцать строк, у Абая перевод последних четырех строк не сохранился.

То обстоятельство, что ряд произведений Абая, считавшихся его оригинальными произведениями, на самом деле являются переводами из Лермонтова, показывает, что текстовой материал, говорящий о связи Абая с Лермонтовым, несравненно шире, чем это предполагалось ранее. Об этом же свидетельствует связь оригинальных произведений Абая с его переводами из Лермонтова.

Тщательное изучение этого материала с учетом тех обстоятельств, в силу которых Абай обращался к тому или иному произведению, осветит вопрос об отношении Абая к Лермонтову, вопрос о том, какие важнейшие особенности поэтической системы Лермонтова привлекли внимание Абая, и вопрос о том, как отразилось в творчестве Абая, на идейных и художественных особенностях его творчества, изучение лермонтовского наследия.

---

[1] Толық жыйнақ, 187.
[2] Сочинения А. Мицкевича, под ред. П. Н. Полевого, т. I, СПб., 1882, 336.

М. Б. Балакаев

О КОМБИНИРОВАННОМ УПРАВЛЕНИИ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Зависимость косвенных падежей существительного от других слов является закономерностью не только тюркских, но и многих других языков. В исследовательских работах этому вопросу уделяется исключительно большое внимание. Почти все авторы известных нам работ рассматривают зависимость винительного падежа существительного в рамках подчинения прямого дополнения только переходному глаголу. В отличие от многих других авторов, В. А. Аврорин в работе «Очерки по синтаксису нанайского языка» устанавливает связь категории прямого дополнения не только с глаголами, но и с именами. Описывая эти особенности нанайского языка, он утверждает: «Таким образом, прямое дополнение может быть подчинено как глаголу, так и имени, в том числе даже и имени существительному».[1] Если с этой точки зрения подойдем к фактам казахского языка, конечно и мы можем утверждать то же самое. Мне трудно судить, какой характер в нанайском языке имеют имена в указанной выше синтаксической функции, в казахском же языке могу утверждать с математической точностью, что они являются все-таки именами, означающими действие, имеющими связь с категорией глагола. К таким относятся слова, образованные от глагола типа: *алдау* 'обман', *алдаушы* 'обманщик', *көргіш* 'зрячий' и т. д. Если подобного рода отглагольные существительные не будут приняты в расчет, то в отношении существительных, имеющих чисто материальное значение, а также прилагательных, являющихся качественными признаками предмета, мы вынуждены будем признать, что они в своем собственном значении самостоятельно не могут управлять винительным падежом. Другое дело, когда глаголы, образованные от имен, являются типичными управляемыми словами, как то: *көз* 'глаза' — *көзде* 'прицелиться', *бас* 'голова' — *баста* 'начинай', *сан* 'число' — *сана* 'считай', *жақсы* 'хороший' — *жақсыла* 'хвали, сделаться хорошим', *тас* 'камень' — *таста* 'бросай' и т. д.

Однако мы не можем пройти мимо того бесспорного факта, что многие типичные имена, ничего общего не имеющие в данное время с «глаголь-

[1] В. А. Аврорин. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948, стр. 74.

ностью», находясь в положении главного компонента сложного предикативного комплекса, являются ведущими в управлении прямого дополнения, что вытекает из именного характера структуры предложений, а также из наличия фактов аналитического способа синтаксической связи предложения в казахском языке. Обратимся к фактам из казахской литературы.

Жұрт мені дуана дейді (Мұстафин. Шығанақ) 'люди меня принимают за чудака'; досл.: 'люди меня нищий скажет'. *Біз киіктерді бұзау екен деп қалдық* (Бекхожин. Сарысу бойында) 'мы диких коз приняли за телят'; досл.: 'мы диких коз телят кажись полагая остались'. *Гүлнар емі жоқ сырқаттың емін табуды арман еткен* (Мұқанов. Ботагөз) 'Гульнар мечтала найти способы лечения неизлечимой болезни'; досл.: 'Гульнар лечение (его) нет болезни лечение найти мечта сделал'.

Во всех этих примерах прямые дополнения в винительном падеже относятся не к служебным глаголам-связкам *дейді, екен, екен деп қалдық, еткен* (ибо они по своему чисто служебному характеру лишены возможности самостоятельно выступать в синтаксической связи с дополнениями; поэтому нельзя говорить: *бізді дейді, мені дейді, киіктерді екен деп қалдық, табуды еткен* и т. д.), скорее всего они относятся к именам существительным, которые являются носителями основного содержания сложно-предикативных групп. Но и они тоже самостоятельно не могут управлять винительным падежом без «помощи» служебных глаголов.

Такой синтаксический прием связи прямого дополнения с именным сказуемым, в отличие от обычных глагольных управлений, мы называем «комбинированным управлением».

И. И. Мещанинов допускает, что «вспомогательный глагол может различаться не только в своем использовании в именном и вербальном сказуемом, но даже в своем использовании в переходных и непереходных предложениях»,[1] а возможность употребления вспомогательных глаголов в переходных именных предложениях отрицает. И. И. Мещанинов дальше говорит, что в переходных предложениях «вспомогательный глагол может выступать только в глагольном построении, так как именное сказуемое не передает перехода действия на объект и потому вовсе отсутствует в предложениях данного типа. Здесь выступает лишь глагольная форма».[2] Мы не сомневаемся в правильности этого основного положения, прямо или косвенно отражающего закономерности и казахского языка. Однако нельзя отрицать факта «переходности» именного предложения, когда в казахском языке имена и вспомогательные глаголы-связки в совокупности вступают в синтаксические отношения с прямым дополнением.

Именно в такой комбинации существительные и прилагательные в казахском языке могут быть отнесены в разряд слов, которые управляют

---

[1] И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., 1949, стр. 165.
[2] Там же.

винительным падежом. Что же касается ведущего положения имен в комбинированном управлении, то это не вызывает никакого сомнения. Это можно видеть из их роли в предикативном составе и из смыслового отношения прямого дополнения к предикату. А роль и значение вспомогательных глаголов в составе сложного целого, по некоторым соображениям, можно сравнивать с аффиксом *ла* || *ле* (его варианты: *да* || *де*, *та* || *те*), который, как правило, от имен образует глагол с переходным значением.[1]

Этот аффикс имеет широкое применение во всех тюркских языках, особенно в якутском языке он «обладает чрезвычайно высокой производительностью».[2]

В казахском языке все существительные, прилагательные и числительные, имеющие смысловую связь с объектом действия, следовательно обладающие способностью быть как бы орудием действия, могут путем образования производных основ выступать переходными глаголами. А имена, не обладающие такими способностями, не принимают на себя аффиксы *ла*, *ле*. В самом деле, чем можно объяснить иначе, что сплошь и рядом употребляются слова типа: *тiсте* 'откуси' (от *тiс* 'зуб'), *балтала* 'руби' (от *балта* 'топор'), *сула* 'мочи' (от *су* 'вода'), *жаҡсыла* 'хвали' (от *жаҡсы* 'хороший') и т. д., но не употребляется, например, *төсекте* в значении 'постели', а говорят *төсек сал* (досл. 'постель положи'), нельзя сказать *адамда* в значении 'очеловечить' (*адам* 'человек'), а следует говорить *адам ет, адам ҡыл* 'сделай человеком', *адам бол* 'быть человеком' и т. д. Правда, имеются такие отыменные глаголы (*ҡозыла*, *бўзаула*, *балала*), которые сами не воспринимаются как орудие действия, но зато воспринимаются результатом деяния предмета.

Как бы они ни воспринимались, все равно мы имеем в данном случае синтетический способ глаголообразования; сравниваемые же с ним именно-глагольные группы являются аналитическим способом образования переходного глагола. Отсюда можно предположить, что первый тип глаголообразования в прошлом тоже был аналитически связанным с именно-глагольной группой.[3] Следовательно, наши примеры, приведенные выше в качестве иллюстраций комбинированного управления, не являются из ряда вон выходящей загадкой. Их мы обнаруживаем во всех звеньях синтаксической связи членов предложения, которые обращают на себя особое внимание. Пока ограничимся кратким описанием характерных черт составных частей сложного сказуемого, комбинированно управляющих винительным падежом.

Сложное именно-глагольное сказуемое, совместно управляющее именем в винительном падеже, не утрачивает облика именного построения, следовательно к характеристике состава такого построения целесообразно

[1] Сюда не относятся глаголы, образованные от междометий и от некоторых существительных, имеющих абстрактное значение, например: *ойбайла*, *айҡайла*, *шула*, *тула*, *жымыңда*, *сыбырла* *жылтылда* и т. д.

[2] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 170—171.

[3] О возможности слияния имени со связкой в сказуемом см.: И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., 1949, стр. 164, 165.

подойти с позиций носителя основного содержания сказуемости, т. е. с позиций имени. Они в этом составе могут быть: а) или именами существительными в именительном, направительно-дательном и в исходном падежах, б) или прилагательными в основной форме, в значениях качества и свойства предмета или в значении наречия.

Примеры:

а) *Бір кемпір бір кемпірді әже дейді* (поговорка) 'старуха другую старуху матушкой называет'; досл. 'одна старуха одной старухе матушка скажет'.[1] *Оның ойы ажалды алқымынан алу* (Ә. Сәрсенбаев) 'Он думал взять смерть за горло'; досл. 'его думы смерть за горло взять'. *Үнсіз тұрған жұрт қайтуды ойға алды* (М. Әуезов. Абай, II) 'молча стоявшая публика вспомнила, что ей надо уходить'; досл. 'безмолвно стоявшая публика возвращения в память взял'. *Қонақтар Абайдың аулын өз үйлеріндей етті* (М. Әуезов. Абай, II) 'гости в ауле Абая чувствуют себя, как дома'; досл. 'гости Абая аула (его), как свой дом сделал'. *Оларды да жақсылап қонақ етіңдер* (М. Әуезов. Абай, II) 'их тоже хорошенько угостите'; досл. 'их тоже хорошенько гость делайте'.

Сол заңдар бүгіп белімді
Көзімнің жасын қан қылды (Жамбыл)
'Те законы согнули мою спину,
Слезы моих глаз превратились в кровь';

досл.: 'тот законы согнув спина (мой), глаза (мой) слезы (его) кровь сделал'.

б) *Мен мұны не мылқау, не есуас деп ойладым* (С. Мұқанов. Ботагөз) 'я про него думал, что он или немой или помешанный'; досл. 'я его немой или помешанный сказав думал'. *Жаманды жаман десең, бөркі қазандай болады* (пословица) 'если плохому скажешь, что он плохой, то у него шапка станет набекрень'; досл. 'плохого плохой скажешь, шапка (его), как котел будет'. *Ол бұл ақшаны азсынып отыр* 'его эти деньги не устраивают'; досл. 'он это деньги мало считав сидит'. *Мен оның сөзін мақұл көрдім* 'я его речь одобряю'; досл. 'я его речи верно (ладно) видел'.

Во всех этих примерах основное предикативное содержание сказуемых сосредоточено в именах, стоящих впереди вспомогательных глаголов. Встречаются такие имена, которые сами по себе сложны по своему построению: (*Кәкітай*)... *Абай мәжлісін... қызық мәжліс еткісі келді* '(Какитай) хотел провести пиршество Абая интересно'; досл.: 'Какитай Абая пиршество интересный пиршество делание (его) пришло'.

Вторыми компонентами комбинированного сложного построения обычно бывают вспомогательные глаголы: *е, ет, де, қыл, ал, көр, сын, тұт, тап* и т. д. Они в сложном именном построении сказуемых не только выпол-

[1] Слово *дейді* везде переводим условно 'скажет'. В самом же деле такого полного лексического содержания оно не имеет.

няют функции предикативности, но придают окраску переходности предшествующим именам, в которых сосредоточено основное предикативное содержание.

Некоторые из них, например *көр*, *ал*, *ķыл*, *тап*, часто употребляются и в основном глагольном значении; в этом случае они, как переходные глаголы, самостоятельно управляют винительным падежом. Но в приведенных нами выше примерах они употребляются как вспомогательные глаголы, поэтому у них теряется и переходная самостоятельность. Для иллюстрации этой особенности возьмем лишь только один пример: *Ӯлжан немересін ķолына алуды маķӯл көрді* (М. Әуезов. Абай, II) 'Улжан захотела взять на свое попечение (своего) родственника'; досл. 'Улжан родственника своего руке взять верно видел'. Тут *немересін* — прямое дополнение, относится не к глаголу *ал* (вообще это допустимо, но тогда меняется смысловое содержание), а к словам *ķолына алуды*. Последнее словосочетание связано приемом управления (*ķолына* — в направительном падеже). Словосочетание *ķолына алуды* (а не *алуды* в винительном падеже) подчинено такой же именно-глагольной группе — *маķӯл көрді*. Глагол *көрді* может так же, как *ал*, самостоятельно сочетаться с прямым дополнением, в различных предложениях.

Вспомогательные глаголы *е*, *ет*, *де* в казахском языке самостоятельно вовсе не выступают, подобно связи с именами в винительном, исходном, направительно-дательном падежах.

Мне думается, что и это обстоятельство может служить подтверждением правильности положения, выдвинутого в такой краткой заметке.

Пусть эта заметка, хотя и представляющая собою лишь набросок будущего большого исследования, послужит символом глубокого уважения языковеда-казаха к юбиляру, крупному тюркологу, заслуженному деятелю науки Казахской ССР — Сергею Ефимовичу Малову.

П. П. Барашков

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА ЯКУТСКИХ СОГЛАСНЫХ

В изучении звуков якутской речи отдельные слова могут быть использованы в качестве объекта для наблюдения. Однако ими можно пользоваться только для изучения звуков речи, встречающихся в середине слова. А в отношении звуков речи, встречающихся как в начале, так и в конце слов, отдельные слова, взятые из словарей, не могут дать правильного представления о звуках, составляющих данное слово. Для иллюстрации возьмем слово *сыт* 'запах' из «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского (стр. 2500). Как видно, оно состоит из трех звуков. На самом деле оно произносится различно. Слово *сыт* имеет минимально четыре варианта: *сыт*, һыг, сыд, һыд: *Сыт-сымар* '*вонь-смрад*', *ҮтҮө һыт* 'хороший запах', *һыд аҥалыйар-сыд аналыйар* 'запах распространяется'; из этого видно, что слово свое настоящее формирование в звуковом отношении получает в предложении, — акад. И. И. Мещанинов говорит: «Свое реальное выявление в речи слово получает не в словаре, а в живой речи, в предложении».[1]

Таким образом, звуки речи должны рассматриваться в связной речи. Отсюда вытекает первоочередная необходимость изучения звуков речи в позиционном их размещении.

В «Современном якутском языке» Л. Н. Харитонова (1947) в отношении начальных и конечных согласных говорится: «В начале якутского слова никогда не встречаются согласные ҕ, *й*, *н*, *р*, а также *ль*. В словах, заимствованных из русского языка, перед начальным *р* вставляется гласный: рус. „рама“ — як. *араама*, рус. „резина“ — як. *эрэсиинэ*, рус. „рюмка“ — як. ҮрҮҮмпэ, а начальный *й* обычно заменяется звуком *дь*: „еще“ — *дьөссө*, „елка“ — *дьуолка*, „яма“ — *дьаама*, „юбка“ — *дьууппа*...

«В конце якутского слова не встречаются следующие согласные: *б*, *г*, *ҕ*, *д*, *дь*, *ль*, *нь*, *һ*, *ч*. В конце заимствованных слов эти согласные заменяются другими: рус. „учитель“ — як. *учуутал*, рус. „сажень“ — як. *саһаан*, рус. „ключ“ — як. *кҮлҮҮс*» (стр. 63).

---

[1] Члены предложения и части речи. 1947, стр. 6

После Великой Октябрьской социалистической революции, в связи с возникновением и развитием современного якутского литературного языка, в связи с бурным ростом количества новых слов, вошедших из русского языка, в фонетике якутского языка наметились значительные сдвиги, которые особенно заметны в письменном языке. Для передачи заимствованных общественно-политических и научно-технических терминов приняты в алфавит новые знаки, обозначающие следующие звуки: *в*, *ф*, *з*, *ж*, *ш*, *ц*, *щ*, а также активизировались некоторые якутские согласные, ранее не встречавшиеся как в начале, так и в конце слова, например: *врач*, *государство*, *рабочий*.

В якутском языке звонкие согласные не бывают в конце последнего слова предложения. Такая тенденция не произносить звонких согласных на конце слова дает нам право сказать, что начальные эксплозивные согласные не могут быть в конце слова такими, какими они были в начале. Когда начальные согласные встречаются в конце слова, то акустически видоизменяются.

В акустическом отношении якутские согласные в начале слова и в конце слова различны. Это можно заметить даже просто на слух, без помощи приборов, например конечный *т* звучит не так, как начальный *т*: *тут* 'держать'. Имеется разница также между начальным и конечным *х*: *хах* 'скорлупа'; также *к*: *күлүк* 'тень'. Но более точно эту разницу можно уяснить с помощью записывающего аппарата.

В 1947 г. в лаборатории Кабинета экспериментальной фонетики Ленинградского Государственного университета под руководством доцента Л. Р. Зиндера нами записаны якутские слова и выражения. Среди этих записей имеется слово *тот* 'сытый'. На кривой начальный *т* в этом слове отражен резким подъемом линии, а конечный согласный отмечен падающей линией, которая опускается даже ниже общего уровня линии кривой. Такой контраст начального и конечного согласного *т* вызван тем, что произношение якутских начальных согласных сопровождается резким толчком воздушной струи, а при конечных согласных сила струи воздуха, выходящей из легких, значительно ослабляется. В этом резком подъеме линии начального *т* запечатлена эксплозивность согласного. Такими эксплозивными свойствами, хотя в неодинаковой степени, обладают все начальные согласные якутского языка. Этот же согласный, оказавшись в конце слова, теряет силу своего взрыва, поэтому линия конечного *т* снижается ниже уровня прямой.

Якутские слабые конечные согласные при аффиксации, подвергаясь различным изменениям, образовали некоторые фонетические закономерности в языке. Мы имеем в виду озвончение конечных глухих согласных под влиянием гласных. Глухие согласные *к*, *п*, *х* в конце основы перед аффиксом, начинающимся с гласного, озвончаются и переходят в *ҕ*, *в*, *ҕ*: *балык* 'рыба', *балык-ым* — *балыг-ым* 'моя рыба'; *сап* 'нитка', *сап-а* — *саба* 'его нитка'; *атах* 'нога', *атах-ым* — *атаҕым* 'моя нога'. Аналогичный пере-

ход от одного согласного в другой наблюдается с конечным среднеязычным *с*: *бас* 'голова', *бас-ым* — *баһым* 'моя голова'. В современном якутском языке подобный переход согласных распространяется и на заимствованные через русский язык слова: «чуваш» — *чуваһы* (вин. п.), «комсомолец» — *комсомолеһы*, «врач» — *враһы*, «философ» — *философы*, «принцип» — *принциби*, «ток» — *тогу*.

Якутские согласные при артикуляции имеют особую акустическую окраску, похожую на гласные *ы* или *и* в зависимости от состава гласных слова. Такие окраски редуцированного *ы* (*и*) появляются при произношении как начальных, так и конечных согласных якутского языка. Если произнести усиленно любой согласный чистым якутским акцентом, то получится согласный, оканчивающийся как бы на *ы* || *и*, например: $т^{ы}$ ($т^{и}$), $д^{ы}$ ($д^{и}$), $п^{ы}$ ($п^{и}$), $б^{ы}$ ($б^{и}$), $^{ы}т$ ($^{и}т$), $^{и}с$ ($^{ы}с$).

Известно, что в начале якутского слова не встречается сочетание согласных. Все ранее заимствованные слова подчинялись этому закону языка, например: рус. «шкап» — як. *ыскаап*, рус. «стол» — як. *остуол*, рус. «класс» — як. *кылаас*.

Также в конце якутского слова не бывает сочетания согласных, за исключением сочетаний *-рт*, *-лт*. При заимствованиях конечные из сочетаемых согласных исчезают, например: рус. «пункт» — як. *пуун* или *буун*, рус. «акт» — як. *аах* или *аак*, рус. «съезд» — як. *сиэс*, рус. «факт» — як. *баак* или *баах*.

За начальным согласным в слове должен следовать гласный и, наоборот, конечный согласный слова должен иметь впереди себя гласный.

В целях сохранения взрывного характера некоторых русских конечных согласных, встречающихся в виде сочетания двух и трех согласных, в заимствованных словах при аффиксации допускаются вставки гласного между основой и аффиксом. Это относится к тем согласным, которые встречаются в конце слова. В одном из параграфов правил орфографии якутского литературного языка записано:

«К основам, оканчивающимся сочетанием согласных *нк*, *ск*, *рк*, *лк*, *рф* и *мб*, в косвенной форме вставляются гласные: „цинк" — *цинк-э-ни*, *цинк-э-ҕэ*, „киоск" — *киоск-а-ны*, „парк" — *парк-а-ны*, *парк-а-нан*, „полк" — *полк-а-нан*, *полк-а-тааҕар*, „торф" — *торф-а-лааһын*, „ромб" — *ромб-а-ны*, *ромб-а-та*».

По нашему мнению, совершенно правильно был принят этот параграф орфографии для сохранения эксплозивных конечных гласных в заимствованных терминах, в противном случае эти слова искажались бы до неузнаваемости, что вело бы к непониманию или к замедлению понимания их значения.

В якутском языке встречаются также случаи, когда между согласными вставляется гласный, который подчиняется закону гармонии гласных. Если основа оканчивается на согласный и аффикс тоже начинается с согласного, то между ними вставляется узкий гласный: *ат-ы-м* 'мой конь', *уол-у-ҥ* 'твой сын', *ат-ы-нан* 'конем', *уол-у-нан* 'сыном'.

По нашему мнению, вставка гласного в якутском языке образуется благодаря наличию особой акустической окраски согласных, полученной в зависимости от формы и величины резонаторов. Такие акустические окраски согласных усиливаются при столкновении двух согласных на конце слова: с одной стороны, конечного согласного основы, с другой — начального согласного аффикса. В таких случаях эти два согласных требуют обязательного присутствия гласного между ними. Например, при присоединении аффикса принадлежности к основам, оканчивающимся на согласный, вставляется гласный: *ат-ы-м*. Если основа оканчивается на гласный, то присоединяется к нему аффикс без вставки гласного: *саа-м* — *саам* 'мое ружье'.

Благодаря наличию особой акустической окраски согласных в конце якутского слова, два согласных рядом не встречаются. Также в начале якутского слова два согласных не бывают, — главным образом по этой же причине. Как известно, в начале якутского слова не встречается более одного согласного. Если заимствованное слово начинается стечением нескольких согласных, то перед ними или между ними вставляется гласный, например: рус. «стакан» — як. *ыстакаан*, рус. «класс» — як. *кылаас* и т. д.

В якутской устной поэзии аллитерация строго выдерживается. Аллитерация являлась одной из характерных черт дореволюционной поэзии якутов. Она могла развиваться на основе хорошо слышимых звуков речи. Звучными в якутском языке оказались взрывные начальные согласные и гласные звуки. Что же касается невзрывных слабоконечных, то они оказались неполноценными в акустическом отношении. Очевидно, на этой почве и образовалась аллитерация в устной поэзии якутов. Она была очень распространена. Недаром знатоки якутского устного творчества и языка с восторгом отзывались об этом виде стихосложения якутов. С. В. Ястремский в своей «Грамматике» издания 1938 г. писал: «Аллитерация составляет непременную принадлежность произведений народного творчества: заклинаний, песен, былин, импровизаций, поговорок, загадок».

В дореволюционной поэзии якутов рифма не была известна. Вместо нее всюду выступала аллитерация. Рифма хороша тогда, когда конечные звуки строк звучные, а если они не звучные, плохо слышимые, то вся прелесть рифмованного стиха пропадает.

В современной якутской поэзии применяется рифмованный стих по образцу русского стихосложения. Это начинание нашло большое распространение в связи с развитием письменности среди якутов. Рифма говорит о том, что под влиянием русской культуры и языка активизируются слабоконечные согласные, вложенные в них новые акустические качества.

В рифме хорошо звучит собственно последний слог стиха или строки, но не последний звук. Наличие гласного в слоге резко усиливает слышимость слога. Красиво звучат, например, слоговые рифмы:

Туман буолбут хонуктар
Тумулларын кэтэҕэр
Кыһыл буурҕа аттаахтар
Ньиргиэрдэрэ иһиллэр.[1]

'За курганами
В туман превращенных дней
Всадников слышится гул,
На красной буре несущихся'.

В данном стихе формально выступают парные рифмы на *р*, но при устном исполнении его перекрестные рифмы преобладают над парными. Здесь конечный слог первой строки *-тар* рифмуется с конечным слогом третьей строки *-тар*, а конечный слог второй строки *-ҕэр* рифмуется с конечным слогом четвертой строки *-лэр*. Здесь главную роль играют звучные *а* и *э*.

В связи с этим возникает весьма важный в условии образования якутских согласных вопрос о слоге и слогоделении.

В якутском языке слогоделение основывается на принципе — сколько гласных, столько и слогов в слове. В лексическом составе языка встречаются односложные слова в большом количестве. Такие односложные слова по выполняемой функции согласных в слове можно разбить на три типовых группы слогов: 1) открытый слог типа —*бу*, 2) закрытый слог типа —*ый*, 3) закрытый слог типа —*сыт*.

1-й тип слогов состоит из начальногосогласного и гласного: *бу* 'этот', *тыы* 'лодка', *саа* 'лук', *кии* 'навоз', *хаа* 'сумка'.

2-й тип слогов состоит из гласного и согласного. Здесь согласный является замыкающим: *ый* 'месяц', *ык* (ыг)[2] 'сжимать', *ыл* 'брать', *им* 'вечерняя заря', *үүн* (*үүм*) 'расти', *оҥ* 'вырывать', *ап* (*аб*) 'волшебство', *ур* 'шишки', *ас* (*аһ*) 'пища', *ат* (*ад*) 'лошадь', *ох* (*оҕ*) 'стрела'.

3-й тип слогов состоит из начального согласного, гласного и конечного согласного. Здесь гласный окружен двумя согласными: *сыт* (*сыд*, *һыт, һыд*) 'запах', *баар* (*баал*) 'есть', *кыыс* (*кыыһ*, *гыыс*, *гыыһ*) 'девушка', *тоҥ* 'мерзлый', *сап* (*саб*, *һаб*, *һап*) 'закрывать'.

Согласные, встречающиеся в начале слога, имеют такие взрывы, как и в начале слова: *би-һи-ги күө-лү са-ҕа-ты-нан и-һэ-бит* 'мы идем (едем) по краю озера'. Здесь согласные, стоящие в середине слова, имеют такие же взрывы, как и согласные в начале слова. При этом каждый начальный согласный как в слове, так и в слоге требует соответствующего гласного (*би-һи-ги* и т. д.).

Качество согласного звука определяется его позицией в слоге. Именно в слоге выявляются особенности каждого согласного. В качестве примера

---

[1] Из поэмы Элляя «Буурҕа буулдьа дьыллырбар» («В дни бури и пули»).
[2] В скобках даются варианты произношения.

возьмем якутский согласный *т*. Глухой *т* в интервокальном положении не озвончается, например: *аты* 'лошадь' (вин. пад.), *атым* 'моя лошадь', *ата* 'его лошадь' и т. д. Но этот же глухой *т* между словами в предложении озвончается. В выражениях *ад уулуур* 'лошадь пьет воду' *т*, находясь между двумя словами, под влиянием начального гласного последующего слова озвончается.

Чем объясняется озвончение глухого *т* в такой позиции?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к слогоделению. Слово *атым* 'моя лошадь' состоит из двух слогов: *а-тым*. В этом примере глухой *т* занимает в слоге начальную позицию. Следовательно, он в этой позиции сохраняет свое качество. Он же, оказываясь в предложении на конце слова *ат уулуур*, не может сохранить свое качество глухого звука в виду того, что слово *ат* получает самостоятельный акцент, который отделяет конечный глухой *т* от начального гласного последующего слова *уулуур*. В силу этого между конечным согласным первого слога (*ат*) и начальным гласным последующего слова (*уулуур*) создается маленький разрыв в потоке речи, который оставляет конечный *т* в своем положении в конце слова и тем самым лишает его возможности превратиться из слабого конечного в начальный.

Сочетание *ат уулуур* состоит из трех слогов: *ат-уу-луур*. В этом примере, благодаря наличию паузы между словами, согласный *т* попадает в первый слог. В данном случае согласный *т*, занимая конечное положение в слове *ат*, лишается основного свойства — глухоты. При таком положении начальный согласный второго слова *уу*, как бы пользуясь слабостью конечного *т*, подвергает его изменению, в результате чего глухой *т* переходит в звонкий *д*.

Вот этим можно объяснить озвончение глухого *т* в сочетании *ад уулуур*.

Это говорит о том, что слоги в якутском языке имеют фонологическое значение.

На свойство согласного оказывают влияние также передние гласные *и, э, о, ү* (*иэ, үө*).

Палатализация согласных в якутском языке происходит под непосредственным влиянием этих передних гласных. При произношении якутских передних гласных тело языка продвигается вперед, оставляя большое пространство за корнем языка, а средняя часть спинки поднимается вверх. Такое положение языка создает благоприятное условие для образования мягких согласных. Характерной особенностью мягких согласных является поднятие средней части языка (например *й, нь* и т. д.).

Как известно, в якутском языке действует так называемый «закон гармонии гласных». Согласно этому закону после первого слога должен следовать соответствующий передний или задний гласный в зависимости от первого слога. Если первый слог слова содержит передний гласный, то и все последующие слоги состоят только из передних гласных, напри-

мер: *эт* 'мясо', *эттээ* 'рубить мясо', *эттээхтэр* 'имеющие мясо' (мн. ч.) и т. д. При таком положении все согласные *т*, *тт*, *х*, *р*, находящиеся в данном слове, подвергаются смягчению. А если заменить их задними гласными, то все эти согласные произносятся твердо, например: *ат* 'конь', *аттаа* 'выхолащивать', *аттаах* 'с конем', *аттаахтар* 'имеющие коня' (мн. ч.).

Н. А. Баскаков

ЛИЧНЫЕ И ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Личные и лично-притяжательные местоимения составляют внутри категории местоимения особую лексико-семантическую группу, которая объединяется общностью семантики, единством корней и наличием внутри категорий, в нее включающихся, своей системы лексико-функциональных форм, т. е. грамматических форм, в качестве которых личные и лично-притяжательные местоимения выступают в предложении в функции различных членов предложения.

Личные и лично-притяжательные местоимения, точно так же как и другие лексико-семантические категории с реальной семантикой, могут выступать в предложении в качестве любого члена предложения, а поэтому они, в зависимости от роли в предложении, реализуются в качестве: или субстантивных форм, или атрибутивно-определительных, или атрибутивно-обстоятельственных форм, т. е. тех функциональных форм, которые характерны и для имен (из функциональных форм которых позже образовались самостоятельные лексико-семантические категории: имена существительные, имена прилагательные и наречия), и для глаголов (имена действия, причастия и деепричастия), точно так же как и для имен со специфической семантикой имен числительных, местоимений и даже междометий, которые также реализуются в предложении в качестве этих трех функциональных форм.

Таким образом, в дальнейшем при классификации данной лексико-семантической группы личных и лично-притяжательных местоимений будет положена в основу функциональная их значимость.

При описании этой группы местоимений будут учтены не только формы литературного каракалпакского языка, но и диалектальные варианты северо-восточного (сокращ. СВ) и юго-западного (сокращ. ЮЗ) диалектов, а в некоторых случаях будут даны также ссылки на древние языки кыпчакской группы: язык кыпчаков по словарю Махмуда Кашгарского (сокращ. МК) и половецкий по Codex Cumanicus (сокращ. CC).

Из условностей транскрипции отметим лишь самые основные: *ӓ* = англ. *a* в слове bad; *ю* = немецк. *ü*; *ё* = немецк. *ö*; *къ* = задненебноязыч-

ному *к*; *гъ* = задненебноязычному *г*; *нъ* = задненебноязычному *н*; *хъ* = задненебноязычному *х*; *х* = гортанному *h*.

Итак, личные и притяжательные местоимения соединены в одну группу не только потому, что и те и другие имеют один и тот же корень, но и потому, что они в лексико-семантическом плане и по генезису представляют собой единую группу местоимений. Более того, притяжательные местоимения, представляя собою форму родительного падежа личных местоимений, образуют скорее лексико-функциональную атрибутивно-определительную форму, чем самостоятельную лексико-семантическую категорию.

I. СУБСТАНТИВНЫЕ ФОРМЫ

I. Личные местоимения

а) *Простые*

Единственное число:

1-е л. *мен* || ЮЗ *мӓн* 'я';
2-е л. *сен* || ЮЗ *сӓн* 'ты';
3-е л. *ол* || ЮЗ *у, ул* 'он'.

Множественное число

1-е л. *биз, бизлер* || СВ *бис, биздер* || ЮЗ *бизлӓр* 'мы';
2-е л. *сиз, сизлер* || СВ *сиздер* || ЮЗ *сизлӓр, сенлер* || СВ *сендер, сеннер* || ЮЗ *слер, селлер, силлӓр* 'вы';
3-ье л. *олар* || ЮЗ *улар* 'они'.

Личные местоимения (простые), таким образом, состоят из основных форм: *мен* 'я', *сен* 'ты', *ол* 'он', *биз* 'мы', *сиз* 'вы', *сизлер* 'вы' (вежливая форма), *сенлер* 'вы' (простая), *олар* 'они', и диалектных вариантов, встречающихся параллельно с основными формами в ЮЗ диалекте: *мӓн* 'я', *сӓн* 'ты', *у* || *ул* 'он', *бизлӓр* 'мы', *сизлӓр*, *слер*, *селлер*, *силлӓр* 'вы' и *улар* 'они', и в СВ диалекте: *бис*, *биздер* 'мы', *сиздер*, *сендер*, *сеннер* 'вы'.

Из перечисленных выше форм имеют особую семантику:

а) Форма типа *бизлер* 'мы', которая употребляется параллельно с *биз* 'мы' в тех случаях, когда говорящие хотят подчеркнуть изолированность, обособленность группы, которую они составляют, например:

бизлӓр къырыкъ тюйӓни таба алмай жюрсӓк, сенинъ пычагъынъ къандай табылады 'когда мы вот (погонщики) бродим и не можем найти сорок верблюдов, каким же образом найдется твой нож';

(еки бала) мына къойанды бизлерге сойып алып бер-дийди '(два мальчика) сказали: «вот этого зайца зарежьте и дайте нам»';

палапанлары — ана айдарха бизлерди джейин — деп келгенде ёлтюрюп таслады — дейди 'ее птенцы сказали: «когда тот дракон прилетел и хотел нас съесть, то он сразу убил его»'.

б) Форма типа *сизлер* 'вы', которая употребляется параллельно с *сиз* 'вы' в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть обособленность группы, например:

сиздер аткъа минип-патша аврун атыр-деп айкъай сала беринъдер-деди '«вы оседлайте лошадей и, говоря о том, что падишах болеет, вздыхайте и стенайте», — сказал он';

слер ди къарры къыз, бизлер ди йаш джигиттинъ шешеси болар '«Вы, старая дева, таким, как мы, молодым джигитам будете матерью»'.

в) Форма типа *сенлер* 'вы' является формой более фамильярного обращения 2-го л. мн. числа. Формы *сен, сиз, сенлер, сизлер* семантически дифференцируются следующим образом:

сен 'ты' — обычное обращение к одному лицу;

сиз 'вы' — вежливое обращение к одному лицу;

сенлер 'вы' — обычное более фамильярное обращение к нескольким лицам;

сизлер 'вы' — вежливое обращение к нескольким лицам.

Все остальные формы имеют те же значения, что и в русском языке.

Интересно отметить некоторые производные от личных местоимений слова, образованные в лексико-семантическом плане и относящиеся по существу к другим частям речи, ср., например, производные слова от личного местоимения *мен* 'я':

мен-мен — 'гордый'; *мен-менге — завал, джюйрикке томар* 'гордому упадок, а скакуну пень (смерть)'; ср. также *мен-менлик* 'гордость'; *меншик* 'собственность'; *менсин-* 'считать достойным себе'; *бийкем мени менсинбейди, мен бийкемди менсинбеймен* 'моя свояченица меня не считает достойным себе, а я не считаю достойной себе мою свояченицу'.

Падежные формы личных местоимений, кроме форм винительного и отчасти направительно-дательного падежей, представляют собою по существу самостоятельные лексико-функциональные категории. Так, личные местоимения в родительном падеже образуют атрибутивно-определительную форму лично-притяжательных местоимений, а личные местоимения в местном и исходном падежах — атрибутивно-обстоятельственные формы.

Личные местоимения могут иметь некоторые личные формы, ср. например: *мен менмен* 'я — я', и даже формы принадлежности, ср., например: *кимсенъ?* 'кто ты?', *мен* 'я', *менинъ ким?* 'кто я?' (букв. 'мое я — кто?'), *Шинъкилдек* 'Шинкилдек' (собственное имя).[1]

б) Личные местоимения сложные (определенные, конкретизированные)

Единственное число

1-е л. (*мен* || *менинъ*) *ёзим* (|| *ёзлерим*) 'я сам';
2-е л. (*сен* || *сенинъ*) *ёзинъ* (|| *ёзлеринъ*) 'ты сам';
3-ье л. (*ол* || *онынъ*) *ёзи* (|| *ёзлери*) 'он сам'.

[1] Каракалпакские народные сказки. Турткуль, 1940, стр. 46. (На каракалпакском языке).

Множественное число

1-е л. (*биз* || *бизинъ*) *ёзимиз* || *ёзлеримиз* (|| *СВ ёзимис*) 'мы сами';
2-е л. (*сиз* || *сизинъ*) *ёзинъиз* || *ёзлеринъиз* 'вы сами';
3-е л. (*олар* || *олардынъ*) *ёзлери* 'они сами'.

Личные местоимения (сложные конкретизированные) 1-го и 2-го л. ед. и мн. чисел образуются из простых личных местоимений в неопределенном или родительном падеже и особой основы *ёз* (восходящей к слову с самостоятельным значением «основа», «сердцевина») с соответствующими аффиксами принадлежности. Местоимения же 3-го л. в качестве определения, кроме местоимений *ол* || *оnынъ, олар* || *олардынъ*, могут иметь также обычное имя существительное.

Семантика личных (определенных, конкретизированных) местоимений отличается от простых тем, что в содержание первых обязательно включается сам субъект данного местоимения, в то время как в содержании вторых включение это не является обязательным, например в предложении *ол ат алды* 'он купил лошадь' дается только идея лица, но не подчеркивается непосредственный исполнитель действия, в то время как в предложении *ол* (|| *онынъ*) *ёзи ат алды* — 'он сам купил лошадь' [букв. 'он (|| его) сущность сама купила лошадь'] включение субъекта в исполнение данного действия является обязательным.

Определение, выраженное личным местоимением в неопределенном или родительном падеже, в живой речи часто выпадает. Наличие определения лишь подчеркивает логически данный член предложения. Что же касается определений, выраженных именем существительным, то они обычно всегда оформлены родительным падежом.

Примеры:

сенинъ ёзинъ джиллы экйн сйн 'оказывается, ты сам сумасшедший';

Макътым къулы дерлер ёзим сагъан айткъан бул дур сёзим 'я сам, которого называют Мактумкули, скажу вам вот эти мои слова';

соннан сонъ кемпирдинъ ёзи ескекти есип жылдам жюреди 'после этого старуха стала грести веслами и быстро поплыла';

сол кисининъ ёзи анъ авлап кетеди екен 'оказывается, этот самый человек сам уходит охотиться';

бюгюннинъ ёзинде-акъ къайтып келемиз 'мы сегодня же вернемся';

соnынъ ёзи 'тот самый'.

Сложные личные местоимения, как и простые, изменяются по падежам. Некоторые падежные формы этих местоимений, поскольку в семантику обязательно включается субъект данного лица, естественно образуют формы, соответствующие русским возвратным местоимениям. Это обстоятельство послужило поводом к наименованию этих местоимений «возвратно-определительными».

По существу же падежные формы этих местоимений, как и личных простых местоимений, образуют новые лексико-функциональные категории,

например: личные сложные местоимения в родительном падеже образуют уже атрибутивно-определительную форму притяжательных местоимений, а в местном и исходном падежах — атрибутивно-обстоятельственные формы.

2. Лично-притяжательные субстантивные местоимения

Лично-притяжательные субстантивные местоимения образуются из основы простого или сложного личного местоимения в родительном падеже, т. е. из формы лично-притяжательных атрибутивных местоимений посредством присоединения аффикса *-ки*, исторически восходящего к аффиксу отношения $\frac{\textit{-къы}}{\textit{-ки}} \| \frac{\textit{-гъы}}{\textit{-ги}}$, но имеющего в современном языке в данных формах местоимения только один вариант с передним гласным.

Однако структура этих местоимений, состоящая из $\frac{\textit{-нынъ}}{\textit{-нинъ}} + \frac{\textit{-къы}}{\textit{-ки}} \| \frac{\textit{-гъы}}{\textit{-ги}}$, полностью сохранилась только в некоторых тюркских языках, ср., например, эту форму местоимений в современном ново-уйгурском языке: *мениңки* || *меники, сениңки* || *сеники (ёзӓмниңки)* и пр.[1] В большинстве же языков, в том числе и в каракалпакском, элементы, составляющие эту форму местоимений, в процессе фонетического развития видоизменились и внешне, например, утратили полную форму родительного падежа, от которого остался только след в виде аффикса *-ни* || *ди*, точно так же как, например, в алтайском, где этой форме соответствует *менийи, сенийи* и т. д.

Итак, лично-притяжательные субстантивные местоимения представлены в каракалпакском языке в следующих формах:

а) Простые

Единственное число

1-е л. *меники* 'то, что принадлежит мне';
2-е л. *сеники* 'то, что принадлежит тебе';
3-ье л. *оники* || ЮЗ *онуки* 'то, что принадлежит ему'.

Множественное число

1-е л. *бизики* || СВ *биздики, бизлердики* 'то, что принадлежит нам';
2-е л. *сизики* || СВ *сиздики, сизлердики, сенлердики* || *слердики* 'то, что принадлежит вам';
3-ье л. *оники* || ЮЗ *уники* || СВ *олардики* 'то, что принадлежит им'.

[1] См. мой «Очерк грамматики уйгурского языка» в словаре: Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 199.

Примеры:

юй меники — деменъиз, юй артында киси бар 'не говори о том, что дом твой (букв.: мой), так как (всегда) за домом твоим стоит чужой человек' (местоимение *меники* — в функции сказуемого);

сеники магъан керек емес 'мне твоего не нужно' (местоимение *сеники* — в функции подлежащего);

бизикине джолдасым келди 'к нам пришел мой товарищ' (местоимение *бизикине* — в функции косвенного дополнения).

б) Сложные

Единственное число

1-е л. *ёзимдики* 'то, что принадлежит мне самому';
2-е л. *ёзинъдики* 'то, что принадлежит тебе самому';
3-ье л. *ёзиники* 'то, что принадлежит ему самому';

Множественное число

1-е л. *ёзимиздики* 'то, что принадлежит нам самим';
2-е л. *ёзинъиздики* 'то, что принадлежит вам самим';
3-ье л. *ёзлериники* 'то, что принадлежит им самим'.

Примеры:

бир киси келип тюйё сораса: тюйё кёргёним жокъ мына тюйёлёр ёзимдики — дейди 'когда (к нему) подошел некий человек и спросил (его о верблюдах, то) он сказал: «я не видел верблюдов, а вот эти верблюды мои собственные»';

ёзинъдикиндей 'как будто твой собственный, как будто то, что принадлежит тебе самому'.

Аффикс, образующий лично-притяжательные субстантивные формы местоимений, может быть присоединен и к указательным и к вопросительным и прочим местоимениям, образуя соответствующие субстантивные формы. Наконец, тот же аффикс может быть присоединен и к именам существительным с аффиксами принадлежности или без них, образуя своеобразную притяжательную субстантивную форму имени.

Примеры:

Кербогъа юйюнён шыкъты апасыникине '(тогда) Кербога вышел из дома и пошел к своей старшей сестре';

мен достымдикине тюстим 'я остановился у моего друга';

бала юйюнä къайтады, йолда бир кäмпирникидä йатады 'парень возвращается домой и в пути останавливается у старухи';

бийттигини(нъ) бойы вар, къабат къабат тону вар 'ростом с вошку, а слои шуб имеет'.

Возможность присоединения этого аффикса к именам существительным лишний раз доказывает происхождение его от аффикса родительного падежа и аффикса отношения.

Таким образом, аффикс, образующий лично-притяжательные субстантивные формы местоимений, вместе с притяжательными формами имен существительных имеет следующие варианты: *-ники* || *-дики* || *-тики* || *тиги*.

В качестве субстантивных форм личных и лично-притяжательных местоимений выступают иногда и атрибутивные формы тех же местоимений, превращаясь в субстантивированные формы благодаря позиции в предложении или посредством аффиксов словоизменения, например, формы с аффиксами местонахождения $\frac{\textit{-дагъы}}{\textit{-деги}}$: *мендеги* 'находящийся у меня', *сендеги* 'находящийся у тебя'.

Лично-притяжательные местоимения типа *меники*, *сеники*, *оники*, а также *ёзимдики*, *ёзинъдики* и пр., представляя собой субстантивные формы, в системе склонения приобретают новые свойства. Так, родительный падеж местоимений *меникининъ*, *сеникининъ*, *ёзимдикининъ* и т. д. образует атрибутивно-определительные формы, а локальные падежи тех же местоимений образуют атрибутивно-обстоятельственные формы.

II. АТРИБУТИВНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

I. Лично-притяжательные атрибутивные местоимения (А)

а) Простые

Единственное число

1-е л. *менинъ* || ЮЗ *меним* (ср. СС: menim, 73) 'мой';
2-е л. *сенинъ* 'твой';
3-ье л. *оnынъ* || ЮЗ *онунъ, уnынъ* 'его'.

Множественное число

1-е л. *бизинъ, бизлердинъ* || ЮЗ *бизим* || СВ *биздинъ* 'наш';
2-е л. *сизинъ, сизлердинъ* || ЮЗ *сизлäрдинъ*, *сенлердинъ* || ЮЗ *слердинъ* || СВ *сендердинъ* 'ваш';
3-ье л. *олардынъ* || ЮЗ *улардынъ* 'их'.

Таким образом, основными формами лично-притяжательных атрибутивных местоимений являются: *менинъ* 'мой', *сенинъ* 'твой', *оnынъ* 'его', *бизинъ* 'наш', *сизинъ* 'ваш', *олардынъ* 'их'; диалектные варианты *меним* 'мой', *бизим* 'наш' и *онунъ, уnынъ* 'его' встречаются параллельно с основными в ЮЗ диалекте, и *биздинъ, бизлердинъ* 'наш', *сиздинъ*, *сизлердинъ, сенлердинъ*, *сендердинъ* 'ваш' — также параллельно с соответствующими основными формами в СВ диалекте.

Семантика лично-притяжательных определительных местоимений и их специфика по отношению к лично-притяжательным субстантивным определяются следующими примерами: *бу ат — меники* '*эта* лошадь моя',

и *бу — менинъ атым* 'это моя лошадь' или *менинъ атым бар* 'у меня есть лошадь'. Форма *меники* 'мой', 'принадлежащий мне', 'относящийся к моему имуществу' является субстантивной формой, которая может выступать в предложении только определенным членом предложения — дополнением, сказуемым — и не может служить определением, в то время как форма *менинъ* является только формой определения.

Примеры:

сонда менинъ кеселим жазылады — деди — '«тогда моя болезнь излечится», — сказал он';

меним атым Базармäс 'мое имя Базармäс';

сорасанъ, меним атым Алимбет Алджан деген 'если ты спросишь мое имя, то оно — Алимбет Алджан';

(ср. ту же форму в CC: menim kusenganim, 137; menim učim, 158; kim etir menim bwyruchim ol meni söver, 123, и пр.);

бизинъ къудамыс 'наш сват';

йахъшы онда бизинъ къатынныкъ къасында бирге бола вер — деди '«хорошо, тогда побудь вместе около моей (букв.: нашей) жены» — сказал он';

бизим джолдасымыз 'наш товарищ' (ср. CC: biz azamlar učun dagu bezim ongimis učun, 148);

сизинъ алты къызынъыз бар-ма? — дейди — 'он спросил: «есть ли у вас шесть дочерей?»'.

жокъ, сендердинъ айакътарынъ озса менинъ басым озды — деп малакъайын алып кёрсётеди '«нет, если обогнали (меня) ваши ноги, то (вас) перегнала моя голова» — сказал он и, подняв шапку, показал им'.

б) *Сложные*

Единственное число

1-е л. *ёзимнинъ* 'мой собственный';
2-е л. *ёзинъниңъ* 'твой собственный';
3-ье л. *ёзининъ* 'его собственный'.

Множественное число

1-е л. *ёзимиздинъ* 'наш собственный';
2-е л. *ёзинъиздинъ* 'ваш собственный';
3-ье л. *ёзлерининъ* 'их собственный'.

Примеры:

ёзимнинъ баламгъа бер 'отдай моему собственному сыну';
ёзинъиздинъ айагъынъыз 'ваши собственные ноги'.

Примечание. В притяжательных местоимениях этого типа сохраняется иногда и определение к сложному местоимению, например: *сизинъ ёзинъиздинъ айагъынъыз* 'ваши собственные ноги'.

2. Лично-притяжательные атрибутивные местоимения (Б)

а) Простые

Представляют собой форму родительного падежа от лично-притяжательных местоимений, т. е. образуются из основы личных местоимений в родительном падеже *менинъ* > *мени* + аффикс отношения *-ки* + второй аффикс родительного падежа $\frac{\text{-нынъ}}{\text{-нинъ}}$.

Единственное число

1-е л. *меникининъ* 'принадлежащий моим':
2-е л. *сеникининъ* 'принадлежащий твоим':
3-е л. *оникининъ* 'принадлежащий его';

Множественное число

1-е л. *бизикининъ* 'принадлежащий нашим';
2-е л. *сизикининъ* 'принадлежащий вашим';
3-ье л. *олардикининъ* 'принадлежащий им';

Семантика этой формы местоимений указывает на принадлежность данного предмета к совокупности владения данного лица, его семьи или рода: *сеникининъ тувыскъанлары* 'родственники (всех) твоих, твоей семьи, твоего рода'.

б) Сложные

Представляют собой ту же форму, что и предыдущие, но от сложных лично-притяжательных субстантивных местоимений.

Единственное число

1-е л. *ёзимдикининъ* 'принадлежащий моему собственному владению || моим собственным (семье, роду)';
2-е л. *ёзинъдикининъ* 'принадлежащий твоему собственному владению || твоим собственным (семье, роду)';
3-ье л. *ёзиникининъ* 'принадлежащий его собственному владению || его собственным (семье, роду)';

Множественное число

1-е л. *ёзимиздикининъ* 'принадлежащий нашему собственному владению || нашим собственным (семье, роду)';
2-е л. *ёзинъиздикининъ* 'принадлежащий вашему собственному владению || вашим собственным (семье, роду)';
3-ье л. *ёзиникининъ* || *ёзлериникининъ* 'принадлежащий их собственному владению || их собственному (семье, роду)'.

Значение этой формы является таким же, что и предыдущих форм, т. е. имеет оттенок принадлежности к общей совокупности всего владения данного лица или группы лиц, семьи или рода.

Таким образом, семантика тех и других местоимений, равно как и исходных форм: *меники*, — *сеники* и т. д., а также *ёзимдики*, *ёзинъдики* и т. д., указывает на совокупность владения и отношение к данному лицу, например: *китап—меники* 'книга — моя', 'книга — то, что относится к моему имуществу и ко всему тому, что относится ко мне', или *меникининъ китабы* 'книга, принадлежащая тому, что относится ко мне и является моим имуществом || моей семьей, моим родом'.

3. Лично-относительные местоимения местонахождения

Эти формы местоимений образуются посредством присоединения к основе простых и сложных личных местоимений сложного аффикса $\frac{\text{-дагъы}}{\text{-деги}}$ || ЮЗ $\frac{\text{-дагъы}}{\text{-дäги}}$, состоящего из слияния аффикса местного падежа $\frac{\text{-да}}{\text{-де}}$ и аффикса отношения $\frac{\text{-гъы}}{\text{-ги}}$.

Форма местоимений на $\frac{\text{-дагъы}}{\text{-деги}}$ по своей структуре напоминает форму лично-притяжательных субстантивных местоимений с той лишь разницей, что первая образуется посредством аффикса родительного падежа + аффикс отношения, а вторая состоит из формы местного падежа + тот же аффикс отношения. Однако в функциональном плане формы имеют различия: первая форма не может выступать в предложении в качестве определения, в то время как вторая является только атрибутивно-определительной формой, хотя, как уже отмечалось выше, может субстантивизироваться и выступать также и в качестве определяемых членов предложения.

Итак, лично-относительные местоимения местонахождения в каракалпакском языке представлены в следующих формах:

а) Простые

Единственное число

1-е л. *мендеги* || ЮЗ *мендäги* 'находящийся у меня';
2-е л. *сендеги* || ЮЗ *сендäги* 'находящийся у тебя';
3-е л. *ондагъы* 'находящийся у него'.

Множественное число

1-е л. *биздеги* 'находящийся у нас';
2-е л. *сиздеги* 'находящийся у вас';
3-е л. *олардагъы* 'находящийся у них'.

Семантика лично-относительных простых местоимений местонахождения отличается от семантики притяжательных местоимений тем, что они обозначают не принадлежность, а только отношение, выражающееся в местонахождении данного предмета, определением к которому они являются, например: *ондагъы тракторды кёрмедим* 'я не видел трактора, который находится у него'.

б) Сложные

Единственное число

1-е л. *ёзимдеги* 'находящийся у меня самого';
2-е л. *ёзинъдеги* 'находящийся у тебя самого';
3-е л. *ёзиндеги* 'находящийся у него самого'.

Множественное число

1-е л. *ёзимиздеги* 'находящийся у нас самих';
2-е л. *ёзинъиздеги* 'находящийся у вас самих';
3-е л. *ёзлериндеги* 'находящийся у них самих'.

Сложные относительные местоимения, образующиеся от сложных личных местоимений, имеют ту же семантику местонахождения предмета, например: *оньнъ ёзиндеги китап* 'книга, которая находится у него самого'.

Аффикс местонахождения $\frac{\textit{-дагъы}}{\textit{-деги}}$ присоединяется также к основам имен существительных, образуя также атрибутивно-определительную форму имени, например: *юйдеги* 'находящийся дома, в доме'; *къаладагъы* 'находящийся в городе'.

Как уже отмечалось выше, лично-относительные местоимения местонахождения часто реализуются в предложении в виде субстантивных форм, выполняя функции дополнения, сказуемого и подлежащего, принимая соответствующие аффиксы словоизменения.

4. Лично-относительные местоимения уподобления

Эти формы местоимений образуются посредством аффикса $\frac{\textit{-дай}}{\textit{-дей}}$

а) Простые

Единственное число:

1-е л. *мендей* 'подобный мне, как я';
2-е л. *сендей* 'подобный тебе, как ты';
3-е л. *ондай* 'подобный ему, как он'.

Множественное число

1-е л. *биздей* 'подобный нам, как мы';
2-е л. *сиздей* 'подобный вам, как вы';
3-е л. *олардай* 'подобный им, как они'.

Примеры:

дäрт(ли)лердинъ ишинде мендей дäртли джокъ 'среди печальных нет такого печального, как я';

сендей увул магъан керäк емес — 'мне не нужно такого сына, как ты'.

б) Сложные

Единственное число

1-е л. *мен ёзимдей* 'как я сам, подобный мне самому';
2-е л. *сен езинъдей* 'как ты сам, подобный тебе самому';
3-е л. *ол ёзиндей* 'как он сам, подобный ему самому'.

Множественное число

1-е л. *биз ёзимиздей* 'как мы сами, подобные нам самим';
2-е л. *сиз ёзинъиздей* 'как вы сами, подобные вам самим';
3-е л. *олар ёзлериндей* 'как они сами, подобные им самим'.

Примеры:

мен ёзимдей 'подобно мне самому';

сен ёзинъдей 'подобный, подобно тебе самому';

тёреши де ёзюнъдей киси 'и судья также такой же человек, как и ты сам';

жакъсы, сен ёзинъдей къыркъ бала ана малдынъ басында бузав багъып жатыр, сен де согъан бара гъой — дейди '«хорошо, вон там, около стада скота, пасут телят сорок таких же, как ты сам, ребят, и ты сам иди-ка к ним», — сказал он'.

III. АТРИБУТИВНО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ЛИЧНЫХ И ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Атрибутивно-обстоятельственные формы местоимений, имеющих в своей основе личные и лично-притяжательные местоимения, слабо дифференцированы с атрибутивно-определительными формами и представлены только словообразовательными формами с аффиксами:

-дай / *-дей*, например:

оникиндей етювге джарамайды 'не годится делать так, как сделал он' (букв. 'подобно тому, как он, делать не годится');

менинъ балам сиздей окъыйды 'мой сын читает, как вы';

-ша / *-ше*, например:

менинъше 'по-моему';
сенинъше 'по-твоему';
оньнъша 'по-его', и т. д. (ср. meningçe, aningça МК, III, 207).
ёзимше 'по-моему, как я сам';
ёзинъше 'по-твоему, как ты сам';
ёзинше 'по-его, как он сам', и т. д.

К атрибутивно-обстоятельственным формам могут быть отнесены также личные местоимения и лично-притяжательные субстантивные в форме местного и исходного падежей, а также некоторые сочетания с послелогами, например:

менде 'у меня, во мне';
сенде 'у тебя, в тебе';
ёзимде 'у меня самого';
магъан усайды 'подобно мне';
мен сыйакълы 'подобно мне';
меникинде 'у моих';
бизикиннен 'от наших',
ёзинъиздикинде 'у ваших собственных'.

А. Н. Бернштам

НОВЫЙ ТИП ТЮРГЕШСКИХ МОНЕТ

Во время раскопок древнего города Сарыга в 1939 г. на территории шахристана, в раскопе IV, были обнаружены четыре медные тюргешские монеты (инв. №№ 78, 83, 88, 93), по внешнему облику напоминающие собой четвертый, пятый и шестой типы тюргешских монет, опубликованных нами ранее в специальной статье.[1]

Кружки монет мелкие, сделаны грубо. Монеты отливались в матрице лентой и затем разрубались на части. По краю кружка проходит ребристый бортик в отличие от обычных монет, где бортик сделан в виде относительно широкой (до 2 мм) полоски, как на обычных китайских монетах. Края описываемых монет зазубрены, оборваны, равно как края четырехугольного отверстия в центре. Сам монетный кружок не составляет правильного круга, что вкупе с вышеперечисленными техническими недостатками говорит о несовершенстве мастеров, их изготовлявших. Размеры монет также не стандартны. Так, диаметры монет следующие: 17 мм (№№ 88 и 93), 19 мм (№ 83) и 22 (№ 78). Сторона квадратного отверстия в центре 5 мм и только в одном случае (№ 78) 6 мм. Однако разность конфигураций кружка говорит о том, что все они вышли, видимо, с разных матриц.

Монеты сильно стерты и разрушены временем, две из них цельные (№№ 83 и 78), одна монета состоит из двух частей, причем $^1/_8$ части нехватает, одна монета треснула (№ 88). Однако сочетание всех монет дает возможность достаточно твердо прочитать легенду.

Монеты характерны двусторонними надписями. С одной стороны — уже известная нам надпись: , т. е. türgäš qaγan Baj Baγa (рис. 1), с другой стороны тамга, особенно четко различаемая в монете (№ 78), и надпись тем же курсивом, неизвестная для первых шести типов (рис. 2).

Почерк надписей примитивный, архаичный, буквы очень плохо выписаны, а главное плохо индивидуализированы. Строчка неровная; то уда-

---

[1] Тюргешские монеты, ТОВЭ, II, таблица на стр. 108. Шестой тип (описание которого опущено в статье, но изображение дано на таблице) имеет легенду монет пятой группы, отличаясь от них меньшими размерами.

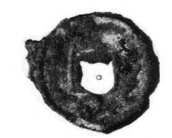

Рис. 1.

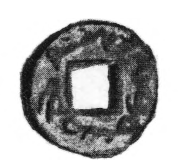

Рис. 2.

ляется, то приближается к бортику монеты без всяких к тому оснований, просто вследствие небрежности исполнения. Однако, повторяем, серия из четырех монет дала ясную картину легенды, которую мы читаем следующим образом: , т.е. Šut^{y}m on^{o}q t^{a}mγa.

Первое слово «Šut» известно в тюркских говорах Хотана в значении 'происхождение' (по словарю Махмуда Кашгарского).[1]

Слово «Šut» стоит с суффиксом притяжения 1-го л. ед. ч., т. е. 'происхождение мое'; далее следует изображение тамги. Напомним, что в уйгурской рукописи об Огуз-кагане в текст также вставлены рисунки.[2] Подобные явления отмечены С. Е. Маловым в надписи на рунической палочке из Таласа.[3] Кстати сказать, тамга весьма напоминает китайский иероглиф «ди» 帝 'император'. Тогда смысл первой части надписи будет следующий: 'происхождение мое императорское'.

Вторая группа букв читается легко. On^{o}q — это название племен, населявших территорию Семиречья до занятия ее тюргешами; далее следует известное слово t^{a}mγa 'печать', 'клеймо'. Таким образом, эта группа букв читается нами как подпись к изображению тамги 'онокская тамга', тем самым отмечая принадлежность чекана десятистрельным тюркам.

Перед нами неожиданно встает весьма интересный исторический факт. На аверсе стоит надпись «Тюргешский каган Бай Бага» (т. е. Мохэ Дагань), на реверсе же указывается его тамга и говорится, что это тамга предшественников тюргешей — «десятистрельных» племен Семиречья. Разрешение этого кажущегося противоречия заключено в древнетюркских и китайских известиях о народах этого района.

Племена «on oq budun» упоминаются в древнетюркских текстах (например Тоньюкука)[4]. Характерно, что в руническом тексте название «on oq» состоит из тех же трех букв, что и в нашей легенде. Несколько необычное для уйгурской орфографии написание «on oq» объясняется, с нашей точки зрения, простым копированием рунической орфографии. Известно, что руническое письмо давно бытовало в этих районах, а уйгурское письмо на монетах, одно из самых молодых, первоначально, видимо, повторяло рунические образцы.

Племена Семиречья — конфедерация дулу (междуречье рр. Или и Чу) и Нушеби (междуречье рр. Чу и Талас) — при хане Шаболо Хилиши (по тексту Тунцзянь Ганму, вступил на царствование в 634 г.) были разделены на десять частей, причем каждая часть именовалась по-китайски ше, т. е. 'стрела',[5] что согласуется и с данным древнетюркских текстов.

Так впредь и именовались тюркские племена Семиречья.

Когда в 699 г. тюргеши начали вторгаться в области десятистрельных

---

1 C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Budapest — Leipzig, 1928, стр. 190.

2 W. Bang u. G. Rachmati. Die Legende von Oghuz Qagan. Berlin, 1932, стр. 8.

3 Материалы Узкомстариса, вып. 6—7.

4 W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, стр. 15.

5 Таншу, гл. 140 б, л. 9а.

тюрок, последние, как говорят китайские хроники, находились под сильным китайским влиянием [1] и не оказали особого сопротивления.

Очевидно, конфедерация племен дулу и нушеби, на которых делились десятистрельные тюрки, продолжала составлять основную массу местного населения, принявшего в свою среду и тюргешские племена, жившие доселе в южном Прибалхашье. Этим объясняется и тот факт, что в тексте Тоньюкука десятистрельные тюрки упоминаются наряду с тюргешами в период подхода Капаган-кагана (т. е. Мочжо китайских источников) на кыргыз, относящегося к 710—711 гг.,[2] когда политическая власть в Семиречье перешла в руки тюргешей. Другими словами, несмотря на политическое господство тюргешей, могущество десятистрельных тюрок было настолько велико, что текст Тоньюкука отличает и тех и других как насельников Семиречья и своих возможных противников.

Политическая история тюргешей за время их краткого господства в Семиречье (704—766 гг.) полна междоусобиц и родовой борьбы. В политической жизни немалую роль играли Фергана, Синьцзян, Тибет и Китай. Апогея эта борьба достигает в конце правления кагана Сулу, т. е. в 30-х годах VIII в. В конце своей жизни Сулу-каган вступил в конфликт со своими подчиненными, недовольством которых воспользовался один из главных старшин, уже известный нам по предыдущей статье о тюргешских монетах, — Мохэ Дагань (大首令莫賀達干).[3]

Китайский хронист довольно красочно описывает междоусобицы, в процессе которых начался политический подъем Мохэ Даганя, о чем наглядно свидетельствует приводимый текст:

«В начале Сулу [каган] хорошо управлял людьми [жэнь]. Был почтителен и ограничивал себя. После каждой войны добычу целиком отдавал подчиненным [цзы ся], поэтому роды [цзу] были довольны и служили ему всеми силами. Он имел связь с тибетцами и тюрками. Оба [эти] государства выдали за него своих дочерей. [Сулу] поставил трех государств дочерей ханьшами [букв. хатун], сыновей сделал ябгу.

«Расходы ежедневно увеличивались, а основных накоплений не было. В последующие годы он почувствовал недостаток и награбленную добычу начал мало-помалу удерживать без дележа. Подчиненные [ся] начали отделяться от него.

«[Сулу каган] получил простуду, одна рука отнялась (и он) не мог заниматься делами.

«Главные старейшины [Да цян гуй] Мохэ Дагань [Бага-Таркан] и Думочжы усилились, а родовичи [чжун жэнь] говорили: Согэ потомки [хоу] составляют желтый род [син]; Сулу аймак [бу] составляют черный

---

[1] Таншу, гл. 140 б, л. 17 б.

[2] W. Radloff, ук. соч., стр. 15—16. Ср. фразу: «Türgäš qaγany tašyqmyš, tädi, onoq buduny qalysyz tašyqmyš, täp. Tabγač süsi bar ärmiš». Характерно, что древнетюркские тексты для того времени всегда называют каганов «тюргешскими», а народ — «онокским».

[3] Таншу, гл. 140б, л. 19б.

род [син]. Началась взаимная недоверчивость и вражда. Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно ночью напали на Сулу и убили его. Думочжы еще изменил и Даганю и поставил каганом сына Сулу — Тухосянь Гучжо».[1]

События эти развернулись в 738 г. Тухосянь Гучжо, владетель города Суяба, и Живей каган, владетель города Таласа, попытались продолжить борьбу с Мохэ Даганем, который в это время был правителем тюргешей. Китайский император пытался их примирить при помощи своего начальника западных владений Гао Гя-юнь, но безуспешно. Коалиция в составе западных владений (Синьцзян) под предводительством Гао Гя-юнь, тюргеши под водительством Мохэ Даганя, ферганцы, видимо, под руководством Арслан Таркана, а также два княжества из района Ташкента — Ши (тутук Мохэду) и Кеша — Ши (князь Сыгинь) — разбили Тухосяня на Суябе.[2]

Через некоторое время разгоревшиеся междоусобицы были прекращены вмешательством китайского двора; характерно, что каганом был тогда ставленник Китая, некто Синь, сын кагана десятистрельных тюрок — Ашина Хуайдао.

Отец Синя — Ашина Хуайдао, живший при китайском дворе и получивший там военный чин еще в 704 г., т. е. в период усиления тюргешей, был поставлен китайцами как хаочисский наместник и каган десятистрельных тюрок.[3] Не случайно, что теперь китайцы, пытаясь удержать власть в своих руках, в Семиречье ставят опять сына своего первого ставленника, так как верность Мохэ Даганя им еще ничем не доказана. Новый каган является каганом десятистрельных тюрок, и глава тюргешского аймака, одновременно хаочисский наместник, обладает правами трех министров, супруге его, по имени Ли, дают титул царевны Чжоха-Хота и для ее охраны выделяется специальный отряд.[4]

Совершенно ясно, что Китай борется за свое политическое влияние в Семиречье, во-первых, поддерживая род каганов из числа своих «воспитанников», во-вторых, поддерживая политические брожения десятистрельных тюрок, уже бывших в союзе с китайцами, путем противопоставления их тюргешам хотя бы фактом уравнения их в политических правах.

Протест Мохэ Даганя и его стремление занять престол вместо Синя были удовлетворены китайцами, которые боялись новых восстаний. Место Синя в том же 741 г. занял Мохэ Дагань.

---

[1] Таншу, гл. 140б, л. 19б—20а; наш перевод несколько расходится с известным переводом И. Бичурина (Собрание сведений, ч. I, стр. 369—370).

[2] Именно так, по-моему, надо читать китайский текст (Таншу, гл. 140б, л. 20а). У Бичурина (Собрание сведений, ч. 1, стр. 370) вместо «Талас» стоит «Хынлос». Параллельность конструкции и смысл предшествующего и последующего текстов позволяют личные имена связывать с названием народов и владений. О том, что предводителем ферганцев (Бохахьна) был Арслан Таркан, см. в нашей работе «Памятники старины Таласской долины» (Алма-ата, 1941, стр. 30). Суяб находился в долине Чон-кемина (об этом см.: А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 77 и сл.).

[3] Таншу, гл. 140б, л. 16б.

[4] Таншу, гл. 140б, л. 20б; ср. л. 17б.

Из нашего краткого экскурса в область политической истории Семиречья 30-х годов VIII в. видно, что борьба за политическую власть тогда бывала успешна только в том случае, когда она опиралась на помощь Китая и признание каганом как десятистрельных тюрок, так и тюргешей. Видимо, это прекрасно учел Мохэ Дагань, и такой документ политической власти, как монету, он чеканит, во-первых, по китайскому образцу, во-вторых, указывает на связь с десятистрельными тюрками и утверждает их политическую роль помещением на монете их тамги, отмечающей принадлежность чекана, а также соответствующей легенды, наконец, в-третьих, титулует себя тюргешским каганом. Это ли не остроумная попытка разрешения сложнейшей политической ситуации в современной ему обстановке!

Встает вопрос: можно ли датировать вновь обнаруженную серию тюргешских монет более точно? По нашему мнению, эта серия наиболее старая. Об этом говорит не только техника изготовления, свидетельствующая о неумелом копировании китайского образца, но прежде всего тот факт, что Мохэ Дагань еще признает политическую роль десятистрельных тюрок. Думаю, что эти монеты он мог выпускать еще до официального признания его каганом со стороны Китая, когда он уже мог и существенно улучшить чеканку своей монеты, а главное сбросить с монеты легенду и тамгу десятистрельных тюрок и заменить ее тюргешской тамгой в виде дуги, представленной в монетах первых групп. Если это так, то его деятельность в качестве политического вождя, относительно самостоятельного, начинается после убийства Сулу кагана, т. е. в 738 г., а в 740 г. он же был признан Китаем как тюргешский правитель.

Мы полагаем, что все сказанное позволяет с достаточным основанием считать, что разобранный в настоящей статье новый тип тюргешских монет (седьмой по нашей классификации) относится к 738—740 гг.

А. К. Боровков

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Исследования в области истории узбекского языка предполагают и лингвистическое изучение памятников узбекского языка и обширные текстологические разыскания, особенно в части памятников раннего периода, до эпохи Алишера Навои.

Одним из чрезвычайно важных для истории узбекского языка памятников раннего периода является «тефсир», найденный в Узбекистане в г. Карши в 1914 г.*

Упомянутый тефсир заключает в себе подстрочный перевод корана с суры XVIII и комментарии на староузбекском (и таджикском) языке к отдельным сурам. Появился тефсир, надо полагать, в XIII в.; данный известный нам список его датируется «эпохой тимуридов», т. е. XV в. По языку тефсир сближается с памятниками XI—XIV вв. Наличие арабского текста с подстрочным переводом приближает наш тефсир к памятникам словарного характера; большое число связных текстов в толкованиях интересно и со стороны синтаксиса; поэтому все это имеет большое значение для истории языка.

В отдельных случаях этот памятник привлекал к себе внимание С. Е. Малова.**

Ниже приводится один отрывок из толкований к суре XVIII, именно текст известной повести о «семи спящих отроках». Повесть сирийского происхождения изустным путем проникла в коран и тем же путем стала известна и ранним комментаторам корана.*** В Средней Азии эта повесть получила широкое распространение; изложена у Рабгузи**** в сборнике рас-

---

* Зап. Вост. отд. ИРАО, XXIII, вып. III—IV, Петроград, 1916, стр. 249; Азиатский музей Росс. Ак. Наук, Краткая памятка, Петербург, 1920, стр. 41; W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien. Asia Major, II, Fasc. 1, 1925, стр. 125—127.

** С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках. ЗКВ, V, Л., 1930, стр. 523.— Он же. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. Зап. Инст. востоковед., I, Л., 1932, стр. 149.

*** А. Крымский. Семь спящих отроков эфесских. М., 1914, стр. V.

**** См. перевод Н. Ф. Катанова «Татарские сказания о семи спящих отроках» (ЗВО, VIII, СПб., 1894, стр. 242 сл.).

сказов «Мифтах-ул-адл»;* известна в восточно-туркестанских рассказах** и стихотворных переработках.***

Специальное изучение всех этих версий повести вероятно помогло бы датировке, в частности, и нашего тефсира, но это — особая задача.

Текст повести приводится в упрощенной транслитерации и дает представление об особенностях языка нашего памятника. Текст достаточно простой и сопровождается лишь необходимым минимумом примечаний.

Кіссä. Асhâб-ал-кähф јунâні еліндä[1] бір ел äрді[2] Äф[у]сус âтліҕ.[3] Ул елнің мäлікі бâр äрді, Дақјâнус âтліҕ,- бу Дақјâнус мäлік Зулқарнајнда[н][4] кеδін[5] äрді. Асhâб-ал-кähф кішілäр Äф[у]сус кенді ічіндä тäңрі тä 'âлâҕа[6] табінур мусулмâн äрділäр; тäңрі тä'âлâ анларні «джомäрд» теб атаді, -андâҕ кім јарліқаді- [18[б]]. Буларнің мусулмâнліқіндін[7] ул елдä*кі*[7] мäліккä ајділар. Ул буδун[8] мäлік бірлä бурхâнҕа табінур äрділäр. Дақјâнус анларні ускунда уқіді, ајді: -сізлäр кім*кä* табінурсізлар, қају дін тутарсізлар, -теб. Тäңрі тä'âлâ анларнің кöңүлläрін*кä* кäмішті, аδақін[9] турдідар, -öз дінläріні 'äрзä қілділар; ајділар, -бізің[10] дініміз мусулмâнлық діні турур, -теб, біз тäңрікä табінур біз, қамуҕін јаратҕан тäңрі*кä*, аδін тäңрі білмäс міз,[11] теб,

---

* Ўзбек адабиёти тарихи хрестоматияси, VIII—XV асрлар, Ойбек ва П. Шамсиев тахрири остида, Тошкент, 1941, стр. 59—64.

** Н. Ф. Катанов. Татарские сказания. Там же, стр. 223 сл.

*** Такова приобретенная С. Ф. Ольденбургом в 1910 г. в Кучаре «Тазкира-и-хизрат султан асхаб-ал-кахф» — стихотворная переработка версии, близкой Рабгузи (Ркп. ИВ АН СССР за № С-562, лл. 1б сл.).

1 Так называемое «вставочное» *н* при локативных падежах после поссессивного аффикса 3-го л. характеризует язык Рабгузи XIV в. и язык более ранних памятников. Литературный язык эпохи Навои и последующего времени этой особенности не имеет.

2 Здесь, как и в аналогичных случаях, *ä* условно, возможно *е*, ибо орфография неустойчива, начальный «алиф» иногда выражает и *е*.

3 Условное *â* на месте возможного более долгого и устойчивого *а*. Конечное -ҕ в *âтліҕ* не имеет определенного морфологического значения, т. е. не связано регулярно с именами прилагательными, в отличие от существительных с конечным -қ, напр. *толуҕ* 'полный', *қат(т)іҕ* 'твердый' и *қапуҕ* 'дверь' и т. д. Встречаются случаи замещения конечных -ҕ || қ. С другой стороны, после конечных узких гласных в ряде случаев эти конечные -ҕ — -қ отсутствуют, как в туркменском и других языках, напр. *қапу* 'дверь' и т. д.

4 Эта форма исходного падежа, т. е. в письме — «алиф с нозализацией» с «тенвином фатхи», встречается у Махмуда Кашгарского XI в., в «Кутадгу билиг'е» XI в., у Рабгузи. Наряду с этим, в тефсире исходный падеж — *дін*, *-да*, реже *-дан*.

5 Наличие δ (ذ) на месте *ј* между гласными и в конце слога — черта литературного языка раннего периода. В тефсире часты колебания в письме δ || *ј*, напр. *қоδді* || *қојді*, *аδрілді* || *ајрулді* и т. д.

6 Обычно аффикс дательно-направительного падежа и после глухих и звонких согласных и после гласных с глухим қ, напр. *јäзіқа* 'в поле', *анларқа* 'им' и т. д., как это имеет место в Ташкентском списке «Кутадгу билиг» и в отличие от языка Рабгузи. В редких случаях, как здесь, аффикс -*ҕа*.

7 Конечные глухие -қ (-к) перед гласными аффиксов остаются неизменными, аффикс относительных прилагательных обычно также с глухими -қ (-к), напр. *аwwалқі* 'первый', *қолдақі* 'находящийся в руке' и т. д. Иногда исключения; условно для *қ* предусматривается возможность двоякого произношения — *к* и *г*.

8 Случаи *буδун* 'народ' и *қуδуқ* 'колодец' усложняют вопрос о произношении δ и позволяют утверждать, что мы встречаемся с орфографической традицией, известным пережитком.

9 В *аδақін* форма древнего орудивного падежа на *-ін*; ср. *унун јіҕладі* [29[б]3] 'голосом восплакал' и т. д.

10 Родительный на *-ің*, *-уң* обычно при местоимениях, в редких случаях при именах существительных.

11 Правописание причастий колеблется: *-мас*, *-маз*.

аjділар; андâƃ кім täңрі тäʻâлâ јарліқаді [18_{13}]. Анлар мусулмâнлік ƃа муқір кäлділäр äрсä, Дақјâнус мäлік анларні öлдÿржäлі қасд қілді; қатіƃ қіјін бірлä қіз-ƃаwṣ қілмâқ тілäді.

Ул елнің қазісі німа јашру мусулмâн болміш äрді.[12] Анларні тілäді кім, -öлмäсäлäр. Дақјâнус мäлік кä аjді кім, булар мір зâдäлäр [13] турурлар, âта-âна оƃлі- қізі турурлар; буларні бу сâʻäт да öлдÿрсä болмас[14] теб. Анлар кім, бу сöзні сöзлäрлäр біліксізлікін сöзлäрлäр, бір қач кÿн буларƃа замâн бергÿ[15] керäк; анлар болƃајлар кім, бу сöзлäріндін аwрä јанƃајлар, äгäр јанмасалар анда[16] кеδін қіјін ʻуқубат мäгäр қілса мäлік ерклік турур теб аjді. Дақјâнус мäлік ул ḥâкім сöзіні алді, -анлар қа уч кÿн замâн берді.

Анлар алті бâш кіші ерділäр. Бу алті кіші теріліб кäнгäшділäр қачƃінƃа, ул елдін қачіб тâƃқа јÿзлäніб бâрділар. Бір қојчі ускункä тежділäр; қојчі анлар қа аjді: сізлäр кімлäр сізлäр, қајƃару[17] барур сізлäр теб. Анлар аjділар: біз німа дініміз аδін турур, бу ел-буδунің дініні тутмас міз, біз јерні-кöкні турудачі[18] täңрікä табінур міз, бурхâнƃа табінмаз міз, емді іді äззу-джілл хошнудлікіні тілäјÿ[19] барурміз теб, аjділар. Қојчі аjді: мäнкä німа дастур берур му сізлäр, сізің бірлä барса ман; сізлäрні ул јеркä башлаƃајман кім, һеч кім äрсä білмäкäј теб, -бу тâƃ ічіндä бір öнкÿр бâр турур анка һеч кім äрсä кірумас,[20] бізкä јаƃі бöрі болса, біз қојларні анда кізлäрміз теб, аjді. Анлар аjділар; раwâ болƃај теб. Ул қојчі анлар бірлä бâрді. Ул қојчінің іті бâр äрді, іт німа бару башладі. Қојчі қа аjділар: бу ітні јандурƃіл теб, қајда äрсä бу іт ÿркäј, бізні тâпƃајлар теб. Ул ітні јандурƃалі[21] нечä сурділар урділар, ул іт німа јанмаді äрсä, бір јаƃâчқа баƃлаб урдлар. Täнрі тäʼâлâ қудраті ул іт фасіḥ тіл бірлä сöзгä кäлді, аjді, -ул täңріга кім, сізлäр бутміш турур сізлäр мäн јама бутміш (?) турурмар анжар,[22] мäні мунда

---

[12] Причастие прошедшее в тефсире на *-міш*, *-ган*, *-дук*, как и в других памятниках раннего периода. В образовании окончательных форм чаще причастие на *-міш*.

[13] Это слово В. В. Бартольд считает поздним и относит время переписки рукописи тефсира ко времени тимуридов. (Asia Major, II, Fasc. 1, 1925, стр. 125—127).

[14] Ср. примеч. 11.

[15] Форма на *-гÿ*, *ƃу* обычна в значении причастия будуще-настоящего времени и отглагольного имени. Последнее значение послужило базой образования форм с *керäк* и *ÿчÿн*.

[16] Исходный падеж, см. примеч. 4.

[17] Эта форма древнего направительного падежа на *-ƃару*, *-гäрÿ* (или *-ƃа-ру*, *-гäрÿ*) и *-ру* сохранилась не только в онареченных: *қајƃару*, *ташқару* и т. п., но и при существительных, напр. *кÿнгäрÿ* 'до наступления дня' и т. п.

[18] Форма на *-дачі* употребительна в тефсире при переводах арабских причастий действительного залога, встречается и в определительной функции. Налична у Махмуда Кашгарского, в «Кутадгу билиг'е».

[19] Старое деепричастие настоящего времени на *-у*, *-jу* обычнее встречающегося также деепричастия на *-а*. Сохранилась эта форма деепричастия у Навои как редкий архаизм.

[20] Эта форма отрицания возможности действия на *-ума-* обычна в языке раннего периода, в «Кутадгу билиг'е», Хибатул-Хакаик у Рабгузи и т. д. С. Е. Малов склонен объяснить ее из основы глагола *у-* 'мочь' и отрицания *-ма*. См.: W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 224. Скорее здесь все же можно предположить деепричастие на *-у -jу* и аффикс отрицания при глаголах *-ма*.

[21] Формы на *-ƃалі -гäлі* в двух значениях: а) деепричастие цели и б) деепричастие исходного момента.

[22] Дательно-направительный падеж с аффиксом *-кар* (-қар?) обычно только при местоимениях (*мäн*, *сäн*, *ол*, 'я', 'ты', 'он'), как это имеет место и в «Кутадгу билиг'е» и у Махмуда Кашгарского.

қоδмаңлар, елту барiңлар теб, фасiḥ тiл бiрлä сöзлäдi äрсä, 'äджäб тутдiлäр, iтнiң баҕiнi jâздiлар, елту бардiлар; öнкÿркä jÿзлäнiб бâрдiлар. Тäңрi тä 'âлâ анларнi джомäрд теб атадi тақi бiр jердä асḥâб-ал-кäḥф теб атадi, андâҕ кiм jарлiқадi [18_9].

Тäңрi тä'âлâ Iбраḥiм jалâwäчнi джомард теб атаjу jарлiқадi, iкiнч асḥâб-ал-кäḥфнi аwра jâд қiлу jарлiқадi [18_{12}]. Бу джомäрдлар ҕâрҕа jÿзлäндiлäр; jеттi бâш кiшi äрдiлäр, бiр iт, аδiн анларiң бiрлä, уларiң улуҕларiнiң атi Маскiнâ äрдi, iкiнч Махлiсâ äрдi, учунч Шалiхâ äрдi, тöртiнч Батрус äрдi, бешiнч Iамлiхâ äрдi, алтiнч Қарjâш(?) äрдi; ул қоjчi jетiнч атi Мâрс äрдi,[23] ул iтнiн атi Қiтмiр äрдi. 'Уламâлар андâҕ аjмiшлар кiм, қаjу jердä от туташса, андâҕ кiм Самарқанда jâ Бухâрада туташур äрсä Мâwäрâннäḥр нiма тушашу äрсä, -отнi очуру бiлмäсäлäр 'âджiз болсалар отнi узiтмâқ, очурмâқ ÿчÿн асḥâб-ал-кäḥф атларiнi мансурi кâҕаδ ÿзä бiтiб, ул отҕа кäмiшсä, от очкäj, тäңрi тä'âлâ кудратi бiрлä теб аjмiшлар.[24] Ул iт атiнi бу атларнi кäмiшмâклiкнi кiтâб қошҕучi мусаннiф jâд қiлмâқ wä лекiн кеδiн ал-ḥақ қiлмiшлар кiм теб бiтiлдi.

Асḥаб-ал-Кäḥф jiгiтларi бардiлар, öнкÿркä тäкдiлäр, öнкÿркä кiрдiлар. Ул [iт] тақi бiрлä кiрдi. Улар олтурдiлар, iт jâтдi, iкi қолiнi кäсÿлдi, башiнi қолi ÿзä урдi, андâҕ кiм iтлäр 'âдäтi болур. Тäңрi тä'âлâ ул iт jатмâқiнi jâд *қiлу* jарлiқадi [18_{17}]. Анлар қачтiлар äрдi, мäлiк Дақjанус jâрiнi[25] бiлдi, қачмiшларiнi iстаду[26] iδдiлäр, булмадiлар.[27] Онкÿр iчiндä jатдiлар, уδiдiлар äрсä, тäңрi тä'âлâ jарлiқадi, -анларiң джâнiнi кäтурдi. Öнкÿр iчiндä қâлдiлар. ÿч jÿз jiл тöкäл тäңрi тä'âлâ текмä кÿн iчiнда бiр фäрiштäнi iзÿ[28] jарлiқадi, анларнi бiр jâндiн бiр jâнҕа аwрур äрдi, андâҕ кiм jарлiкадi iδi тä'âлâ [18_{17}]. Кÿнiка кÿн туҕса äрдi ул öнкÿрка оң jâрудiн кÿн тÿшар äрдi, қачâн кÿн батса сол jâрдiн батар äрдi, андаҕ кiм jарлiқадi iδi тä'âлâ [18_{16}].

Уч jÿз jiл бу сiфäт ÿзä ол öнкÿрдä қâлдiлар. Дақjâнус кâфiр öлдi. Ул мäлiкäт jунâнiларадiн бâрдi, румiларҕа тÿшдi. Рум тарсаларiндiн бiр тарса кäлiб анда беклiк мäлiкäткä олтурдi. Тäңрi тä'âлâ анларiң джâнiнi jандура jарлiқадi, аwра тiрiлдiлäр. Андâҕ сақiндiлар кiм бiр кÿн болдi бу öнкÿр iчiндä тururмiз теб, андâҕ кiм тäңрi тä 'âлâ jарлiқадi [18_{18}]. Дақjâнусдiн

[23] Имена «спящих отроков», здесь приведенные, значительно расходятся с известными по Рабгузи, «Мифтâḥул-адл» и другим источникам.

[24] Ссылка на пожары в Самарканде и Бухаре лишний раз служит указанием на происхождение тефсира. Вера в чудодейственную силу имен «спящих отроков» сохранилась до нового времени. В рукописи бухарского происхождения (Ркп ИВ АН СССР, № А-811, лл. 84а—85б) особый отдел отведен описанию чудесных свойств этих имен; рекомендуется списать и носить эти имена при себе; в бою они спасают будто бы от стрел, меча и копья, способствуют удаче при тяжбах, спасают от сглаза и наговора, помогают женщинам при родах и пр.

[25] Здесь *jâр* ~ *jâрi*, ~ *jâру* (ср. ниже) 'сторона', 'направление' в самостоятельном, не служебном значении (ср.: Радлов. Словарь, III, стр. 131).

[26] Видимо случай *д* || *j* вм. *iстäjÿ*.

[27] Т. е. 'не нашли'. Этот глагол *бул-* 'находить' употребителен наряду с *тап-* в том же значении. Глагол *бул-* 'находить' встречается в языке орхонской письменности (ср.: Радлов, Словарь, IV, стр. 1834).

[28] Здесь *iзÿ* вм. *iδÿ* (*-iјÿ*).

ایدی تعالی تری الشمس اذا طلعت تزاور عن کهفهم ذات الیمین واذا غربت تقرضهم ذات الشمال اوچ یوز ییل بو صفت اوزا اول اونکورda قالدیلار دقیانوس کافر اولدی اول مملکت یونانی لاردین باردی رومی لارغا توشدی روم ترسالاریدین بیر ترسا کلیب اندا بیک لیک مملکت کا اولتوردی تنکری تعالی انلارنینک جانینی ییذ ورایرلیغادی افراتیر بیلدیلار انداغ ساقندیلارکیم بیر کون بولدی . بو اونکورا ایچیندا اتردورمیز تیب انداغ کیم تنکری تعالی خبر بیریلغادی قالوا لبثنا یوما او بعض یوم قالوا ربکم اعلم بما لبثتم دقیانوس دینی قورقار اردی لار قرین لاری نیماچی لیدیلار بیز تنکدا بیر بیز بر بیعیش کراک یرماق التسابیکو کا اش . ازوق البب کلسا تیب یملیخانی اختیار قیلدیلار ایزدیلار ایدیلار یا یملیخا ز بیهار سن اوغ برغیل سنی کافرلار بیلماسون لار تیب انداغ کیم تنکری تعالی بیریلغادی فابعثوا احدکم بورقکم هذه الی المدینة فلینظر ایها ازکی طعاما فلیاتکم برزق منه ولیتلطف ولا یشعرن بکم احدا انهم ان یظهروا علیکم یرجموکم او یعیدوکم فی ملتهم ولن تفلحوا اذا ابدا اکر بیلسالار سیزنی تاشنین سوقا اولدورکیلار یا کندو اوز کافرلیق لارینغا کیغورکای لار ایکیلا هر کیز قوتولماس سیزلار تیب ایدیلار یملیخا قایرماق بریب اول بلنکون افسوس کند سنکا بردی بیگانا کیم بردی ارسا هرکیز بیلینغ کوربستی توشنمادی اول کینغ لار برجا اذکین بولمشلار اول ایلینک ایف لاری برق لاری تورلوک تورلوک بولمش لار یملیخا اول دقیانوس ملیکدین قورقار اردی اول ایل نینک بیکی اذین کینغ بولمش اردی دقیانوس اولموش اردی کند و قبوغینغا کیردی ارسا بیراولداق کیشی لارنی کورمادی اوتماکچی کبو تینکا بردی یرماق جیقاردی بردی اوتماکچی اوتماک چکابردی اوتماکچی اول یرماقغا باقدی کوردی ارسا دقیانوس ای اوزا توقیمش اوتماکچی یملیخانی توتدی ایدی سن کیشی سن کیونک اوغلی سن قایولوغ سن تیب بویرماقنی قیدا بولدینک سن کینج بولموش ترورسن تیب یملیخا ایدی بیچ کیشی لار میز بو ایل دین دون جیقتیمز تیب اوتماکچی ایدی بو دقیانوس ملیک یرماقی ترور دقیانوس ملیک لجکالی ایکی اوچ یوز ارتوق بولموش ترور تیب یملیخا ایدی باشتش اوزیمش اردیمز بو کونکاتکی ایل بذونی بیلدیلار یملیخا خبری اول ملیک کا ایلتدیلار کیم اول ایل بیکی اردی انداغ ایدیلار کیم بیرا کو کلمش ترور موندا غ سوز سوزلار تیب ملیک یملیخانی الغالی ایدی انلارنینک قصه سینی ایدی یملیخا ایدی بیزنی باشلاریمز دقیانوس دین قچتیمز بیر تونلی کونلی بیر اونکورا ایچیندا یاتدیمز اوغلیدیمز بو کون توردیمز ارسا قولداشلاریم منی ایش اتماک الغالی ایبردیلار بو یرماقنی ایلتوبردیمز اردی تیب ملیک ایدی بو ایلدا اوزا سن ایغینکنی بیلورسن تیب جواب بردی بیلورمن تیب منیم موندا کیشیم اوغلوم قیزیم بار تیب ایدی ملیک اوچ تورت باش کیشینی بیلا ایزدی مونی ایفینکا ایلتینک لار تیب یملیخا باردی ایفینکا تکدی ارسا بیر ضبوغ توقیدی ارسا ایغدین خوجه جیقدی یملیخا ایدی انکار آتینک سی ترور اتانک آتی نی ترور تیب خوجه جواب بردی کیم تورتینج اولوغ اتام ای یملیخا اردی تیب یملیخا ایدی اولوغ اتانک یملیخا من ترور تیب کیشی لار عجب توتوب تانکلادی لار اول وقت ابو ایل بذون برجاعیسی یلاوچ دینی اوزا اردیلار اصحاب الکهف قصه سینی اینجیل ایچیندا اوقیمش اردیلار کیم اصحاب الکهف جیقغای لار دنیا ترکین یوق بولغایلار تیب اول وقت داقی ملیک کتاب خزن اردی ملیک کا درست معلوم بولدی کیم اینجیل ایچیندا یاد قیلمیش اصحاب الکهف . بو لار ترورلار تیب ملیک توردی بیرا ایچکا کیشی لار برلا یملیخانی باشلاتیب اولارنی کورکالی اونکورکا باردیلار اونکورکا یتین تکدی لار ارسا یملیخا ایدی سیزلار موندا غ یغلو بورسیزلار منینک قولداشلاریم انداغ ساقینغایلار کیم دقیانوس کلدی ارکی تیب قورقارلار سیز لارنینک اوزوا اقزوراق کلینک لار تیب من یلنکوز باریب بو قصه لارنی اولارغا ایتایین انداکیندین سیزلار کلکای سیزلار تیب انلار قورقماسون تیب ملیک کینغ لاری برلا کیدین قالدیلار یملیخا باردی اولارغا ایدی بیز کا اوچ یوز ییل ارتوقراق بولموش کیم بیز موندا ارمیش بیز دقیانوس اولمش اولدا اذین کینغ اورنا سیش سلطان نیما اوزکا بولمش ترور برجا اوزکا بینکلیغ بولموش بیز کورمیش کیشی لاردین بیر کیم ارسا یوق برجا اوموش لار اوچ تورت اوناییا اوغول لاری قیز لاری قالمش لار ایمدی بذون برجاعی اوذو کلدیلار سیزلارنی کورکالی کلدیلار تیب انلار قذغولوغ بولدیلار کوزلارنی کوککا تیکدیلار او توندی لار الهی قادیر اردینک بیزنینک جانیمزنی الدینک افراتیر کوززدونک اوچ یوز ییلدا کیدین افراجانیمزنی بردینک ایمدی بنا او زفضلینک رحمتنک برلا جانیمزنی کوزکیل رسوا قیلماغیل بیزنی تیب اوتوندی لار تنکری تعالی اول ساعت اولارنینک جانینی کلتوردی اول ملیک حیلی خشمی برلا اول اونکورقبوغینغا تکدیلار کیرکوکا یول بولمادیلار یرافدین بقارلار دیلار انلارنی کورار اردیلار تنکما باروردین نظاره قیلور

تیهاد

Лист Тефсира.

қорқар äрділäр; қарінларіні[29] німа ачті. Ајділар: біріңдä[30] біріміз барміш керäк,[31] јармâқ äлтсä, јежўкä[32] аш-азуқ аліб кäлсä теб, Іамліхâні іхтіјâр кілділар, іδділар ајділар: јâ, Іамліхâ, зінhâр сäн аδуҕ[33] барҕіл, сäні кâфірлäр білмäсўнлäр теб, äндаҕкім тäңрі тä'âлâ јарліқаді [18_{18}]. Агäр білсäлäр сäні тâшін[34] соқа öлдўржäјлäр, ја кäндў-öз[35] кâфірліқларінҕа кеwуржäјлäр; ікілä häргіз қуртулмас сізлäр теб ајділар.

Іамліхâқа јармâқ беріб ул јалнжуз Äфусус кäндінжä барді; нечä кім барді äрса häргіз біліші кöріші тўшмäді. Ул кішілäр барча оӊін болмішлар. Ул еліӊ еwлäрі-барқларі[36] тўрлўк -тўрлўк болмішлар. Іамліхâ ул Дақјâнус мäлікдін қорқар äрді. Ул елніӊ бекі аδін кіші болміш äрді. Дақјâнус öлміш äрді. Кäндў кабуҕінҕа кірді äрсä бір аwwалдақі кішілäрні кöрмаді; öтмäкчі кäбўтінжä[37] барді, јармâқ чіқарді, берді, öтмäкчі öтмäкчжä берді. Öтмäкчі ул јармâқҕа бақді, кöрді äрсä, Дақјâнус аті ўзä тоқінміш. Öтмäкчі Іамліхâні тутді, ајді, -сäн кіші сäн, кімўӊ оҕлі сäн, қајулуҕ сäн теб, бу јармâқні қајда булдіӊ. сäн гäндж булміш турурсан теб. Іамліхâ ајді бір қач кішілäр міз бу елдін дун чіқдіміз теб. Öтмäкчі ајді бу Дақјâнус мäлік јармâқі турур, Дақјâнус мäлік кечжäлі ікі-ўч јўз артуқ болмуш турур теб. Іамліхâ ајді: јâтміш узіміш[38] ердіміз бу кўнжä тäжі. Ел-буδуні терілділäр; Іамліхâ хабаріні ул мäліккä елтділäр кім, ул ел бекі ерді. Андâҕ ајділар кім, біräжў кäлміш турур, мундâҕ сöз сöзлäр теб. Мäлік Іамліхâні алҕалі іδді анларіӊ қіссасіні ајді. Іамліхâ ајді: біз јеті бâшларіміз Дақјâнусдін қачтіміз,[39] бір тўнлі-кўнлі[40] бір öнжўр ічіндä јâтдіміз, уδдіміз, бу кўн турдіміз äрсä, қолдашларім мäні аш-öтмäк алҕалі іδділäр, бу јармақні елту бардіміз äрді теб. Мäлік ајді: бу елдä ўзä сäн еwіӊні білўр сäн теб. Джаwâб берді: білўрмäн теб; мäнім мунда кішім[41] оҕлум кізім бар теб ајді.

Мäлік ўч-тöрт бâш кішіні білä[42] іδді, -муні еwінжä елтіӊлäр теб. Іамліхâ бâрді, еwінжä тäжді äрсä, бір қабуҕ тоқіді äрсä, еwдін ходжä чіқді, Іамліхâ

---

29 Винительный падеж здесь требует разъяснения, может быть и описка.

30 Исходный с *дä*, см. прим. 4.

31 Сочетание причастия на *-міш* с *керäк* отличает это причастие от причастия на *-ган* по функции.

32 Ср. примеч. 15.

33 Значение слова — 'осторожный', 'осмотрительный'. В этой связи стоит слово *іδуқ* в КБ в стихе по Ташк. Ркп. л. 43, 2: *сінаб сöзлäгўчі іδуқ қілгі öз* (по Радлову здесь *äді* вм. *іδуқ*).

34 Ср. примеч. 9.

35 Местоимение возвратное *кäндў* 'сам' часто в сочетаниях *öз-кäндў, кäндў-öз, äт-öз.*

36 Слово *барк* 'строение' известно в языке орхонской письменности (ср.: Радлов. Словарь, IV, стр. 1483).

37 Слово *кäбўт* 'лавка', 'мастерская ремесленника' — в русском 'кибитка'.

38 Ср. примеч. 28.

39 Древняя форма 1 л. мн. ч. на *-діміз, -тіміз* обычнее, нежели на *-дук (-дук)*. В современных узбекских говорах форма на *-діміз* встречается в ташкентском и каршинском говорах.

40 Редкий в памятниках древней письменности «род парного аффикса», как его назвал В. В. Радлов, «присоединяется к двум рядом стоящим словам и указывает на общность обоих слов». Повидимому аффикс *-лі -лі* рудиментарный (орудивный?, винительный времени и пространства?) падеж.

41 Здесь *кіші* 'жена', 'женщина'.

42 Значение *білä (< біллä < бірлä?)*, видимо, самостоятельное — 'вместе', 'заодно'. Но ср. выше послелог *ўзä* с предшествующим местным падежом *елдä ўзä.*

ајді ан*к*ар, -âтіҥ не турур атаҥ аті не турур теб. Ходжä джаwâб берді кім, тöртінч улуӻ атам аті Іамліхâ äрді теб. Іамліхâ ајді: улуӻ атан Іамліхâ мäн турур теб. Кішілäр 'äджäб тутуб тâҥладілар.

Ул wақтда бу ел-буδуні барча 'Ісâ јалâwач діні ӯзä äрділäр. Асḥаб-ал-кäḥф қіссäсіні інджіл ічіндä оқіміш äрділäр кім, асḥâб-ал-кäḥф чіқӻајлар, дунјâ тäркін јоқ болӻајлар теб. Ул wақтақі мäлік кітâбхон äрді. Мäліккä дуруст мä'лум болді кім інджіл ічіндä јад қілміш асḥб-ал-кäḥф болар турур лар теб. Мäлік турді, бір анча кішілäр бірлä Іамліхâні башлатіб уларні кöр*ж*äлі öн*к*ӯр*к*ä барділар; öн*к*ӯркä јақін тä*ж*ді лäр äрсä Іамліхâ ајді: сізлäр мундâӻ јаӻлу[43] барурсізлар, мäніҥ қолдашларім андâӻ.сâқінӻајлар кім, Дақјâнус кäлді, äркі теб (äркітіб) қорқарлар. Сізлäр мäніҥ узу ақрурâқ[44] кäліҥлäр теб; мäн јалн*к*уз бâріб бу қіссäларні уларқа аітајін, анда кеδін сізлäр кäл*к*äсізлäр теб, — анлар қорқмасун теб.

Мäлік кішілäрі бірдä кеδін қâлділар. Іамліхâ барді, уларқа ајді: біз*к*ä ӯч јӯз јіл артуқрâқ болмуш кім, бір (біз) мунда äрмішміз, [45]Дақјâнус öлміш, улда аδін кіші орнаміш, султâн німа öз*к*ä болміш турур, барча öз*к*ä јаҥліӻ болмуш, біз кöрміш кішілäрдін бір кім äрсä јоқ, барча öлмӯшлäр ӯч-тöрт ö ä јама оӻуллару қізларі қâлміш лар; емді буδуні барча мäні уδу кäлділäр, сізлäрні кöр*ж*äлі кäлділäр теб. Анлар қаδӻулуӻ болділар, кöзлäріні кöккä текділäр, öтӯнділäр: âллаḥі қадір äрдіҥ, бізіҥ джâнімізні алдіҥ аwрä тір*к*ӯздӯҥ, ӯч јӯз јілда кеδін аwра джâнімізні бäрдіҥ, емді јана öз фä'ліҥ- рäḥмäтіҥ бірлä джâнімізні кäтӯр*ж*іл, рäсwâ қілмаӻіл бізні теб, öтӯнділäр.

Тäҥрі тä'âлâ ул сâ'äт уларіҥ джâніні кäтӯрді. Ул мäлік хејлі-хашімі бірлä ул öн*к*ӯр қабуӻінӻа тебділäр; кір*ж*ӯ*к*ä јол булмаділар, јарâқдін бақар äрділäр, анларі кöрäр äрділäр; те*ж*мä јâрудін назâрä қілур äрділäр. Ул бір јâруқідін бақучілар қа ӯчäкӯ кöрінді, іт бірлä. Ајділар кім, -ӯчä*к*ӯ турурлар; бірі іт бірлä тöртінч теб. Бірâнчаларі ајділар кім, -бешä*к*ӯ турур, алтінч іт бірлä. Ба'зі ајділар кім, -јеті турур лäр, сäкізінч ітларі турур теб, іхтілâф кілділар, андâӻ кім Тäҥрі тä'âлâ јарліқаді [18_{21}].

Ул ӻар қабуӻінӻа кäлміш кішілäр ікі гуруḥі äрділäр; бірі 'Ісâ јалâwач діні ӯзä мусулмâн ёрділäр, тақі бір гуруḥі кâфір äрділäр, Дақјâнус кішілäрі äрділäр. Білділäр кім, асḥâб-ал-кäḥф кішілäрі öлмӯшӯні, ул öн*к*ӯр қабуӻіні саwаділар. Ул гуруḥ јунâнілар кâфірлäр äрділäр. Ајділар кім, -булар бізіҥ кішіміз турур, біздін қачтілар. Ул гуруḥлар кім, 'Ісâ јалâwач діні ӯзä äрділäр, улар ајділар: бізіҥ дініміз ӯзä тäҥрі*к*ä саӻініӻлі[46] äрділäр теб. Бу ікі гуруḥніҥ сöзлäрі азӻішті, іш тоқушқа те*ж*ді. Тоқушділар. Тäлім[47] кішілäр öлді, тäлім қâн тöкӯлді. Ул кішілäр кім, 'Ісâ јалâwач діні ӯзä äрділäр, анлар ӻâліб болділар; öн*к*ӯр қабуӻін анлар беркläділäр. Анда бір мäз*к*іт

---

[43] Из *јақ* — *јаӻ* 'сторона', т. е. 'близко', 'рядом'; соотносится с *јаӻук*, *јақін*; ср. **прим**еч. 40.

[44] Из *ақру* 'тихо', более позднее *акрін*.

[45] Глагол *ер-* 'быть' сохранил в тефсире свое самостоятельное значение.

[46] Причастие второе настоящее на *-ӻлі*, *-глі* возможно в определительной функции и в значении существительного. Встречается в памятниках XI—XIV вв.

[47] «Много» (ср.: Радлов. Словарь, III, стр. 1085).

қобарділар, ṣawма' äлар турҕуздiлар. Кім äрсäніӊ бір ḥâдäті болса анда бâріб намâз қілур äрді, ḥâджäт қолар[48] äрділäр; ул сâ'äтда ḥâджäтлäрі раwâ болур äрді. Бір анчалар аjмішлар кім, 'Ісâ jалâwач ешлäрі[49] ḥawwaрijінлардін äрділäр. Біраку ул jердä тÿшміш, бір қач рузгâр анда турміш; андақі кішілäр аніӊдін 'äджâіблар кöрмішлäр.

Бу алті бâш кішілäр меhтäрзâдäлар äрмішлäр, 'Ісâ jалâwач дінін тутмішлар, мусулмâн болмішлар, інджіл оқімішлар, тäӊрі тä'jâлâқа бутмішлар, анда кеҕін Дақjâнус мäлікдін қачмішлар теб, ул öнкÿркä кірмішлäр, анда қâлмішлар, қіjâмäтҕа тäкі чіқмаслар теб. Бу äрді асḥâб-ал-кähф қіссäсі; jâд қілдіміз.[50]

---

[48] Глагол *қол-* 'просить' (ср.: Радлов. Словарь, II, стр. 585), встречается у Навои.

[49] Слово *еш* 'спутник', 'товарищ' (ср.: Радлов. Словарь. I, стр. 902) сохранилось в современном узбекском карабулакском говоре, где *еші* — подруга-сверстница (К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. Сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 422, примеч. 1).

[50] О некоторых подробностях по поводу языка тефсира см.: А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка. Изв. ОЛиЯ, VIII, январь—февраль, 1949, стр. 67 сл. 67; А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II, Сб. «Советского востоковедение», VI, М. — Л., 1949, стр. 24 сл.

Н. С. Григорьев

О ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЫПАДЕНИЯ КОНЕЧНОГО-*й* В ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Выпадение конечного *-й* в глагольных основах впервые было отмечено акад. О. Н. Бётлингком в его знаменитом труде о якутском языке.[1]

Акад. О. Н. Бётлингк указал, что в глагольных основах с двумя и более слогами *-й* выпадает при образовании возвратного залога посредством аффикса *-н* (стр. 287), что при наращении аффикса страдательного залога *-лын* без вспомогательного узкого гласного конечный *-й* выпадает (стр. 288), что конечный *-й* выпадает и при наращении аффикса понудительного залога *-т* (стр. 289).

Эти же положения акад. О. Н. Бётлингка были изложены С. В. Ястремским в его грамматике якутского языка.[2]

Акад. О. Н. Бётлингк, очень удачно подметив отдельные случаи выпадения конечного *-й* в глагольных основах, не сделал обобщения, видимо не располагая необходимым материалом и сведущим информатором.

Закономерность выпадения конечного *-й* в глагольных основах была отмечена впервые мною в учебной грамматике якутского языка.[3]

Однако до сего времени положения этой закономерности не нашли еще полного и точного применения в практике школы и научной работы.

В учебнике якутского языка для VI классов[4] и в пособии по курсу якутского современного языка для студентов пединститутов, составленных доц. Л. Н. Харитоновым, утверждается, что «конечный *-й* часто выпадает перед аффиксом, начинающимся с согласного».[5]

Как увидим ниже, такое утверждение не точно.

Конечный *-й* выпадает не «часто», а в определенных условиях выпадает, как правило.

---

[1] Otto Böhtlingk. Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den aussersten norden und osten Sibiriens. Band III. Über die Sprache der Jakuten. СПб., стр. 144, 193, 287 и др.

[2] С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 12, 29, 98 и др.

[3] M. I. Kirgielejep. Saqa tılın kıramaatıkata. Учпедгиз, М., 1938, стр. 117.

[4] Л. Н. Харитонов. Саха тылын грамматиката. Морфология. Якгиз, Якутск, 1942, стр. 17.

[5] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Часть первая. Фонетика и морфология. Якутское Гос. изд., Якутск, 1947, стр. 79.

Каковы же эти условия?

В односложных глагольных основах с конечным -*й*, если гласный — краткий, -*й* никогда не выпадает.

Примеры:

той 'колоть (сахар)' — *тойун* 'колоть (сахар) себе';
сой 'остыть' — *сойут* 'дать остыть';
кэй 'бодать' — *кэйис* 'бодаться';
тэй 'отскочить' — *тэйит* 'заставить отскочить';
ый 'указать' — *ыйылын* 'быть указанным'.

Конечный -*й* в односложных глагольных основах выпадает только в тех случаях, когда гласный основы — долгий или дифтонг.

Примеры:

баай 'привязывать' — *баас* 'привязывать с кем-нибудь';
таай 'гадать' — *таас* 'отгадать с кем-нибудь';
тиэй 'возить' — *тиэн* 'возить себе';
кыай 'осилить' — *кыаллар улэ* 'осиливаемая работа'.

Конечный -*й* выпадает и в тех случаях, когда глагольная основа состоит из двух и более слогов, причем независимо от того, какие гласные входят в эти слоги.

Примеры:

суруй 'писать' — *сурук* 'письмо';
харай 'призреть' — *харас* 'помочь, призреть';
халтырый 'поскользнуться' — *халтырыт* 'заставить поскользнуться';
былтарый 'сойти', 'уступить дорогу' — *былтарыт* 'заставить сойти с дороги';
ботугунай 'шептать' — *ботугунас* 'шептаться';
ыарый 'болеть' — *ыарыт* 'заставить болеть';
таарый 'коснуться' — *таарыт* 'дать коснуться'.

Таким образом, мы установили признаки глагольных основ, у которых выпадает конечный -*й* — долгий гласный или дифтонг в односложных основах или многосложность основы. Значит, выпадение конечного -*й* зависит от состава глагольной основы.

Теперь рассмотрим другой вопрос: зависит ли выпадение конечного -*й* от аффикса?

Л. Н. Харитонов пишет, что конечный -*й* «выпадает перед аффиксом, начинающимся с согласного».[1]

Такое утверждение не совсем точно.

Во-первых, конечный -*й* выпадает при наращении не любого аффикса, а аффикса, образующего новую основу, как глагольную, так и именную.

---

[1] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, стр. 79.

Примеры:

буой 'унимать', 'запрещать' — *буот* 'заставить унять' — *буом*[1] 'преграда', 'препятствие';

суруй 'писать' — *сурут* 'заставить писать' — *сурук* 'письмо';

таһый 'пороть' — *таһын* 'пороть себя' — *таһыыр* 'порка';

эргий 'кружиться' — *эргит* 'кружить' — *эргиммэ* 'круг', 'радиус действия'.

При наращении же аффикса, не образующего новой основы, конечный -*й* не выпадает: *суруйбут* 'он написал' — *суруйдум* 'я написал' — *суруйбат* 'не пишет' и т. п.

Во-вторых, конечный -*й* выпадает при наращении аффикса, состоящего из одного согласного или замкнутого слога.[2]

В приведенных выше примерах все аффиксы, при наращении которых выпадает конечный -*й*, состоят из одного согласного или замкнутого слога, например: *суруй* + *н* = *сурун* 'написать себе', *суруй* + *к* = *сурук* 'письмо', *суруй* + *лун* = *сурулун* 'быть записанным'.

В тех случаях, когда аффикс, образующий новую основу, начинается с гласного или состоит из одного гласного, конечный -*й* сохраняется, например: *суруй* + *аачы* = *суруйаачы* 'писатель', *суруй* + *уу* = *суруйуу* 'писание'.

Таким образом, выпадение конечного -*й* обусловливается не только составом глагольной основы, но и составом и функцией аффикса.

Теперь рассмотрим те случаи, которые кажутся на первый взгляд нарушающими стройность наших выводов о закономерности сохранения или выпадения конечного -*й*. К таким случаям можно отнести такое явление, когда конечный -*й* выпадает при наращении аффикса, состоящего из открытого слога.

Примеры:

тэрий + *лтэ* = *тэрилтэ* 'организация',
харай + *лта* = *харалта* 'забота', 'призрение',
салай + *лта* = *салалта* 'руководство';

или:

кыһый + *лҕа* = *кыһалҕа* 'нужда',
дьулуй + *рҕа* = *дьулурҕа* 'скряга' (Сунтарский район);

или:

эргий + *мтэ* = *эргимтэ* 'круг', 'радиус действия',
төгүрүй + *мтэ* = *төгүрүмтэ* 'обход'.

В якутском языке имеется аффикс -*л*, образующий отглагольные именные основы.

---

[1] Э. К. Пекарский в своем известном «Словаре якутского языка» не указывает производность этой основы (Словарь якутского языка, вып. П. ИАН, 1909, стлб. 558).

[2] Замкнутый слог не следует смешивать с закрытым слогом. «Замкнутым слогом» мы называем такой слог, который замкнут с обеих сторон согласными.

Примеры:

таптаа + *л* = *таптал* 'любить — любовь';
кэпсээ + *л* = *кэпсэл* 'рассказывать — рассказ';
хайҕаа + *л* = *хайҕал* 'хвалить — похвала';
хотой + *л* = *хотол* 'выгибаться — лощина';
куттаа + *л* = *куттал* 'пугать — страх'.

В слове *күлүм* 'улыбка' выделяется аффикс -*м* со вспомогательным узким гласным.[1]

Эти аффиксы -*л* и -*м* дают нам возможность предположить, что аффиксы -*лта*, -*лҕа*, -*мта* состоят из двух аффиксов: *л* + *та*, *л* + *ҕа*, *м* + *та*.

Отсюда становится ясным выпадение конечного -*й* при наращении первых аффиксов -*л*, -*м*, состоящих из одного согласного, а наращение вторых аффиксов, состоящих из открытого слога, вероятно произошло впоследствии, что не могло иметь влияния на судьбу конечного -*й*.

Аффикс -*рҕа* в производной основе *дьулурҕа* также может быть разложен на два аффикса -*р* + *ҕа*, как в аффиксе -*л* + *ҕа* (*кыһалҕа*); причём -*р* можно рассматривать как случай диссимиляции: *дьулурҕа* < *дьулулҕа*. Не исключена и другая возможность, при которой -*р* мог быть омертвевшим аффиксом отглагольной именной основы, вернее — отглагольной основы прилагательного, субстантивированного впоследствии.[2]

Обе возможности не нарушают нашей закономерности выпадения конечного -*й*: в обоих случаях -*р* является самостоятельным аффиксом, вызывающим выпадение конечного -*й*.

Другим случаем, не укладывающимся в нашу схему закономерности выпадения конечного -*й*, является выпадение при наращении аффикса, начинающегося долгим гласным.

Примеры:

тулуй 'терпеть' — *тулуур* 'терпение',
холуй 'сравнить' — *холуур* 'сравнение' (ср. *холобур* 'пример'),
ыарый 'болеть' — *ыарыы* 'болезнь'.

Однако при тщательном рассмотрении и здесь мы имеем кажущееся нарушение нашей закономерности. В действительности этого нарушения нет. Дело в том, что в якутском языке выпадение согласного (обычно *б* и *ҕ*) вызывает долготу гласного, например: *сыынньах* < *сыгыынньах* 'голый', *ууруу* 'целовать' < *угураа* или *убураа*, *көөртүм* < *көрбүтүм* 'я смотрел'.

Кроме того, аффикс якутского языка, состоящий из долгого гласного, соответствует древнетюркскому аффиксу, состоящему из согласного.

---

[1] См.: Словарь якутского языка Пекарского, вып. V, стлб. 1292.
[2] Ср. *токуй* + *р* = *токур* 'согнуться — согнутый, кривой'.

Примеры:[1]

jadaγ 'пеший', 'пешком' — *сатыы*,
salγγ 'подать' — *ылыы* ('взятие'),
tumluγ 'холод' *тымныы*,
turuγ стоянка', 'место жительства' — *туруу* ('стояние'),
čärig 'войско' — *сэрии*,
bilig 'знание', 'наука' — *билии*.

Отсюда можно сделать заключение, что за долгим гласным аффикса скрывается согласный, бытовавший в якутском языке в прошлом, под влиянием этого согласного произошло закономерное выпадение конечного *-й*.

Наконец, необходимо отметить одно явление, которое надо рассматривать как исключение. Однако это исключение оправдано и проявляется закономерно. Мы имеем в виду случаи сохранения конечного *-й*, когда следовало ожидать его выпадения. Сохранение конечного *-й* оправдано и обусловлено необходимостью избежать омонимии, например: *сыйыллар* 'вычесывается' вместо ожидаемого *сыыллар*, омонимичного *сыыллар* 'ползет'; *баайыллар* 'привязывается', 'завязывается' вместо *бааллар*, омонимичного *баалгар* 'привязывается', 'пристает'; *сытыйыы* 'гниение' вместо *сытыы*, омонимичного *сытыы* 'лежание' или 'острый'.

Другие же случаи не оправданного вышеуказанными условиями сохранения конечного *-й* должны быть рассматриваемы как ошибки по аналогии.

Итак, сохранение или выпадение конечного *-й* в глагольных основах происходит при определенных условиях и закономерно. Установление этой закономерности имеет большое значение для морфологического анализа основ и аффиксов, также и для научного обоснования соответствующих моментов орфографии.

---

[1] Примеры взяты из работы С. Е. Малова «Образцы древнетурецкой письменности с предисловием и словарем» (изд. Вост. фак. САГУ, Ташкент, 1926).

В. Г. Егоров

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГРАММАТИКА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА 1769 г.

(К 180-летию со дня выхода в свет)

В XVI в. чуваши вместе с другими народностями Поволжья вступили в состав Русского государства. Царское правительство с целью воспитания всех этих народов в нужном ему духе открывало у них школы, хотя и в весьма незначительном количестве; старалось насаждать среди них христианство и переводить на их языки книги религиозно-нравственного содержания. В Казани и в Нижнем-Новгороде (ныне г. Горький) в духовных учебных заведениях преподавались и «инородческие» языки, как называли тогда языки мелких народностей, и дети «инородцев» свободно принимались в эти школы. С XVIII в., по открытии Академии Наук, обращается серьезное внимание на изучение языка и быта народностей Поволжья. Членам ученых экспедиций, которые предпринимались во главе с академиками, предписывалось «всех чюжих языков пробы собирать» (Материалы по истории Академии Наук, II, 407). Екатерина II, которая еще будучи великой княгиней носилась с идеей сравнительного словаря всех языков и наречий земного шара, весьма поощрительно относилась к собиранию лексического и грамматического материала по «инородческим» языкам.

И первая чувашская грамматика, появившаяся в царствование Екатерины II, вызвана была к жизни, с одной стороны, для удовлетворения потребностей более подробного ознакомления с «инородцами» России, а с другой — для удовлетворения практических нужд сельского духовенства — хорошо изучить язык своей паствы для усиления продуктивности миссионерской деятельности среди нее.

В предисловии к самой книге о задачах и значении ее говорится так:

«Когда многие для разных причин желают знать языки не только ближних, но и отдаленных, не только нынешних, но и прежде бывших народов, то кольми паче надлежит нам стараться довольно узнать языки тех народов, которые между нами внутри пределов единого отечества обитают и составляют часть общества нашего. Не одно нас любопытство,

но и польза к тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто с ними обращается. Сочинитель книги сея похвалу заслуживает тем больше, что он первый подает пример. Нет сомнения, что и другие ему станут в сем деле последовать. Желающим труд сей на себя принять предлежит пространное поле, так сказать, никем от века еще неоранное. Есть ли же бы никакой другой оттуда пользы мы не могли ожидать, то не довольно ли и той одной только, чтобы сим способом показать им и вперить в них мысли, что они суть члены тела нашего, что они наши сограждане и что мы их инако и не почитаем. Начало часто подвержено недостаткам; однако при сем нет той опасности, чтобы оные со временем не были исправлены без всякого ущерба. Желать остается, чтобы достигли мы в сем через сие до того совершенства, которое потребуется от людей благоразумных при начинании всякого труда».

Указанная чувашская грамматика появилась под заглавием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (69 стр., in 4°). Грамматика эта опубликована была без указания фамилии автора, без обозначения места и времени печатания. Относительно места и времени издания этой книги можно уверенно сказать, что она напечатана в Москве, в Синодальной типографии, в 1769 г. Именно в этом году в газете «Петербургские Ведомости» (№ 41 от 22 мая) помещено было объявление о выходе этой книги из печати и поступлении ее в продажу. Объявлялось, что она в Петербурге продается в книжной лавке Академии Наук по 20 к. за экземпляр.

Эта же самая грамматика в 1775 г. Академией Наук без всяких изменений перепечатана была в Петербурге одновременно с грамматиками черемисского и вотского языков. Последним присвоено было аналогичное же заглавие: «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского (вотского) языка». Как в чувашской, так и в черемисской и вотской грамматиках авторы не указаны, и до настоящего времени не удается их установить. В некоторых библиографических указателях составление этих трех грамматик приписывается архиепископу казанскому Вениамину Пуцеку-Григоровичу, который в миссионерских целях будто бы действительно изучал «инородческие» языки своей епархии. Некоторое подтверждение этому предположению стараются найти еще в том, что автор в чувашской грамматике применяет латинскую букву *g* для обозначения звонкого заднеязычного взрывного звука *г*. Русская буква *г* для него как для украинца была знаком звонкого заднеязычного спиранта.

Мы имели случай подробно рассматривать все три грамматики и ни в коем случае не можем согласиться приписать их одному автору. Хотя они составлены приблизительно по одному типу, но грамматика чувашского языка значительно отличается от двух других грамматик. Например, в последних подробно трактуется об аффиксах принадлежности существительных и приводится множество примеров на них, а в чувашской грамматике об этих аффиксах совсем не упоминается. Различаются эти грамма-

тики и во многих других отношениях. Помимо того, трудно согласиться, чтобы Пуцек-Григорович в короткий срок смог в совершенстве изучить эти разноструктурные языки (тюркской и финской групп), а потому и в биографических сведениях о нем нигде не упоминается ни о составлении, ни о редактировании им этих грамматик. Вполне возможно допустить, что грамматики эти составлены были в Казани духовными лицами Казанской епархии по предложению и настоянию архиепископа Вениамина Пуцека-Григоровича, который, действительно, из всех архипастырей казанских резко выделялся своей пастырской ревностью и усердием. Повидимому, он же снабдил грамматики и указанным выше предисловием.

Об авторе первой чувашской грамматики можно сказать еще следующее. Казанская писательница Александра Фукс в своей книге «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии 1840», упомянув в числе литературы по чувашскому языку грамматику 1769 г., замечает: «Такая же грамматика в рукописи имеется у протоиерея Талиева в Казани» (стр. 136). По всей вероятности, это тот самый Петр Талиев, который в 1780-х годах, будучи учителем поэзии в Нижегородской духовной семинарии, принимал активное участие в переводах церковных книг на чувашский язык. Интересно было бы выяснить, не представляет ли собою талиевская рукопись оригинал чувашской грамматики 1769 г., не является ли Талиев автором этой грамматики, или же он сам списал ее с печатного издания, когда последнее сделалось библиографической редкостью.

В построении грамматики автор «Сочинения» находится в большой зависимости от грамматик классических языков. По примеру последних, и в чувашском языке он устанавливает восемь частей речи, в силу чего вынужден был совсем выпустить союз. Исходя, повидимому, из норм латинского языка, пять падежей латинской грамматики он целиком переносит в чувашскую грамматику. Падежи эти: именительный, родительный, дательный, винительный и относительный. «Относительным» он называет нынешний творительный падеж. Сначала мы, будучи уверены в том, что автор строит чувашскую грамматику по образцу русской, долго недоумевали, почему творительный падеж назван им «относительным», тем более, что в «Российской грамматике» Ломоносова, выпущенной за 12 лет до нашей грамматики, уже имеется творительный падеж. Только уже позднее, по тщательном ознакомлении с этим памятником, мы сообразили, что относительный падеж представляет собою буквальный перевод названия латинского «casus ablativus», хотя последний только в отдельных случаях, а именно при обозначении им орудия, посредством которого совершается действие (ablativus instrumentalis), приближается к чувашскому творительному падежу. Casus ablativus латинского языка в основных же своих функциях соответствует чувашскому исходному и местному падежам, о существовании которых автор «Сочинения», повидимому, и не подозре-

вал.[1] Последние открыты и описаны были в чувашском языке только через 100 лет после него Н. И. Золотницким.

Влияние грамматики классических языков на нашего автора проявляется также и в том, что он за начальную форму чувашских глаголов принимает первое лицо единственного числа настоящего времени и все глаголы приводит в этой форме. Например: *твадап* 'созидаю', 'делаю', *каладап* 'сказываю', *хирхенедап* 'жалею' и т. д. Далее, из латинского алфавита автор заимствовал букву *g* для обозначения заднеязычного взрывного *г*.

Рассматриваемая грамматика содержит в себе одну только морфологию, фонетики же и синтаксиса она совсем не затрагивает. В области существительных автор различает в чувашском языке два склонения: первое и второе.

К первому он относит твердый вариант склонения существительных. Например:

Единственное число	Множественное число
И. *сирла*	*сирла зам*
Р. *сирланын*	*сирла замын*
Д. *сирлана*	*сирла зама*
В. *сирлана*	*сирла зама*
О. *сирла ба*	*сирла зам ба.*

Ко второму склонению автор относит мягкий вариант склонения. Например:

Единственное число	Множественное число
И. *пить*	*пить сем*
Р. *пидень*	*пить семын*
Д. *пидя*	*пить семя* и т. д.

Относительно имен прилагательных автор заявляет, что «имена прилагательные в чувашском языке в числе наречий считаются, родов и чисел не имеют и через падежи не склоняются» (стр. 35). В разделе прилагательных у автора можно заметить одну особенность. Он, повидимому в целях приближения чувашских прилагательных к русским, некоторые из них употребляет с окончанием русских прилагательных мужского рода. Таких слов у него семь: *мамыклый* 'пуховый', *сьонатлый* 'крылатый', *пирълый* 'полотняный', *вилимлый* 'смертный', *кашкырлый* 'волчий', *тиллий* 'лисий' и *сюллий* 'высокий'. Эту особенность мы отмечаем потому только, что она в рукописи анонимного «Словаря чувашского языка», написанной, повидимому, немного позднее «Сочинения», уже возводится в систему, и чуть не все прилагательные и числительные порядковые даются автором с указанным русским окончанием: *кубыклый*, *выхытрый*, *холарый*, *кильдий*, *дватагий*, *биликгий*, *вонаший* и т. д.

[1] Он принимал их за сочетание имени с предлогом(послелогом).

Для имен числительных количественных и порядковых наш автор дает одну и ту же форму.

Например:

перь, пря	'один', 'первый'
икке	'два', 'второй'
висьсе	'три', 'третий'
тватта	'четыре', 'четвертый' и т. д.

В спряжении глаголов отмечаются и утвердительные и отрицательные формы, правильно производятся глагольные формы изъявительного и повелительного наклонений. С сослагательным наклонением, однако, автор не мог справиться, — за сослагательное наклонение он выдает формы прошедшего предварительного действия изъявительного наклонения: *Абъ казярзаттым, ась казярзаттын, выл казярзатче* и т. д. вместо *казярыттым, казярыттын* и т. д. Причастие прошедшего времени производится неправильно: *хушу казярче*, вместо *казярны*. Имеются в книге и другие неточности.

В первой чувашской грамматике довольно богато представлена и лексика чувашского языка. Она вкраплена в разные разделы морфологии. Например, на имя существительное приводится до 700 слов (стр. 13—34), на прилагательное — 140 (стр. 35—39), на глаголы — около 350 (стр. 52—62), на наречия — 135 слов (стр. 62—66) и т. д. В передаче слов замечаются некоторые неточности и ошибки. Объясняются они тем, что автор, по всей вероятности, не был из природных чуваш, в основу чувашской письменности положил русский алфавит без всяких изменений, без применения диакритических значков. Из-за этого в иных случаях страдает у него точная передача чувашских звуков, особенно редуцированных гласных *ă, ĕ*. Последние в разных фонетических положениях передаются различными буквами. Например, звук *а* обозначается то буквой *а* без ударения: *вонна* вместо *воннă* 'десять', *арам* вместо *арăм* 'жена', 'женщина', то буквой *ы*: *хыюлы* вместо *хăюллă* 'смелый', то буквой *у*: *кубук* вместо *капак* 'пена', то буквой *ѣ* (после *ч*): *каччѣ* вместо *каччă* 'жених', то оставляется он без всякого обозначения: *квак* вместо *кăвак* 'синий', а сочетание *йă* обозначается буквой *и*: *лаих* вместо *лайах* 'хороший', *каик* вместо *кайак* 'птица' и т. д. То же самое мы наблюдаем и в обозначении редуцированного звука *ĕ*, он тоже передается пятью-шестью способами. Часто одни и те же редуцированные звуки *ă* и *ĕ* в одних и тех же словах передаются различными буквами. Например: ува вместо *ăвă* 'трут', *увыс* вместо *ăвăс* 'осина', 'воск', *либешь* вместо *лĕпĕш* 'бабочка', *чибе* вместо *чĕпĕ* 'цыпленок' и т. д.

К фонетическим неточностям присоединяются и лексические неточности и ошибки: некоторые слова автор передает неправильно или смешивает их с другими. Например: *ылганадап* 'завидую' вместо 'проклинаю', *ширшладап*

'воняю', 'смержу' вместо 'нюхаю', *хытланадап* вместо *хыдадап* 'твердею', *самар, мундар* 'жир' вместо 'тучный', 'жирный', *иорла* вместо *иора* 'песня', *сысна ашши* 'боров', *курка ашши* 'индюк', но *кошакази* 'кот' и т. д.

Особенно сильно затрудняют нашего автора слова отвлеченные,— они передаются им только приблизительно, с отдаленным намеком на истинное значение слова. Например: *хурамас* 'безопасный', букв. 'не боится', *буй* 'богатство', букв. 'богатей', *херле* 'красота', букв. 'красный', *тохатма* 'вред', 'порча', букв. 'напустить порчу' и т. д. В иных случаях автор прибегает к чисто искусственным приемам словообразования. Например: *хибер* 'радость', *порныль* 'обыватель', *сяварзяхона* 'свод', букв. 'округлив положил', *сиратхон* 'чернильница', и т. д.

Интересно было бы определить, какой чувашский диалект лег в основу настоящей грамматики. По некоторым особенностям слов можно полагать, что в ней отражается главным образом говор Красночетаевского района Чувашской республики (по современному административному делению). Например, здесь встречаются слова: *майря* 'русская женщина', *мыряга* 'стручок ореховый' ('рожки'), *кайрян* 'после', *пыде* 'вошь', *пайдях* 'довольно', *каляк* 'мешалка', *юлан* 'всадник', *хынтла* 'клоп', *сябази* 'цеп', *лянгас* 'ведерко' и др. Но, с другой стороны, параллельно с этими словами мы здесь находим в незначительном количестве чисто низовые слова: *сярзи* 'воробей', *игыт* 'молодец', *кюрюш* 'сосед', *улава сюрядап* 'извозничаю' и др. В пользу красночетаевского говора данного памятника говорит также и то, что числительные количественные и порядковые имеют здесь одну общую форму. Повидимому, грамматика эта написана была уроженцем Красночетаевского района, но для печати редактировал ее и внес свои поправки и дополнения кто-нибудь из низовых.

Первая грамматика чувашского языка, несмотря на ряд отмеченных недостатков, несмотря на то, что сами чуваши, кроме нескольких духовных лиц, почти не пользовались ею в свое время, имела все же весьма большое историческое значение. Как в истории разработки чувашского языка, так и в истории чувашской лексикографии она занимает довольно видное место. Грамматика эта послужила образцом для последующих грамматик чувашского языка. Например, появившееся через 67 лет после издания «Сочинения» «Начертание правил чувашского языка» Вишневского, которое можно назвать «второй печатной грамматикой чувашского языка», в изложении грамматического материала всецело следует данной грамматике. Даже для склонения и спряжения автор берет те же слова, какие даны в этой книге. Например: *сирла, сирланын, сирлана* и т. д. В качестве нового материала у Вишневского мы находим только раздел «Слова, сходные в чувашском, татарском и черемисском языках» (стр. 217—246) и краткие сведения из синтаксиса (стр. 61—67). Лексический материал чувашского языка Вишневский значительно увеличил и дал в приложении в виде довольно объемистого «Чувашско-русского словаря», содержащего до 3000 слов (стр. 69—216).

Весьма ценен рассматриваемый памятник чувашского языка и тем, что здесь сохранились старинные чувашские слова, ныне вышедшие из употребления. Из грамматики видно, что в XVIII в. у нас свободно бытовали слова: *сян* 'тело' (ср. *çанçурăм*, диал. *касан*), *сьуксью* 'порука' (ср. *çак* 'ноша', 'тяжесть'), *хось* 'крест' (ср. перс. *кач*), *хрень* 'коршун', *халанадап* 'дивлюсь', *хердне* 'край', *кюнделенъ* 'свидетель', *кютчек* 'подушечка', *томга* 'пошлина', *тоб* 'мяч', *адал иты* 'мартышка' (птица), *вирим холы* 'ива', 'верба', *витрин турры* 'чиж', *куртырмач* 'кружок', *валем* 'часть' и др.

Ценность данного памятника можно видеть и в том, что он дает нам некоторые указания, хотя и очень скромные, о влиянии русской передовой культуры на чуваш, о постепенном проникновении ее в чувашский быт. Чуваши стали осваивать культурно-технические достижения русского народа с момента вступления своего в состав Московского государства. Однако в первое время сближение чуваш с русскими происходило очень медленно. Позднее же массовое участие чуваш в восстании трудовых масс русского народа под руководством Степана Разина, а немного раньше (в 1612 г.) участие их в ополчении Минина и Пожарского, а также широкое привлечение чуваш Петром I к лашманной повинности и пр., сильно способствовали более тесному сближению чуваш с русским крестьянством, что частично отражается и в нашем памятнике. Здесь мы находим до 25—30 русских слов, окончательно освоенных чувашами. Сюда относятся слова: *сога* (*г* фрикативное) 'соха', *вĕлле* 'улей', *преня* 'бревно', *пичка* 'бочка', *квас черязĕ* 'квашня', *кĭленчĕ* 'скляница', *матча* 'матица', 'потолок', *сипка* 'зыбка', *соландча* 'солоница', *тенге* 'серебряная монета', *апат* 'обед', *ыраж* 'рожь', *салат* 'солод' и т. д. В других рукописных памятниках XVIII в. имеется свыше сотни слов, заимствованных чувашами от русских вместе с обозначаемыми ими предметами хозяйственного обихода. Если сюда прибавить и производные от них слова, то это уже составит значительный лексический фонд чувашского языка, обязанный культурному влиянию русских.

Значение этой грамматики весьма велико и в том отношении, что она в свое время напомнила ученому миру о существовании чувашского языка и познакомила его с грамматическим строем этого языка. В свое время с нею считались и свои русские и западноевропейские ученые, как лингвисты, так и историки. Историческое значение этой грамматики превосходно охарактеризовал тотчас по выходе ее, а именно в 1770 г., московский корреспондент в немецком журнале «Töttingische Anzeigen von Gelehrten Sachen» (I, 419—420). Анонимный рецензент очень сожалеет, что «автор этой книги не настоящий лингвист», но все же отмечает далее: «работа его достойна серьезного внимания ученых: во-первых, она знакомит с мало известным доселе языком, а во-вторых, при помощи ее можно исправить общепринятую классификацию народов, по которой чуваш причисляли к финским народам, тогда как из грамматики ясно, что они по

языку настоящие татары с небольшими только диалектическими особенностями в языке. Почти все приводимые автором чувашские слова чисто татарские; они отличаются от соответствующих татарских только незначительными фонетическими особенностями» и т. д.

Точно так же и историк Шлёцер в 1771 г. в своем «Allgemeine Nordische Geschichte» пишет, что он раньше был уверен в финском происхождении чувашского языка, но когда познакомился с книгой «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», окончательно убедился в том, что чувашский язык представляет одно из татарских, а не финских наречий (стр. 305). Действительно, Шлёцер в своей книге «Probe Russischer Annalen», написанной за год до появления нашей грамматики, проводит теорию финского происхождения чувашского языка. Также и Гюнтер Валь в своей монографии «Allgemeine Geschichte der morgenländischen Sprachen und Litteratur» (1784) в отношении чувашского языка придерживается настоящей грамматики.

Несколько позднее (в 1819 г.) датский лингвист Раск, соглашаясь с Шлёцером в татарском происхождении чувашского языка, все примеры в подтверждение этой теории приводит из означенной грамматики и протестует против Аделунга, автора «Mithridates» (1806—1817), усматривающего в чувашском языке смешение финской и татарской стихии (см. его: Samlece, I, 43—46).

В начале XIX в. на первую чувашскую грамматику откликнулись и ученые Франции. В Париже в журнале «Journal Asiatique» за 1825 г. историк Левек (Lévesque) дал краткое изложение чувашской грамматики 1769 г. с некоторыми своими замечаниями под заглавием «Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches» (VI, 213—224, 267—276).

Таким образом, благодаря «Сочинениям, принадлежащим к грамматике чувашского языка» не только у нас в России, но и за рубежом — в Германии, в Дании и во Франции — стали интересоваться чувашским языком, что характеризует большое историческое значение этой первой грамматики чувашского языка.

Грамматика 1769 г. представляет большую библиографическую редкость. Она имеется в Библиотеке Академии Наук СССР, Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), в библиотеках Московского и Ленинградского университетов и в копии в Рукописном Фонде Чувашского научно-исследовательского института.

В. М. Жирмунский

СЛЕДЫ ОГУЗОВ В НИЗОВЬЯХ СЫР-ДАРЬИ

1

Эпические сказания огузов, объединенные в «Книге моего деда Коркуда», сложились в устном предании этого народа на разных последовательных этапах его развития.

Как указал акад. В. В. Бартольд, окончательная дошедшая до нас редакция «Китаби Коркуд» оформилась в XV в. в Закавказье и сохранилась в рукописи конца XVI в. «Связанный с именем Коркуда эпический цикл, — писал Бартольд, — едва ли мог сложиться вне обстановки Кавказа».[1] «Действие происходит на армянской возвышенности: гяуры, с которыми приходится иметь дело богатырям, — трапезундские греки, грузины, абхазцы».[2]

Однако этому окончательному оформлению огузских эпических сказаний предшествовало, как это всегда бывает в истории народного эпоса, продолжительное существование и развитие в устно-поэтической традиции. Как утверждает тот же В. В. Бартольд, «предания об огузах, Коркуде и Казан-беке несомненно перенесены были на Запад в эпоху Сельджукской империи (XI—XII вв.), к которой относится также отуречение Азербайджана, Закавказья и Малой Азии».[3] «С берегов Сыр-дарьи принесли огузы на Запад предания о народном патриархе и певце Коркуде, создателе и хранителе народной мудрости».[4]

В частности, по поводу могилы «святого Хорхута» в низовьях Сыр-дарьи, ниже Джусалы, Бартольд замечает, что этот культ Коркуда «имеет на Сыр-дарье уже тысячелетнюю давность». «Единственным, насколько известно, периодом, когда местность по нижнему течению Сыр-дарьи имела центральное значение в жизни огузов, был X век; в то время мусульманская колония, называвшаяся „Новым селеньем“ (ал-Карья ал-Хаджа —

---

[1] В. В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ. Сб. «Язык и литература», т. V, Л., 1930, стр. 17.

[2] В. Бартольд. Китаби-Коркуд, предисловие. ЗВО РАО, т. VIII, 1894, стр. 204.

[3] В. Бартольд. Еще известие о Коркуде. ЗВО РАО, т. XIX, 1900, стр. 76.

[4] W. Barthold. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, bearb. v. Th. Menzel, стр. 107.

по-арабски, Дих-и нау — по-персидски, Янгыкент — по-тюркски), ныне развалины Джанкента, были зимним пребыванием царя огузов».[1]

Исходя из этого положения, мы можем в настоящее время, путем обращения к историческим свидетельствам и фольклорным источникам, установить в ряде случаев с довольно большой ясностью, какие именно сюжеты цикла Коркуда сложились у огузов в более древнюю пору в низовье Сырдарьи, где мы застаем их в IX—X вв., какие относятся к более позднему времени и возникли в XII—XIV вв. уже на территории Закавказья и Малой Азии.

К числу первых, кроме преданий о самом Коркуде, широко распространенных и поныне среди народов Средней Азии (у туркмен, казахов, каракалпаков и узбеков), относится прежде всего сказание о «Разграблении дома Салор-Казана», засвидетельствованное на туркменской почве двумя упоминаниями в «Родословной туркмен» Абулгази-хана (1650).[2] Сказание это, повидимому, отражает исторические воспоминания о продолжительных и кровавых войнах между огузами и печенегами (беджне) во второй половине IX в., о которых свидетельствуют на Западе Константин Багрянородный, а на Востоке Ал-Мас'уди, Истахри, Марвази и другие источники.[3]

С другой стороны, рассказ о сватовстве Кан-Турали к дочери трапезундского таговора, как указал уже Бартольд, соприкасается с многочисленными трапезундскими сказаниями о сватовстве.[4] Добавим, что и «Песнь об удалом Домруле» по своему сюжету непосредственно связана с трапезундскими песнями о Дигенисе Акрите (борьба героя с ангелом смерти, подвиг жены, отдающей свою душу как выкуп за мужа).[5] В обеих поэмах, стоящих рядом (V и VI), отсутствуют, как заметил уже Бартольд, имена других богатырей огузского цикла,[6] что само по себе свидетельствует о их позднейшем вхождении в этот цикл.

Древним и, может быть, историческим является имя главного богатыря огузов, вождя салоров Казан-бека (Салор-Казана). Имя это и засвидетельствовано в устной традиции туркмен салоров[7] и в «Родословной туркмен» Абулгази.[8] Напротив, Баюндур-хан как эпический властитель огузов относится к более позднему времени (XIV в.), когда государством

---

1 Из рукописного введения В. В. Бартольда к переводу «Книги деда Коркуда», 1922 (Архив АН СССР, 68, I, 183).

2 Абулгази. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского, Ашхабад, 1898, стр. 39 и 63—65.

3 См. Сочинения Константина Багрянородного. М., 1899, стр. 139 («De administrando imperio», гл. 37); J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen. Berlin, 1904, стр. 25—26 (Al Mas'ūdī); «Hudūd al'Ālam», transl. by V. Minorsky, London, 1937, стр. 313—314 (Istakhri); Marvazī. Sharaf al-Zamān Tāhir by v. Minorsky London, 1942, стр. 29—30, 95). Ср. также: П. П. Иванов. Очерки истории каракалпаков. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», т. VII, изд. АН СССР, 1935, стр. 11—12.

4 В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 4—5.

5 Ср.: A. Lesky. Alkestis, der Mythos und das Drama. Wien, 1925, стр. 27—28.

6 В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 4.

7 А. Туманский. По поводу Китаби-Коркуда. ЗВО РАО, т. IX, 1895, стр. 269—271.

8 См. перевод А. Туманского (Ашхабад, 1897, стр. 39, 62—63, 65—73).

огузов в Малой Азии правила туркменская династия Белого Барана, происходившая из в то время господствовавшего племени баюндур (байындыр).[1] В «Китаби Коркуд», в угоду этой позднейшей традиции, Салор-Казан сделан зятем властителя огузов Баюндур-хана.

К древнейшим сказаниям огузского цикла относится также «Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кам-бури».[2] Сказание это до настоящего времени широко известно в Средней Азии, среди узбеков, каракалпаков и казахов, под названием «Алпамыш» («Алпамыс-батыр»).[3] «Алпамыш» совпадает с «Бамси-Бейреком» как по именам ряда действующих лиц, так и по общему сюжету и отдельным частным мотивам.

«Родословная туркмен» Абулгази-хана, среди других воспоминаний о героях цикла Коркуда, относящихся к среднеазиатскому (сыр-дарьинскому) периоду истории огузского эпоса, содержит также важное свидетельство об Алпамыше и его невесте, богатырской деве Барчин. В последней главе, озаглавленной «Девушки, которые были беками у огузова племени», Абулгази называет — со слов «стариков и бахши, хорошо знающих историю» — «семь девушек», которые, «подчинив себе все огузово племя, много лет были беками». Среди них на первом месте названа жена Салор-Казан-Алпа (также известная как воительница из «Китаби-Коркуд»), на втором месте — «Барчин-Салор, дочь Кармыш-Бая и жена Мамыш-бека» (т. е. Алпамыша). По словам Абулгази, «ее могила находится на берегах реки Сыр и пользуется известностью среди народа. Узбеки ее называют „Барчинын-Гёк-Кашане“. Это — купол с хорошими изразцовыми работами».[4]

Поясним, что имя героини — Барчин (Барчин-Сулу, Ай-Барчин) — засвидетельствовано для среднеазиатского периода огузского эпоса, кроме Абулгази, показаниями узбекской, казахской и каракалпакской версии «Алпамыша» и башкирской сказкой «Алпамыша и Барсын-хылуу»,[5] тогда как в «Бамси-Бейреке» героиня получила новое имя-прозвище — Бану-Чечек. Имя героя Алпамыш разъясняется как Алып-Мамыш (Абулгази: Мамыш-бек) или Алып-Манаш (алтайская сказка), с позднейшим оформлением по типу отглагольных имен собственных на *-мыш* (Кунтугмыш и др.).

2

С легендарной могилой богатырской девы Барчин на Сыр-дарье, упоминаемой в приведенном тексте Абулгази, следует отождествить исторический памятник, описанный археологом В. А. Каллауром (1900—1901)

---

[1] В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I, 1929, изд. АН СССР, стр. 33—34; Он же. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 5. Ср. также: В. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. Изд. АН СССР, 1941, стр. 50

[2] Перевод В. Бартольда (ЗВО РАО, т. XV, 1902—1903, стр. 1—38).

[3] Фазыл Юлдаш. Алпамыш. Ташкент, 1944, предисловие.

[4] Перевод А. Туманского, стр. 73 (разрядка моя, — *В. Ж.*).

[5] Башкирские народные сказки, запись и перевод А. Г. Бессонова, ред. Н. Дмитриева. Уфа, 1941, № 19.

и проф. А. Ю. Якубовским (1929) и носивший в начале XX в. у местного казахского населения название «Кёк-Кесене» («голубое здание»), уже без приурочения к эпическому имени Барчин, жены Алпамыша.

Первым открыл, описал и сфотографировал этот памятник В. Каллаур, который сообщает о нем в двух статьях, напечатанных в «Протоколах заседаний и сообщениях членов Туркестанского кружка любителей археологии» за 1900—1901 гг.[1] Памятник находился недалеко от развалин древнего города Сыгнака, в шести верстах к северо-западу от ст. Тюмень-арык.

«Здание это я осматривал [в первый раз] 24 апреля сего года [1899 г.], но весьма поверхностно, — сообщает Каллаур. — Здание это высокое, сложенное из жженого кирпича с уцелевшими орнаментными украшениями синего цвета. Здание приходит в большое разрушение не только от времени, но более еще от того, что жители из него выбирают кирпичи. Около этого здания заметны холмистые возвышенности с валяющимися кирпичами, заросшие саксаулом. Это — или остатки древних строений или же могильные насыпи. Какое назначение имел этот древний памятник — определить не берусь. А. Ниазов, служивший прежде старшим аксакалом г. Туркестана, находит, что кладка здания Кёк-Кесене такая же, как у мечети Хазрата [т. е. Ахмеда Ясеви] в Туркестане».[2]

После второго посещения памятника через год (в апреле 1900 г.) Каллаур описал его более подробно в специальном сообщении, к которому приложил две фотографии:

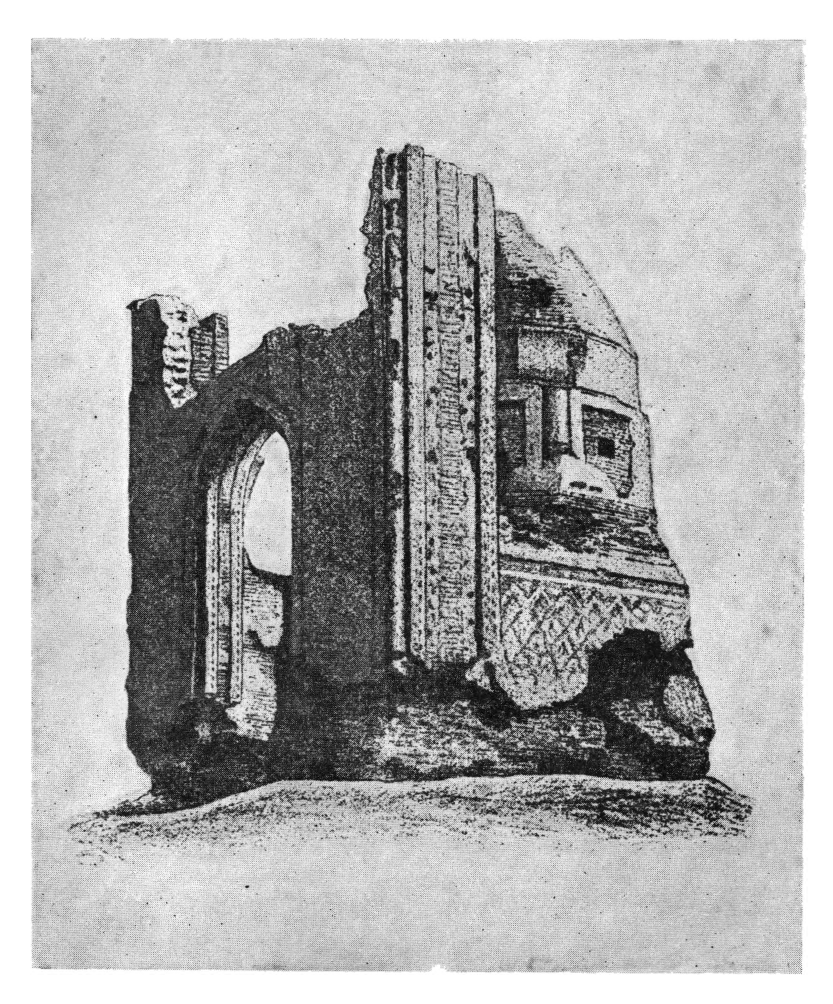
«Здание это приведено в еще большее разрушение. . .». Но зато оно оказалось «внутри расчищенным от кирпичей и мусора», и Каллаур установил, что в «задней части оно имеет склеп, вход в который в полу завален камнем. Над склепом сложена гробница с флагом, как это делается на могилах мусульманских святых. Осмотром мною установлено, что здание это — мавзолей и что в склепе должна быть усыпальница умерших знатных лиц».

Каллаур высказывает предположение, что «очистка мавзолея от кирпича и мусора, устройство гробницы с постановкой флага, очевидно, сделано с целью объявления населению об открытии нового святого, которому, вероятно, присвоят имя Кок Кесене Ата». Случаи появления таких новых мусульманских святых и новых мест поклонения, по сведениям Каллаура, в то время были весьма часты в казахских степях.

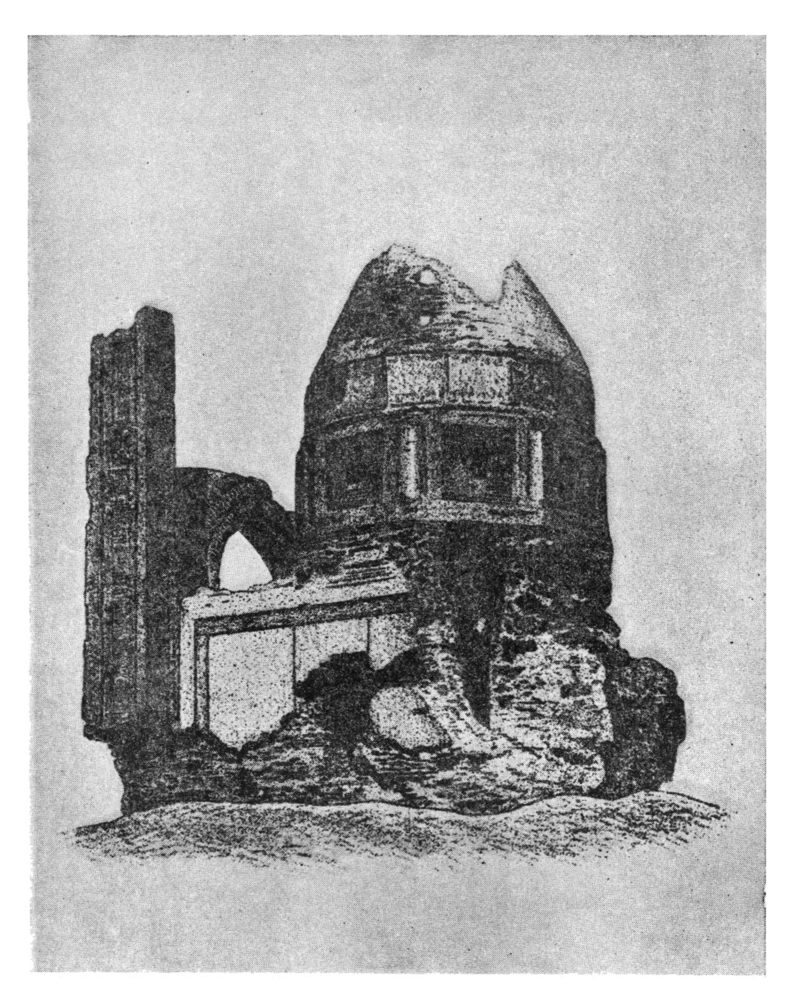
«Рядом с этим мавзолеем с юго-западной стороны один холм оказался разрытым в горизонте земли, в котором заключались развалины другого мавзолея, но меньших размеров, с остатками уцелевших стен, указы-

[1] В. Каллаур. Древние города в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г. Приложение к протоколу от 7 февраля 1900 г. В. Каллаур. Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде. Приложение к протоколу от 11 декабря 1901 г. См. также: А. Диваев. О значении слова «Кок-Кесена». Протоколы, 1909, вып. 13, стр. 11. — Сообщения В. Каллаура и А. Диваева воспроизводит И. А. Кастанье (Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 187—189).

[2] Приложение к протоколу от 7 февраля 1900 г., стр. 10—12.

Мавзолей Кек-Кесене с юго-восточной стороны.
(По фотографии В. Каллаура 1901 г.).

Мавзолей Кек-Кесене с восточной стороны.
(По фотографии В. Каллаура 1901 г.).

вающих сходство плана этой постройки с мавзолеем Кок-Кесене». «Более подробным осмотром местности, окружающей это здание, мне не удалось установить, представляют ли находящиеся в окружности холмы и холмики остатки других разрушенных мавзолеев и в таком случае местность эта составляет ли древнее кладбище, или же под этими холмами находятся остатки жилых помещений».[1]

Внутри купола мавзолея Каллаур нашел арабскую надпись, повторяющуюся вокруг купола 5—6 раз. Эту надпись ему удалось скопировать с помощью одного из своих спутников-мусульман, но в дальнейшем она не была ни расшифрована, ни опубликована.

Летом 1927 г. развалины Кёк-Кесене посетил проф. А. Ю. Якубовский, производивший в то время раскопки расположенного по соседству древнего города Сыгнака. Он описал остатки этого памятника в своем исследовании «Развалины Сыгнака».[2]

Со слов местных жителей А. Ю. Якубовский узнал, что здание рухнуло еще в 1914 г. На месте его он нашел «большой холм, образованный рухнувшими частями постройки», над которыми возвышался сохранившийся устой южной арки портала. «Достаточно было прибегнуть к нескольким ударам теши, как открылось большое количество голубых, синих, белых изразцов. Полива на них очень высокого качества, нанесена она толстым стекловидным слоем на ангобированную белой глиной поверхность кирпича. Голубой цвет поливы, будучи отличным по своему тону от самаркандских и бухарских изразцов, не уступает лучшим из них». «Найден был и большой кусок, весь выложенный изразцовой мозаикой, в котором даны голубые, белые, синие, желтые и красные вставки. Наконец, найден был на поверхности и кусок резного неполивного терракотового кирпича. Беглого осмотра было достаточно, чтобы сказать, что Кёк-Кесене была великолепной по изразцовому убранству постройкой».

Проф. Якубовский отмечает также остатки другой постройки того же типа, упомянутые уже в статье Каллаура, расположенные кругом могилы с битыми, а иногда и цельными кирпичами, следы древних арыков. «Все в целом говорит о том, что здесь когда-то была культурная жизнь». «Хотя развалины Кёк-Кесене и отстоят в 13 верстах от Сыгнака, не подлежит сомнению, что место это жило общей с ним жизнью».

«Когда же было построено это здание и кто в нем похоронен? — спрашивает проф. Якубовский. — Наличность вышеупомянутых изразцов и изразцовых мозаик дает право думать, что здание построено не раньше конца XIV в., скорее всего в XV в.». Ссылаясь на указание одного исторического источника, согласно которому в Сыгнаке были могилы и гробницы узбекских ханов и на могилах их возводили высокие куполы (гумбезы), проф. Якубовский высказывает предположение, «что именно

[1] Приложение к протоколу от 11 декабря 1901 г., стр. 99—100.
[2] Сообщения ГАИМК, II, Л., 1929, стр. 154—158.

мавзолей Кёк-Кесене и соседние с ним развалины и были этим ханским кладбищем». «Трудно представить, кто кроме узбекских ханов мог возводить такие прекрасные мавзолеи в это время»[1] (т. е. в XV в. — в непосредственном соседстве Сыгнака как ханской резиденции).

Поскольку эта датировка памятника, основанная на данных археологии и истории Средней Азии, должна быть признана правильной, встает вопрос, как объяснить старинное огузское название этого памятника «Барчинин Кёк-Кесене», засвидетельствованное в середине XVII в. у Абулгази?

Здесь возможны три объяснения.

1) Перенесение древнего огузского сказания на более поздний мавзолей узбекских ханов представляет результат позднейшего приурочения популярной народной легенды (подобно тому как легендарный мавзолей Манаса в Таласе, согласно арабской надписи, является на самом деле гробницей Кянизяк-хатун, дочери эмира Абука, воздвигнутой, как указал проф. Массон, в половине XIV в.[2] Трудно, однако, представить себе возможность такого приурочения древнего сказания к позднейшему кладбищу узбекских ханов через 200 лет после постройки памятника.

2) Наиболее вероятным представляется наличие более древних погребений огузских времен, старинной народной святыни, связанной с именем легендарной Барчин, на месте которой (как это нередко бывает) был воздвигнут новый мавзолей и возникло ханское кладбище.

3) Не исключается и следующее предположение. Проф. Якубовский, который нашел памятник уже разрушенным и имел возможность судить о его архитектурных формах только по фотографиям Каллаура, сразу отметил его особое место среди других аналогичных среднеазиатских мавзолеев. «Здание это представляло большую портальную постройку, в которой квадратное помещение имело незнакомый Туркестану (если судить по сохранившимся постройкам) переход к куполу. Квадрат переходит в восьмигранник, который, в свою очередь, переходит в шестнадцатигранник, над которым и возвышается конический купол».[3]

Однако некоторое сходство с Кёк-Кесене в этом отношении представляют знаменитый мавзолей огузского султана Санджара в древнем Мерве (XII в.) и мавзолей султана Текеша в древнем Ургенче (конец XII — начало XIII в.) — памятники домонгольского периода, имеющие такой же высокий барабан, поддерживающий купол, с характерным переходом квадрата в многогранник.

Некоторое сходство с постройками этого типа имеет и мавзолей Фахраддин Рази в древнем Ургенче (начало XIII в.), который А. Ю. Якубовский сопоставляет по его необычным архитектурным формам с Кёк-Кесене.[4]

---

[1] Развалины Сыгнака, стр. 156.

[2] См.: М. Е. Массон. Время и история сооружения «Гумбеза Манаса». Сб. «Эпиграфика Востока», III, 1949, стр. 28—44.

[3] Развалины Сыгнака, стр. 154.

[4] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. II, Л., 1930, стр. 45—48 (стр. 48 — примеч. 1).

Все эти здания, как и Кёк-Кесене, имели голубой изразцовый купол.[1]

О мавзолее Санджара имеется следующее сообщение географа Якута (1216—1219): «Над ним возвышается купол голубого цвета, который виден на расстоянии одного дня пути».[2]

Как сообщает архитектор Б. Н. Засыпкин, к XI—XII вв. относится появление в Средней Азии глазури голубого цвета, в то время еще очень редкой, — прежде всего на куполах, где кирпичная облицовка особенно легко могла подвергнуться разрушению. «Первую глазурь голубого цвета, — пишет Засыпкин, — мы находим на куполах. Постройки с такими куполами называли кок-гумбез (голубой купол)».[3]

Не представляет ли Кёк-Кесене как по своему названию, так и по своим архитектурным формам древнюю постройку именно такого типа, впоследствии частично перестроенную и ставшую центром ханского кладбища, о котором говорит А. Ю. Якубовский?

Возможность такого предположения, на котором мы не считаем себя вправе настаивать, требует, конечно, тщательной проверки, — прежде всего со стороны археологов и историков архитектуры Средней Азии.

3

Памятники огузов в низовьях Сыр-дарьи довольно многочисленны и уже подвергались, хотя и недостаточно, историко-археологическому изучению. Проф. С. П. Толстов в недавнее время сделал оседлые поселения огузов предметом специального исследования, указав на текст географа Ал-Идриси (1099—1165): «Города гузов многочисленны, они тянутся на север и восток...».[4] Как известно, в низовьях Сыр-дарьи, неподалеку от Казалинска, сохранились развалины города Янгикента, который был в X—XI вв. «зимней резиденцией царя гузов».[5] Между Казалинском и Джусалой находилась легендарная могила «отца Коркудâ» (Коркуд-ата), имя которого теснейшим образом связано с героями огузского эпоса. В числе «городов огузов» Махмуд Кашгарский (1073) называет Сыгнак,[6] расположенный в непосредственном соседстве с мавзолеем Барчин.

В 1900—1901 гг. уже упомянутый В. А. Каллаур обследовал остатки древних городов, разбросанных к югу от Сыгнака по течению Сыр-дарьи и по ее сухому руслу, лежащему к западу от реки. «Старое русло р. Сыр-дарьи отделялось прежде выше впадения р. Арыса в р. Сыр-дарью, в местности Тугул, где развалины крепости Ичке-ульмас», и проходило

---

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 58—63; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 45—48 и 65—66.

[2] В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины Мерв. СПб., 1894, стр. 33—34.

[3] Б. Н. Засыпкин, ук. соч., стр. 56.

[4] С. П. Толстов. Города гузов. Советская этнография, 1947, № 3, стр. 55—102.

[5] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 179. Ср. выше, стр. 94.

[6] С. П. Толстов, ук. соч., стр. 56.

далее по Кызыл-кумам. «Сухое русло, еще сохранившееся, носит название Угуз-жилгасы» (т. е. «Огузов овраг»): «по этому руслу, — сообщает Каллаур, — расположен ряд древних крепостей и курганов».[1]

В дальнейшем Каллаур дополняет: «По собранным мною сведениям, сухое русло р. Огуз-джилгасы начинается на левом берегу р. Сыр-дарьи от местности Чардар, Чимкентского уезда, и известно под этим названием до Узгента; а ниже до Бакаис-ата носит название Дарьялык; далее делится на несколько (3—4) русел».[2]

Это русло (или один из его рукавов) носило, повидимому, в более древнее время название Барчин-дарья. Со слов своего провожатого, «почетного киргиза» (т. е. казаха) Даулета Бошаева, Каллаур отмечает в одной из своих статей 1900 г.: «В Кызыл-кумах имеется еще другое сухое русло реки под названием Баршин-дарья, которое соединяется с Яны-дарьей на урочище Каска, ниже развалин помянутой выше крепости Чирик-кала. По этому руслу находятся развалины древних городов Узгент и Сырлы-там».[3]

Каллаур поручил «лесному объездчику из киргиз» (т. е. казахов) Телепбергену Джилкибаеву осмотреть курган и мавзолей Сырлы-там на Баршин-дарье. Результаты обследования сообщаются в следующей статье: «С восточной стороны развалин кургана, в 400 шагах, имеется сухое русло реки, засыпанное частью песком, шириной в 40 шагов, которое тянется по Кызыл-кумам со стороны развалин древнего города Асанаса (Ашнаса), а ниже Сырлы-тама направляется к Яны-дарье в Хивинских владениях (между местными киргизами русло это названия не имеет). На пространстве между курганом и руслом реки видны площадки земли с небольшими канавками. Надо полагать, что эти площадки прежде были заняты древесными насаждениями или бахчами». «По словам киргиза Бошаева, это сухое русло реки называется Баршин-дарья».[4]

Сопоставив эти известия с предыдущими, Каллаур пытается следующим образом уточнить географическое соотношение трех названий — Огуз-джылгасы, Дарьялык и Баршин-дарья: «В сообщениях моих о следах древнего города Дженда и о кургане Сырлы-там говорится, что в Кызыл-кумах имеется сухое русло реки, под названием „Баршин-дарья“, по которому находятся развалины древних городов Узгента и Сырлы-там. Надо полагать, что сухое русло реки [т. е. Дарьялык] ниже Узгента,

---

[1] В. Каллаур. Древние города в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г. Приложение к протоколу от 7 февраля 1900 г., стр. 10, примечание.

[2] В. Каллаур. Древние города, крепости и курганы по р. Сыр-дарье, в восточной части Перовского уезда. Приложение к протоколу от 18 сентября 1901 г., стр. 75.

[3] В. Каллаур. О следах древнего города Дженд в низовьях Сыр-дарьи. Приложение к протоколу от 11 сентября 1900 г., стр. 83.

[4] В. Каллаур. Развалины Сырлы-там в Перовском уезде. Приложение к протоколу от 19 марта 1901 г., стр. 15—16. Развалины Сырлы-там посетил в октябре 1946 г. проф. С. П. Толстов, однако он не упоминает имени Баршин-дарья и называет только Жаны-дарью (С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Изд. АН СССР, 1946, стр. 56—58).

где расположен Сырлы-там, имеет название Баршин-дарья; возможно, что прежде Огуз-джылгасы называлась Баршин-дарьей на всем протяжении. В канцелярии государственного участкового пристава я видел копии топографической съемки левого берега Сыр-дарьи Чимкентского уезда. На этой съемке, еще не изданной, сухое русло носит название Огуз-сай [т. е. Огузов овраг], а на нем имеются развалины городов и крепостей. Следовательно, эта древняя река, или бывший канал, во время своего существования была многоводной, протекала на очень большом расстоянии, по ней было много оседлых населений и развитого земледелия».[1]

К слову «Огуз-сай» Каллаур делает примечание: «Не получило ли это русло название от бывшего здесь в старину тюркского племени огузов?».[2] В свете изложенных фактов это предположение Каллаура следует признать правильным: хотя слово «огуз» и означает, как имя нарицательное, «бык» (возможно, следовательно, местное название типа «Бычий овраг», «Бычий брод» и т. п.), а слово «барчин» в нарицательном употреблении значит «бархат», однако наличие в этой местности целого ряда огузских имен и огузских воспоминаний с необходимостью заставляет думать о народе огузов и его эпической героине, богатырской деве Барчин, легендарный мавзолей которой, как уже было сказано, находится в ближайшем соседстве с Баршин-дарьей.

В этой же местности и, может быть, на том же, ныне сухом русле Сыр-дарьи находился город Барчынлыккент, разрушенный в 1220 г. войсками Чингис-хана под предводительством его сына Джучи. О маршруте похода Джучи сообщает Джувейни: после разрушения Саганака (Сыгнака) отряд Джучи направляется на Узгент, затем на Барчынлыккент, Ашнас и Дженд,[3] что вполне соответствует предполагаемому месту расположения названного города. «Если установить, — пишет Каллаур, — что сухое русло реки от Узгента до Сырлы-тама и далее имеет древнее название «Баршин-дарья» («Барчин-дарья»), то Барчынлыккент должен находиться на р. Баршин-дарья, именем которой назывался».[4]

Свидетельство исторических источников о городе Барчынлыккент собраны археологом П. Лерхом[5] и В. В. Бартольдом.[6] Город назывался «Барчынлыккент», сокращенно Барчкент или Барчинкент, на джучидских монетах — «Барчин», в китайской транскрипции «Ба-эр-чи-ли-хань» или «Ба-эр-чжень». В рассказе армянского историка Киракоса Гандзацкого

---

[1] Об Огуз-джылгасы ср. также: А. И. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края, стр. 207 и 209—210.

[2] В. Каллаур. Древние города, крепости и курганы по р. Сыр-дарье в восточной части Перовского уезда. Приложения к протоколу от 18 сентября 1901 г., стр. 76.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 446—447. Дата похода Джучи — 1220 г. (вместо 1219 г.) исправлена Бартольдом (там же, стр. 447).

[4] В. Каллаур. Древние города. Приложения к протоколу от 18 сентября 1901 г., стр. 77.

[5] П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1863 г. СПб., 1870, стр. 7—11.

[6] В. Бартольд. Туркестан, ч. II, стр. 180—181, 406, 446, 450.

о путешествии армянского царя Хетума в ставку монгольского хана он упоминается под названием «Парчин».

Плано Карпини и его спутник монах Бенедикт проезжали в 1245 г. на своем пути в Монголию через разрушенные города на Сыр-дарье, еще не успевшие оправиться от недавнего монгольского погрома. «В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть большая река, имя которой нам не известно [Сыр-дарья]; на ней стоит некий город, именуемый „Janckint“ [„Янкент“], другой по имени „Barchin“ [„Барчин“] и третий, именуемый „Орнас“, и очень много иных, имена которых мы не знаем». В другом месте путешественник рассказывает о героическом сопротивлении, оказанном монголам жителями упомянутого города, который он здесь называет «Barchim».[1]

Упомянем еще некоторые географические имена, засвидетельствованные в той же местности, которые, может быть, имеют отношение к истории огузов. Таково, например, название «Кыскала», которое Калаур толкует как «Гыш-кала», т. е. «Каменная (кирпичная) крепость»,[2] но которое гораздо убедительнее объясняется как «Кыз-кала» («Девичья крепость»). Местные названия этого типа, как известно, широко распространены на территории расселения тюркских племен и в данном случае, может быть, отражают восходящие к матриархальным представлениям воспоминания о «девушках, бывших беками у племени огузов», к которым Абулгази относит и богатырскую деву Барчин. Ср. также между Сыр-дарьей и Огузджылгасы отмеченные на карте Каллаура Келин-тюбе и Келин-арык (келин — «молодая женщина», «невестка»). Быть может, и название расположенного в этом районе города Узкенда следует толковать как ӯзкенд из огуз-кент?

Эти и другие, пока еще не отмеченные следы огузов в низовьях Сыр-дарьи требуют тщательной проверки и дальнейшего, более широкого исследования совокупными усилиями историков-археологов, фольклористов и этнографов.

---

[1] Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Перев. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 51.

[2] В. Каллаур. Древние города в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г. Приложение к протоколу от 17 февраля 1900 г., стр. 16.

А. И. Исхаков

О ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВАХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В казахском языке существует весьма многочисленная группа слов, которая как по происхождению, так и по структуре резко отличается от других категорий слов. Я имею в виду так называемые «звукоподражательные» и «образные» слова, которые все еще не стали объектом исследования лингвистов-казаховедов. Этот вопрос абсолютно никем не затронут, так что мы даже не можем назвать ни одной работы, где бы данный вопрос был хотя бы косвенно задет, не говоря уже о специальном исследовании.

Для обстоятельного исследования и полного выявления всех форм и путей образования и происхождения этого рода слов должен быть достаточный материал из художественной литературы, фольклора и устной разговорной речи. Наш скромный материал, собственно и наши выводы, которые будут изложены ниже, далеко не претендуют на всесторонний и полный охват вопросов затрагиваемой темы. Но, тем не менее, в данном своем сообщении, опираясь на фактический материал, собранный мною, я намерен остановиться на некоторых особенностях данной категории слов, которые, на мой взгляд, являются основными для выявления и выделения их из среды других категорий слов.

Итак, эту группу слов, о которой идет речь, я называю «подражательными» словами. Подражательные слова в казахском языке делятся на две подгруппы: звукоподражательные слова и образные слова,

Как объединение, так и деление указанной группы слов нами делается из того соображения, что между этими двумя группами слов есть и общая особенность, объединяющая их в одну группу, а также есть и отличие, которое несколько разъединяет их друг от друга. Остановимся на каждой из этих подгрупп слов.

1. Звукоподражательные слова. Они представляют собою как бы подражание звукам разнообразных явлений (как живой, так и неживой) природы. Основой такого звукоподражательного слова служит обычно какой-либо сложный звук, издаваемый одушевленными и неодушевленными предметами, который состоит чаще из одного, реже из двух закрытых слогов, например: *мылтық тарс еттi* 'ружье «трах»', *қарға қарқ еттi* 'ворона «карк»'.

В первом предложении комплекс звуков *тарс* передает тот звук, который происходит при выстреле из ружья, а во втором *карк* — тот звук, который слышится при карканье вороны. В виде первичных основ они не изменяемы, но от них образуются новые производные слова. Последние образуются несколькими путями: во-первых, к основе такого рода звукоподражательного слова присоединяются аффиксы и образуются новые слова — имена (названия воспринятых слухом звуков), например: *тарсыл* 'выстрел', *каркыл* 'карканье'. Это производное имя может по мере надобности изменяться по падежам, числам, притяжательной форме и т. д., дальше от этого производного имени свободно образуется глагол путем прибавления аффиксов *ла-ле*, *да-де*, например: *тарсылда* (ды), *каркылда* (ды).

Во-вторых, путем двукратного повторения первоначальной звукоподражательной основы образуется новое самостоятельное слово, которое морфологически абсолютно не подвергается изменениям, синтаксически сочетается только с глагольными словами и в предложении всегда выступает в качестве обстоятельства образа действия. Иначе говоря, образуется парное звукоподражательное наречие с своеобразной структурой и устойчивым семантико-лексическим значением; ср., например, слова в следующих примерах соответственно вышеперечисленным:

1) *мылтык тарс етті* 'ружье «трах»' — звукоподражательное слово входит в состав сложного (составного) сказуемого, состоящего из *тарс* и вспомогательного глагола *етті*; однако следует отметить, что *тарс етті* обозначает, что действие *тарс* совершилось только один раз (однократно);

2) *кўлакка тарсыл естілді* — здесь слово *тарсыл* выступает в качестве подлежащего данного предложения; а если *мен бір тарсыл естідім*, то *тарсыл* — прямое дополнение;

3) *мылтык тарсылдады;* в данном примере *тарсылдады* — производный глагол, выступает в качестве сказуемого; однако этот глагол обозначает, что действие *тарсыл* совершилось несколько раз, повторно, в отличие от сказуемого *тарс етті*, где действие *тарс*, как было сказано выше, совершилось только один раз;

4) *тарсыл кўлакка тарс-тарс естілді*, т. е. *тарсыл* 'стук' послышался *тарс-тарс* 'стук-стук'; здесь парное неизменяемое слово-наречие выступает как обстоятельство, поясняющее глагол; однако *тарс-тарс* одновременно обозначает, что действие совершалось с перерывом.

Следует отметить, что как первоначальная, так и парные формы такого звукоподражательного слова могут сочетаться и с вспомогательными и с основными глаголами, например: *тарс етті*, *тарс-тарс етті*, *есік тарс-тарс жабылды* и *есікті тарс-тўрс ўрды* 'дверь закрылась тарс-тарс', 'в дверь (кто-то) бьет тарс-тарс'.

Разница между этими сочетаниями заключается в том, что в первых двух сочетаниях звукоподражательные слова *тарс* и *тарс-тарс* входят в неразрывный состав сложного (аналитического) слова, которое дает одно

понятие и выступает в предложении в качестве только лишь одного члена (сказуемого). Но между семантикой их есть существенная разница, заключающаяся в том, что в первом действии *тарс* совершилось только один раз, а во втором оно (действие *тарс*) происходило несколько раз, неоднократно. В третьем и четвертом сочетаниях оно употреблено с основным глаголом, следовательно и *тарс* и *тарс-тарс* выступают самостоятельно и лексически (как самостоятельно значимые слова) и синтаксически (как самостоятельные члены предложения); однако разница в семантических оттенках между ними остается такой же, как и между первым и вторым сочетаниями.

Считаю своим долгом остановиться еще на некоторых особенностях таких звукоподражательных слов. Первая особенность заключается в том, что от первоначальной основы такого звукоподражательного слова путем удвоения образуется новое слово, которое и по форме и по семантическому оттенку несколько отличается от своей первоосновы, о которой мы говорили выше (*тарс-тарс*). Форма, о которой идет, вернее должна итти речь, образуется таким образом: берется первоначальная основа звукоподражательного слова (у нас это будет *тарс*) и к ней приставляется та же основа, но коренной гласный звук *а* заменяется губным узким гласным *ӯ* во втором компоненте (паре), например: *тарс-тарс — тарс-тӯрс, сарт-сарт — сарт-сӯрт, сатыр-сатыр — сатыр-сӯтыр* и т. д.

Как видно, кроме изменения гласного звука, т. е. перехода звука *а* в *ӯ*, ничего не происходит. Однако это изменение служит своеобразной формой для изменения и оттенка в семантике данного слова. Достаточно изменить *тарс-тарс* в *тарс-тӯрс*, и мы в оттенках их значения находим уже не одно и то же. Предложение *біреу есікті тарс-тарс ӯрды* означает, что в дверь кто-то стучит (бьет) сильно, но монотонно, т. е. одним и тем же темпом удара: *тарс*, еще *тарс* и т. д. А если слова *тарс-тарс* в указанном предложении изменим в *тарс-тӯрс*, т. е. скажем *біреу есікті тарс-тӯрс ӯрды*, то хотя построение и смысл предложения остаются теми же, но определение глагола дает несколько иной оттенок значения, т. е. удар (*тарс*) в дверь производится не равномерно, не одним и тем же темпом, а разными темпами: *тарс*, потом *тӯрс*, опять *тарс*, а потом снова *тӯрс*, иначе говоря то слабее, то сильнее, чередуя один темп удара с другим. Таким образом, в этом случае второй компонент (вторая пара) как бы является рифмованным отзвуком первого компонента (первой основы), т. е. «словом — эхом». Функционально *тарс-тӯрс* и *тарс-тарс* ничем не отличаются друг от друга и одинаково могут сочетаться с одним и тем же глаголом и занимать одно и то же место; морфологически и то и другое неизменяемо, и то и другое, как часть речи, является наречием.

Необходимо остановиться еще на одной особенности удвоения некоторых звукоподражательных слов. Дело в том, что некоторые парные звукоподражательные слова, как *бӯрқ-сарқ, сатыр-күтір, самбыр-күмбір* и другие, образованы не из одной и той же первоосновы, а из разных основ. Чем объяснить это явление? Является ли данный способ закономерным

или отступлением? В данном образовании я не вижу ничего случайного, странного, а наоборот, считаю, что такое образование является вполне закономерным фактом. Обратимся к примерам. Можно говорить: *қазандаҕы су сарқ-сарқ қайнап жатыр* и *қазандаҕы су бӯрқ-бӯрқ қайнап жатыр* 'вода в котле сильно (бурно) кипит'.

Следует отметить, что степень кипения воды здесь не одна и та же. Точно так же при этом получается не одно и то же слуховое ощущение или восприятие. Иначе говоря, при кипении звук *сарқ-сарқ* производит впечатление более сильное, чем при кипении звук *бӯрқ-сарқ*, а этот последний звук производит впечатление более сильное, чем при кипении звук *бӯрқ-бӯрқ*. Следовательно, как образно-слуховое восприятие, так и семантика этих двух разных основ не адэкватны, а синонимичны, т. е. в какой-то мере близки друг к другу. А если из этих двух разных синонимных основ образуем новое слово, т. е. *бӯрқ-сарқ (қазандаҕы су бӯрқ-сарқ қайнап жатыр)*, то в нем объединяются все качества первоначальных звукоподражательных основ (*бӯрқ* + *сарқ*), вместе взятых. Тем же путем можно объяснить причины удвоения и значение ему подобных звукоподражательных слов (ср. *сатыр-күтір*, *самбыр-күмбір*).

Одной из значительных особенностей звукоподражательных слов, на которой следует особо остановиться, является то, что некоторые из них (звукоподражательных слов), в зависимости от наличия в корне широкого или узкого гласного звуков, семантически между собою дифференцированы; ср., например, семантику звукоподражательных слов в следующих предложениях:

1) *есік тарс* (или *сарт) ете түсті;*

2) *есік тырс* (или *сырт) ете түсті.*

Стук или звук в первом предложении при словах *тарс* или *сарт,* где гласные звуки широкие (в том и другом *а*), совершается сильнее, чем во втором предложении при словах *тырс* и *сырт,* где гласные звуки узкие (в том и другом узкий гласный звук *ы*). Иначе говоря, при наличии широкого гласного звука звукоподражательное слово изображает сложный, но сильный звук, а при узком гласном — менее сильный или слабый звук, хотя при том и другом сложный звук остается кратким. Эта же закономерность сохраняется в силе и при новых образованиях — как при присоединении аффиксов, так и при повторах. Ср. следующие пары:

1) *тарсыл — тырсыл,*[1]
2) *тарсылдайды — тырсылдайды,*
3) *сартыл — сыртыл,*
4) *сартылдайды — сыртылдайды,*
5) *Тарс-тарс, тырс-тырс,*
6) *сарт-сарт, сырт-сырт,*
7) *қарш-қарш, қырш-қырш,*
8) *шыңқ-шаңқ, шыңқ-шыңқ,*
9) *шақ-шақ, шық-шық,*
10) *борт-борт, бырт-бырт.*

[1] Звукоподражательные слова переводу на русский язык не поддаются. Различные оттенки звука передаются различной огласовкой при одних и тех же согласных.

Следует отметить также и вторую особенность, заключающуюся в том, что смягчение гласных звуков (соответственно и изменение некоторых согласных) в корне звукоподражательного слова вызывает изменение в оттенках значения их; ср., например, оттенки следующих звукоподражательных слов:

шаңқ-шаңқ, шыңқ-шыңқ, шіңк-шіңк;
қарш-қарш, қырш-қырш, кірш-кірш.

В этой же связи небезинтересно будет упомянуть название известной казахской сказки «*Тоғыз тоңқылдақ, бір шіңкілдек*» ('«Девять драчунов [перевод приблизительный], один пискун»'), где слово *тоңқылдақ*, производное от первоначального звукоподражательного слова *тоңқ* посредством слуховых впечатлений (ощущений), обозначает одновременно и силу, и грубость как самих девяти братьев, так и действий-поступков их, тогда как слово *шіңкілдек*, производное от звукоподражательного слова *шіңк*, обозначает слабость и бессилие как самого десятого брата, так и его действий по отношению к своим девяти собратьям.

Ср. еще следующие примеры из художественной литературы:

1) *социалистік индустрияның доңгелегі зыр жңгірді* (Ғ. Мұстафин. Өлім мен Өмір) 'Колесо социалистической индустрии двигалось (вертелось) **быстро**';

2) *Горбатов сақ-сақ күлді* (Ғ. Мұстафин. Өлім мен Өмір) 'Горбатов **залился хохотом**';

3) *колхоздың қара сабалары күмп-күмп пісілді* (Ғ. Мұстафин) 'Колхозные черные саба (мехи для кумыса, бурдюки) **бултыхались**' (*күмп-күмп* — звук от взбалтывания кумыса);

4) кешікпей тағы да оқ дауысы *гүрс-гүрс* шықты (Ғ. Сланов. Дөң асқан) 'Немедля опять раздались выстрелы, **сопровождавшиеся грохотом**';

5) *боз, күрең, қара, жирен, ала, шұбар өтеді ауыздығын қарш-қарш шайнап* (*Жамбыл*) 'Белые, темнорыжие, вороные, рыжие, пегие и чубарые (кони) проходят, закусив удила, **лязгая**';

6) *күн көрістің ескі тәсілдері, ескі салт-сана, әдет-ғұрып шірік шүберектей дыр-дыр жыртылып жатты* (Ғ. Мұстафин. Өлім мен өмір) 'Старые способы существования (жизни), старая идеология, обычаи и нравы **разорвались на части**, как старые тряпки;

7) Сүгір есікті *тарс* жауып, жоқ боп кетті 'Сугур исчез, **крепко** захлопнув дверь;

8) *мен болаттай сарт-сұрт сынармын* («Қарасай, Қазы») 'Я ломаюсь, **скрежеща**, как сталь'.

Следующие слова относятся к звукоподражательным: *тарс-тұрс, шарт-шұрт, шарт-шарт, шақыр-шақыр, шақыр-шұқыр, пыш-пыш, шеп-шеп,*

тырп-тырп, сатыр-күтір, дүңк-дүңк, борт-борт, тық-тық, күрт-күрт, күбір-күбір, пыс-пыс, быр-быр, гүр-гүр, зыр-зыр, дар-дар и др.

Таким образом, звукоподражательные слова, во-первых, обладают самостоятельным лексическим значением, во-вторых, обладают внешней (формальной) структурой, в-третьих, и в первоначальной и в удвоенной (парной) форме они примыкают непосредственно к глаголу в качестве наречия, в-четвертых, как в первоначальной, так и в удвоенной (парной) форме они синтаксически функционируют как обстоятельства образа действия, в-пятых, изменение гласных звуков первоосновы звукоподражательного слова вызывает изменение семантики его, и, в-шестых, от основы звукоподражательного слова путем соединения определенных аффиксов образуется имя и глагол.

Звукоподражательные слова весьма обычны, т. е. очень часто употребляются как в устной речи, так и в фольклоре и в художественной литературе всех жанров, придавая языку красочность и выразительность.

Простые звукоподражательные слова, состоящие из одного или двух звуков, редки. Наиболее обычным и распространенным типом их являются звукоподражательные слова, состоящие из трех и более звуков.

Можно предполагать, что основы нижеперечисленных и подобных им глаголов, а также некоторых имен являются подражаниями тем или иным звукам, например: *пысқыру* 'фыркать' (о лошади), *түшкіру* 'чихать', *қышқыру* 'кричать', *кекіру* 'рыгать', *бақыру* 'орать', *ақыру* 'орать', 'кричать', *шақыру* 'звать', 'кричать', *ысқыру* 'свистеть' и др.

Следует отметить также и то, что конечный согласный звук звукоподражательного слова (*с*, *ж*, *л*, *р* и др.) подвергается эмоциональному удвоению, а коренной гласный — удлинению, например:

шыжж ете түсті (здесь удвоен звук *ж*);
бірдеме шырр ете түсті (здесь удвоен конечный звук *р*);
бірдеме саарт ете түсті (здесь удлинен коренной гласный *а*);
бірдәме сатыыр ете түсті (то же — *ы*).

2. Образные слова. Если звукоподражательные слова обозначают названия слуховых впечатлений, то образные слова обозначают названия зрительно-моторных восприятий и впечатлений; например сравним два слова в следующих смежных предложениях: *Қарға қарқ етті, ірімшік аузынан салп етті* (из Крылова по Абаю), т. е. 'ворона каркнула, из ее рта сыр (творог) выпал'. Слово *қарқ* обозначает название звука, произнесенного вороной при каркании, а слово *салп* обозначает образ того зрительно-моторного ощущения, которое воспринято в результате моментального выпадения сыра.

Следовательно, эти слова обозначают образ внезапно и моментально возникшего какого-нибудь явления или действия: *кенеттен шыққан дауысқа Ботагөз «е» деуге үлгермей, жүрісін кілт доғарып, жалт*

қарады (С. Мұқанов. Жұмбақ жалау) 'На неожиданно послышавшийся голос, не успев ответить «да», Ботагөз вдруг **сразу** остановилась и **моментально** оглянулась'. Слова *кілт* и *жалт* не имеют своих адэкватных эквивалентов в русском языке, мы передали их приблизительно словами '**сразу**' и '**моментально**', но они далеко не соответствуют как по образу, так и по значению словам *кілт* и *жалт*.

Образные слова, как и звукоподражательные, в казахском языке настолько понятны и обиходны, что составляют настоящее украшение народного языка. Эти слова представляют собою особую группу или категорию слов, служащих изобразительным средством в речи. Они употребляются исключительно в лексико-стилистическом плане. Материальной основой этих слов служит образ различных явлений движения, например: *бірдеме елең етті* 'что-то **мелькнуло**'.

В значении большинства образных слов характерной чертой является моментальность, внезапность возникновения образа или ощущения, например: *әлденелерді қауырт сөйлеп отырған Қайрат кілт тоқтап қалып, жалт қарады* (Сланов. Дөң асқан) 'Қайрат, рассказывающий что-то с жаром, **вдруг** (сразу) замолчал и **моментально** оглянулся'.

Образные слова по своей внешней структуре сходны с звукоподражательными словами, например: *кілт, жалт, қалт, жылт, жалп, салп* и др.

В образных словах так же, как и в звукоподражательных, внешние изменения сопровождаются переменами в их значении, например:

1) коренной гласный *а* изменяется в губной узкий гласный *ұ* во втором компоненте парного слова:

жалт-жалт — *жалт-жұлт,*
жалп-жалп — *жалп-жұлп,*
қалт-қалт — *қалт-құлт;*

2) широкий гласный изображает сильный образ, а узкий гласный — слабый образ моторно-зрительного восприятия:

жалп етті — *жылп етті,*
салп етті — *сылп етті,*
жалпылдайды — *жылпылдайды,*
тарбаң-тарбаң — *тырбаң-тырбаң,*
талтаң-талтаң — *тылтың-тылтың,*
лап-лап етті — *лып-лып етті;*

3) мягкий гласный звук в основе образного слова иногда выражает как бы тонкость или нежность действия, тогда как твердый гласный звук в том же положении выражает абсолютно противоположный образ действия, т. е. как бы грубость, неуклюжесть и т. д.;

одыраң-одыраң — *едірең-едірең,*
арбаң-арбаң — *ербең-ербең,*
алаң-алаң — *елең-елең,*
жалпылдайды — *желпілдейді.*

Из образных слов простейшего типа получаются более сложные формы и при помощи повторения и при помощи аффиксации. Например:

1.	Жалт	тарс	1.	Жылт	тырс
2.	Жалт-жалт	тарс-тарс	2.	Жылт-жылт	тырс-тырс
3.	Жалт-жұлт	тарс-тұрс	3.	—	—
4.	Жалт + ыр	—	4.	Жылт + ыр	
5.	Жалт + ыл	тарс + ыл	5.	Жылт + ыл	тырс + ыл
6.	Жалт + ақ		6.	—	—
7.	Жалт + аң	тарс + аң	7.	Жылт + ың	тырс + ың
8.	Жалт + ыр + а + й + ды	—	8.	Жылт + ыр + а + й + ды	—
9.	Жалт + ыл + да + й + ды	тарсыл-дайды	9.	Жылт + ыл + да + й + ды	тырсыл-дайды
10.	Жалт + ақ + та + й + ды	—	10.	—	—
11.	Жалт + аң + да + ды	—	11.	Жылт + ың + да + ды	тырсыл-дады
12.	Жалт + ыр + а + уық	—	12.	Жылт + ыр + а + уық	—
13.	Жалтылдауық	тарсыл-дауық	13.	Жылтылдауық	тырсың-дауың
14.	Жалтақ-жалтақ	—	14.	—	—
15.	Жалтаң-жалтаң	тарсаң-тарсаң	15.	Жылтың-жылтың	тырсың тырсың

Как видно, звукоподражательные слова некоторыми из перечисленных форм не обладают. В частности, из звукоподражательной основы нельзя образовать формы в номерах 4, 6, 8, 10, 11, 12 и 14 указанного списка.

Что касается формы на *-уық* в номере 13, то от звукоподражательной основы она образуется от формы, указанной в номере 5 (*жалтыл*), путем присоединения сперва глаголообразующего аффикса *-да* (*жалтылда*), а затем аффикса *-уық* (*жалтылдауық*).

Что касается первоосновы и парных форм образных слов, то они не склоняются и не изменяются. В предложении и та и другая форма служат обстоятельством образа действия. Так же, как и звукоподражательные слова, они синтаксически сочетаются и с вспомогательным (*ет*) и с знаменательными глаголами.

Многие из образных слов соотносительны с некоторыми глаголами, причем к основе глагола присоединяются звук *ң* и звук *қ*, например: *қараң-қараң* (от *қара* 'черный'), *ағараң-ағараң* (от ағар 'белый'), *домалаң-домалаң* (от *домала* — 'перекатывать'), *жалаң-жалаң* (от 'жала', 'лизать'), *салаң-салаң*, *сумаң-сумаң*, *жалақ-жалақ*, *салақ-салақ* и др.

Эти образные слова употребляются так же, как и звукоподражательные слова.

Примеры из художественной литературы:

1) *Қашмат мұндағы үлкендерге кішкентай нәзік саусақтарын созып жалт-жалт қарайды* (Әуэзов);

2) *Аттылар лек-лек желе-жортып кетіп жатыр* (Әуэзов. **Абай**);

3) *Ыңырсып колхозымның төрт түлігі.*
Ауылдан маң-маң басып ерiске өрдi (Жамбыл);
4) *Атың сенің жараулы,*
Бүкен-бүкен желдің бе? (Алпамыс);
5) *Балалар елең-әлең қарасты* (Әуэзов);
6) *Талтаң-талтаң басып Нұрқожа Шейкеннің үйіне қарай жөнелдi* (С. Мұқанов).

Следует отметить, что такие образные слова, как *маң-маң, бүкең-бүкең* и некоторые другие, дают основание говорить, что они именного происхождения;[1] например, ср. слова *бүкір* 'горбун' и *бүкең*, *қыж-қыж* и *қыз-қыз*, *сылп-сылп*, *сылбыр* и многие другие.

Некоторые образные слова служат не только отражением зрительно-моторных, но и слуховых (звуковых) впечатлений; ср., например: *қалш-қалш* 'дрожание' (и как явление и как звук), *бұрқ-бұрқ* (и как звук и как образ) и др.

Многие звукоподражательные и образные слова изменили свои первоначальные значения и перешли в другие основные категории слов. Иначе говоря, изменение значения подражательных слов ведет к переходу их в другие основные части речи. Теряя свое первоначальное подражательное значение, с сохранением за собой образного понятия, подражательные слова постепенно превращаются то в наречия, то в имена, то в глаголы. Видимо, этим и можно объяснить то обстоятельство, что многие подражательные слова соотносительны с глаголами, именами и др., о чем было сказано нами выше.

Не вдаваясь в расследования постепенного хода развития отдельных подражательных слов, что, конечно, возможно в будущем, когда будет собран полный исчерпывающий материал, я лишь ограничусь указанием на то, что от звукоподражательных слов образуются теми или иными способами, о чем говорилось выше, имена существительные, глаголы и наречия, а от образных слов — имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия.

Морфология подражательных слов еще ждет своего исследователя.

---

[1] Г. Мусабаев. Семантика слова «мангыстау». Изв. АН КазССР, 1946, вып. 4/29, стр. 37—38.

А. Н. Кононов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОШЕДШЕГО КАТЕГОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о происхождении тюркской глагольной формы типа:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	*jаз-ды-м* я (на)писал	*jаз-ды-k* (*-м-ыз*) мы (на)писали
2-е л.	*jаз-ды-ӊ (-н, -ӻ)*	*jаз-ды-ӊ (-н, -ӻ)-ыз (-ар)*
3-е л.	*jаз-ды*	*jаз-ды-лар*,

единой номенклатуры для которой в тюркологической литературе не установлено (чаще: прошедшее-категорическое), занимал и занимает многих тюркологов.

Всех ученых, исследовавших состав этой формы, интересовали два вопроса:

1) как объяснить афф. *-ды* в составе этой формы (напр.: *jаз-ды,* где *jаз* — основа глагола 'писать'), через присоединение к которому аффиксов принадлежности (*-м*, *-ӊ* и т. д.) образуются личные формы одного из тюркских прошедших времен;

2) как объяснить форму 1-го л. мн. ч., где показателем лица выступает афф. *-k*, *-к* вместо ожидаемого по схеме афф. *-мыз*, который встречается в образовании 1-го л. мн. ч. этого времени только в некоторых языках и диалектах.

Подробный разбор попыток разъяснения состава этой формы до 1900 г. приведен в классическом труде П. М. Мелиоранского «Араб-филолог о турецком языке»;[1] для полноты библиографических сведений можно добавить, пожалуй, еще одно замечание, вскользь брошенное В. Шоттом, о том, что примета этого времени восходит к элементу *-д*, являющемуся звонкой разновидностью аффикса *-т*, служащего показателем Participium präteritum в венгерском языке: *ir-t* 'geschrieben' *irtam* 'ich schrieb' = тур. *jaz-dum*.[2]

Сам П. М. Мелиоранский дважды высказывал свои предположения о составе интересующей нас формы: «приведенные формы (*бардым* и т. д., —

[1] СПб., 1900, стр. LXIX—LXXII.
[2] W. Schott. Versuch über die tatarischen Sprache. Berlin, 1836, стр. 43.

А. К.) состоят из некоторых „временных основ“ (*бард* или *барды*)»;[1] „временной основой“ прошедшего категорического является некое отглагольное имя на *-ды* (*-ты*)».[2]

Авторы дальнейших попыток разъяснения состава этой формы возводят ее «временную основу» к отглагольным именам на *-ыт* (К. Броккельман), на *-ат* (В. Банг), на *-дык* (Ж. Дени, К. Броккельман);[3] отметим, что за 70 лет до Дени и Броккельмана предположение, возводящее «временную основу» к отглагольному имени на *-дык*, было высказано О. Н. Бётлингком и подверглось критике П. М. Мелиоранского.[4] Предположения Броккельмана и Банга тоже оказываются не оригинальными, если вспомнить приведенные выше высказывания Шотта и особенно Мелиоранского (*бард*).

Предположение, возводящее «временную основу» этой формы к отглагольному имени на *-ыт*, разделяют В. М. Насилов[5] и Н. К. Дмитриев, который добавляет, что формы типа **алыт-ым > алт-ым > алд-ым* 'мое взятие' «синтаксически. . ., как и всякие формы принадлежности, могли реализоваться в предложении при посредстве специфических слов *бар* (= *вар*. — *А. К.*), *јоk*. . . В дальнейшем произошло, очевидно, отбрасывание *бар* (*вар*) и *јоk*».[6]

Предположение, возводящее «временную основу» этой формы к отглагольному имени на *-дык*, находит поддержку в изысканиях А. П. Поцелуевского,[7] по мнению которого туркменские материалы вполне подтверждают предположение о происхождении формы *алдым < алдыḡым*.[8]

Таким образом, все опубликованные до настоящего времени предположения разъясняют состав этой формы так: отглагольное имя (с аффиксами *-дык*, или *-ды*, или *-ыт* || *-ат*) + аффиксы принадлежности.

Новое и совершенно оригинальное объяснение предлагает С. Е. Малов, сопоставляющий аффикс *-ды* (в составе формы типа *јаз-ды*) с деепричастием на *-ты*, встречающимся в древнетюркских памятниках. Таким образом, по мнению С. Е. Малова, в основе этой формы лежит деепричастие, что находит себе поддержку в образовании некоторых других времен изъяви-

---

[1] П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. СПб., 1891, стр. 54, сноска 1.

[2] П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXXI.

[3] Подробнее см.: А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. Л., 1941, стр. 134, сноска 1; А. П. Поцелуевский. Проблемы стадиально-сравнительной грамматики тюркских языков. I. Поссесивные предложения и проблема генезиса личных форм имперфекта. Изв. Туркменского филиала АН СССР 1946, № 3—4, стр. 6—7; В. М. Жирмунский. Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индо-европейскими языками. ИАН СССР, Отд. литературы и языка, 1945, вып. 3—4, стр. 124—125.

[4] П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXX.

[5] В. М. Насилов. Типологические черты уйгурского языка. Труды Московского института востоковедения, вып. 3, 1946, стр. 130.

[6] Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 35; Он же. Грамматика кумыкского языка. Л., 1940, стр. 107—108; Он же. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 141. Ср.: В. М. Жирмунский, ук. соч., стр. 124.

[7] Ук. соч., стр. 3—7.

[8] Там же, стр. 6.

тельного наклонения.[1] Весьма вероятно, что формы, о которых идет речь, являются наречиями, деепричастиями, образованными с помощью аффикса принадлежности: *äгä+тÿ* (*-тÿ* = *-сÿ*); ср.: *эрте-си гÿн* 'на следующий день', *акшам-лар-ы* 'по вечерам'.

Как уже было сказано выше, при анализе состава этой формы, кроме разъяснения вопроса о происхождении и значении аффикса *-ды*, необходимо объяснить оформление 1-го л. мн. ч. аффиксом *-k*. А если принять гипотезу П. М. Мелиоранского, то, как замечает А. П. Поцелуевский,[2] придется еще объяснить, почему в парадигме этой формы стоит, например, *акынды* вместо ожидаемого *акындысы* (*-сы* — аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч.). Хотя, с другой стороны, В. М. Насилов совершенно основательно указывает, что «глагольное имя на *di*, встречающееся в прошедшем объективном времени..., в третьем лице сохранило именную структуру того периода, когда оно еще не имеет специфического показателя третьего лица. В первом и втором лице, образующихся через форму третьего, имеются притяжательные местоименные показатели».[3]

П. М. Мелиоранский, критикуя предположения О. Н. Бётлингка и других, объяснял оформление 1-го л. мн. ч. аффиксом *-k*, вместо «более правильного», по его мнению, аффикса *-мыз*, тем, что «оно (окончание *-k*, — *А. К.*) было перенесено... в прошедшее категорическое из какой-нибудь другой формы по закону так называемой „аналогии“».[4] П. М. Мелиоранский почему-то ни слова не говорит о горячей полемике, происходившей между Бётлингком и Шоттом, по поводу объяснения оформления 1-го л. мн. ч. в интересующей нас форме. Бётлингк считал, что личное окончание в этой форме в 1-м л. мн. ч. отсутствует. Шотт в своих замечаниях на рецензию Бётлингка на грамматику Казем-Бека сопоставляет аффикс *-k* (в составе аффикса *-дыk*) с показателем множественного числа в финских языках (в некоторых случаях), указывая при этом, что «в данном случае оно (*-k*), наряду с множественным числом, еще заменяет выпавшее перед ним местоимение».[5] В ответ на это замечание Бётлингк язвительно, но без аргументации, высказывается против предположения Шотта.[6]

В. М. Насилов полагает, что «в первом лице множественного числа имеется... специфический „классный“ показатель *q*, *к*, который является формативом словообразования для многих имен, происходящих от глагольной основы».[7]

Н. К. Дмитриев считает, что аффикс *-к* (*-ыk*), поскольку он функционально соответствует аффиксу *-мыз*, «является третьим показателем мно-

[1] См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования.
[2] Ук. соч., стр. 6.
[3] В. М. Насилов, ук. соч., стр. 129.
[4] П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXXI—LXXII.
[5] Schott. O. Böhtlingk. Kritische Bemerkungen zur zweite Ausgabe von Kasem-Bek's türkisch-tatarischer Grammatik... Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. VIII, herausgegeben von A. Erman, Berlin, 1850, стр. 33—34.
[6] O. Böhtlingk. Entgegnung auf einen Artikel von Herrn Schott... Mèlanges Asiatiques, t. I (1849—1852), стр. 204.
[7] В. М. Насилов, ук. соч., стр. 129, см. еще стр. 130.

жественности в тюркских языках после *-лар*... и после *-ыз*».[1] Но почему 1-е л. мн. ч. оформляется так необычно и почему аффикс множественного числа получил возможность функционировать как выразитель предиката и субъекта, каковым является аффикс *-k*, — не объясняется.

А. П. Поцелуевский, сопоставляя формант 1-го л. мн. ч. *-дыk* с енисейско-орхонской формой 2-го л. ед. ч. *-дыҕ* и привлекая формы типа: *мäн jармаk тïр-дÿк* 'я деньги собрал', *біз jа kур-дуk* 'мы лук натянули', зарегистрированные в «Словаре» Махмуда Кашгарского, приходит к выводу, что «образование личных форм тюркского имперфекта (= прошедшее-категорическое время, — *А. К.*) происходило в условиях контаминации двух разных типов предложения: поссесивного, на базе которого возникло большинство личных форм имперфекта по схеме [(*алтыг* || *алдык*) + ым] > > *алдыгым* > **алды : м* > *алдым* и т. д., и простого номинально-предикативного, реликтом которого, помимо современной формы 1-го лица множественного числа, является также... упомянутая выше форма 2-го лица единственного числа в языке енисейско-орхонских надписей» (стр. 5). И далее, А. П. Поцелуевский замечает: «исторически форма 1-го лица множественного числа имперфекта с показателем *-дык* || *-дик* является не чем иным, как отглагольным именем или, вернее, причастием в предикативной позиции с нулевым показателем предикативности» (стр. 5).

Стройное построение разъяснения состава интересующей нас формы, предложенное А. П. Поцелуевским, имеет две слабые стороны, а именно:

1) енисейско-орхонские формы 2-го л. ед. ч. (*алдыҕ*) и 1-го л. мн. ч. (*алдыk*) не могут быть генетически возведены к одной форме, так как форма типа *алдыҕ* возникла из формы *алдың* в результате разложения звука *ң* (*нг*) на *н* + *г* (*ҕ*): *алдың* || *алдыҕ*: *алдын* 'ты взял'; ср. еще: *jалңыз* || узб. *jалҕыз*: тур. *jалныз* 'одинокий', и т. п.;

2) нет ответа: почему именно 1-е л. мн. ч. имеет «нулевой показатель предикативности», что, как известно, характерно и закономерно только для 3 л. ед. ч.?

Перехожу к изложению моей попытки анализа состава формы прошедшего-категорического времени.

Формообразующим элементом этого времени я, как и некоторые мои предшественники, считаю аффикс *-ды*, но, в отличие от моих предшественников, я рассматриваю аффикс *-ды* как древнюю форму аффикса принадлежности 3-го л. (= совр. *-сы*).

Аффикс *-ды* || *-сы*, в свою очередь, с значительной долей вероятия восходит к указательному местоимению *iтi* (*iтiн*) 'вот этот', 'тот', 'там (не далеко)', 'вот', сохранившемуся в якутском языке.[2] Фонетическая разновидность этого местоимения зарегистрирована в современном ойротском

[1] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 142.

[2] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, IV, стр. 980—981. См. еще: W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, стр. 52, 53.

языке в форме *ту* 'вот тот',[1] которой в других тюркских языках соответствуют *шу*, *су*. Соответствие *т*(*д*) || *ш*:*с* достаточно широко известно; одним из свидетельств этого фонетического явления может служить, например, форма возвратного местоимения *кäнсі* наряду с общеизвестной *кäнді*[2] и форма 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения: якутское *кöр-сӱн*[3] = в других тюркских языках *кöр-сӱн*. В этом предположении меня укрепляет еще и парадигма спряжения этой формы в якутском языке:

	Ед. ч.		Мн. ч.
1-е л.	*быстым*	'я резал'	*быстыбыт*
2-е л.	*быстың*		*быстыгыт*
3-е л.	*быста*		*быстылар*

Форма 3-го л. ед. ч. *быста* 'он резал' состоит из основы глагола *быс* 'резать' и аффикса *-та*, который совершенно очевидно идентичен с аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч.: *аҕа-та* 'отец-его'.[4]

С другой стороны, материал некоторых других языков дает пример совершенно аналогичного построения, так: «исследователи алеутского языка отмечают, что от значительного количества основ можно образовать как именную форму, так и глагольную. Имя может изменяться по лицам; ср.: «ула-н'» '*дом мой*', «ула-н» '*дом твой*'; глагол получает такие же притяжательные окончания: «сику-н'» '*я делаю его*', «сику-н» '*ты делаешь его*' и т. д.».[5]

Приняв как вполне возможное, что аффикс *-ды* = современному аффиксу *-сы* (в значении аффикса принадлежности 3-го л. ед. ч.), нам остается разъяснить, как сочетание основы глагола с аффиксом принадлежности 3-го л. получило значение verbum finitum и именно прошедшего времени.

Тюркские языки, вероятно еще сравнительно недавно, не различали, как в отдельных случаях не различают и теперь, именные и глагольные основы. В «чистом» виде, т. е. до известных грамматических изменений, именные и глагольные основы представляли собою одну «часть речи»; ср. современные формы: *тоj* 'пир || насыщайся'; *уj* 'дом || складывай', *äскі* 'старый || старей'; *тат* 'вкус || пробуй на вкус', *гöч*: *кöч* 'кочевка || кочуй', *шіш* 'шишка || пухни' и др.

Аффикс *-ды* в сочетании с «именем-глаголом» образовал форму, указывающую на принадлежность «предмета-действия» «коллективному лицу», а сама идея прошедшего времени, другими словами сама констатация факта совершения действия, т. е. превращение «имени-глагола» в сказуемое, осуществлялась и осуществляется с помощью аффикса принадлежности *-ды*, восходящего, как сказано, к указательному местоимению *іті* (*ісі*): *ту*,

[1] Ойротско-русский словарь. Составили Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. М., 1947, стр. 157.
[2] W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, стр. 30.
[3] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 186.
[4] Там же, стр. 90, 193.
[5] И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., 1948, стр. 33.

су, *шу*, которое — как указывающее на предмет удаленный ('вон тот') — получило возможность выражать прошедшее время. Да и сам факт «принадлежности» утверждал уже о действии в его прошлом.

Эта форма выражает, как правило, действие однократное, законченное, т. е., в соответствии с своим строением, устанавливает только факт совершения действия-состояния, не рассматривая его в движении.

Форма типа *јаз+ды*, закрепившаяся, по современному счету, за третьим лицом, стала «временной основой», на которой впоследствии (с развитием категории принадлежности в социальном и грамматическом аспектах) образовались формы прочих лиц.

Прошедшее категорическое, равно как формы современного условного наклонения, а также формы на *-дык* || *-(ј)аджак*, *-кан*: *-ƣан* (в атрибутивно-субъектно-объектном использовании), являются формами, свидетельствующими о том, что в тюркских языках сравнительно недавно господствовал притяжательный (поссесивный) строй спряжения, позднее (видимо относительно недавно) наряду с ним (и из него же) стал развиваться строй местоименный; притяжательные местоимения уступили место (часто только путем переосмысления) местоимениям личным, причем личные местоимения еще до сих пор носят на себе родимые пятна притяжательного строя; ср.: личные местоимения $\frac{бä}{мä}+н$, *сä+н*, где *-н* — формант принадлежности; ср. еще формы личных местоимений в якутском языке: *биhиги, эhиги*.[1]

Еще одним примером образования с помощью аффиксов принадлежности изменяющейся по лицам глагольной формы является повелительное наклонение, что было почти 100 лет тому назад установлено русским академиком О. Н. Бётлингком.[2] Аффиксы принадлежности *-ың*, *-ың+ыз*, *-сын* и их фонетические варианты в сочетании с «именем-глаголом», которое (сочетание) сопровождается переносом ударения на «имя-глагол», образуют формы повелительного наклонения.

Теперь обратимся к разъяснению формы 1-го л. мн. ч. с аффиксом *-k*, *-к*.

Аффикс *-k*, *-к* как личный показатель 1-го л. мн. ч. встречается в формах: прошедшего категорического времени — *і-ді-к* 'мы были', *јаз-ды-k* 'мы (на)писали'; настоящего времени условного наклонения — *јаз-са-k* 'если мы (на)пишем'. Кроме того, в азербайджанском языке, а также в некоторых туркменских и анатолийско-турецких диалектах, все времена в 1-м л. мн. ч. имеют личным показателем аффикс *-k*, *-к*.[3] С другой стороны, имеются языки и диалекты, использующие аффикс принадлежности *-мыз* или безразлично употребляющие обе формы: *јаз-ды-k* || *јаз-ды-мыз*.

---

[1] Л. Н. Харитонов, ук. соч., стр. 154—156.

[2] O. Böhtlingk. Ueber die Sprache der Jakuten. СПб., 1851, стр. 170.

[3] Аффикс 1-го л. мн. ч. желательной (повелительной) формы, имеющий в своем составе (в большинстве языков тюркской системы) элемент *-k*: *бар+алык*: *бар+айлык*: *бар+айык*; *бар+ыах* (якутск.) 'пойдем-ка', не имеет ничего общего с аффиксом *-k*, представленным в выписанных выше примерах.

Аффикс *-k* в формах типа *jаздыk*, *jазсаk,* так же как и аффиксы *-м*, *-ң* (*-н*, *-ӄ*), *-ңыз*... в формах *jаз-ды-м*, *jаз-ды-ң*..., передает также принадлежность; самостоятельно значение принадлежности, присущее аффиксу *-k, -к* при использовании его в качестве показателя 1-го л. мн. ч., легко прослеживается в некоторых парных частях тела: *jан-а-k* 'щека — щеки', *аj-а-k* 'нога — ноги', *біl-ä-к* 'кисть руки', *kул-а-k* 'ухо — уши', *дуд-а-k* 'губа — губы', *бадж-а-k* 'голень', *таш-а-k* 'testicule', *быj-ы-k* 'ус — усы'.

Следует иметь в виду также возможность сопоставления аффикса *-к* с аффиксом *-кӳн*, *-гӳн*, выражающим собирательность-множественность.[1]

Характерно, что другие парные части образованы с помощью аффикса двойственного числа *-з: гӧ-з* 'глаз — глаза', *аӄы-з* 'рот', *ому-з* 'плечо — плечи', *гӧг-ӳ-с(-з)* 'грудь', *боjн-у-з* 'рог — рога', *ді-з* 'колено — колени', *ік(к)і-з* 'близнецы', 'двойня' и др. Может быть сюда же следует отнести также: *сäк-і-з* 'восемь', *доk-у-з* 'девять', *от-у-з* 'тридцать', *jӳ-з* 'сто', 'лицо', ср. *бäң-і-з* 'лицо'.

Аффикс *-k*, *-к* заслуживает специального исследования, так как он встречается в составе многих отглагольных имен существительных и прилагательных, входит в состав уменьшительного аффикса и т. п. Но, тем не менее, совершенно бесспорным следует признать использование аффикса *-k*, *-к* для выражения парности-двойственности, связанной с неотчуждаемой принадлежностью (парные части тела). Следовательно, на этом основании можно установить, что аффикс *-k*, *-к* есть формант, выражающий принадлежность в двойственно-собирательном значении, т. е., другими словами, это аффикс принадлежности множественного числа в современном понимании этого термина.

Теперь следует разрешить два вопроса, связанные с использованием аффикса *-k*, *-к*, а именно:

1) почему аффикс *-k*, *-к* получил возможность функционировать в качестве показателя лица и числа?

2) какая форма 1-го л. мн. ч. — *-ды-k* или *-м-ыз* — древнее?

Начнем со второго вопроса. П. М. Мелиоранский считал, что «*k* (или *к*) в 1-м л. мн. ч. явилось несомненно в сравнительно более позднее время, ибо в орхонском диалекте окончание 1-го л. мн. ч. есть *-мыз*, *-міз*; в якутском наречии... окончанием для первого числа тоже служит не *к*, а *быт*, *біт*, *бут*, *бӳт*».[2]

Отсутствие в орхонских памятниках и якутском языке аффикса *-k*, *-к* не может быть принято в качестве аргумента, категорически отвергающего любое другое предположение.

Свидетельства древних памятников, равно как и отдельных языков, могут приниматься только как факты позитивные; никаких негативных заключений, на том основании, что то или иное явление отсутствует в памятниках, сделать нельзя.

---

[1] А. Н. Кононов. Опыт анализа термина тӳрк. Советская этнография, 1949, № 1, стр. 44.

[2] П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXX—LXXI.

Спряжение, использующее в 1-м л. мн. ч. аффикс *-м-ыз,* представляет безусловно позднейшее явление, которое могло возникнуть только тогда, когда вся система приняла строгий симметричный характер:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	*-м*	*-м-ыз*
2-е л.	*-ң*	*-ң-ыз*

Что же касается формы с показателем 1-го л. мн. ч. *-k* (форма типа: *јаз-ды-k*), то она могла возникнуть только до образования форм 1-го и 2-го л. ед. ч., т. е. до образования «индивидуально-личного» спряжения, и закрепилась за 1-м л. мн. ч. (по современному счету) как противопоставление форме типа *јаз-ды.*

Теперь мы подошли к ответу на первый вопрос. Первоначально форме типа *јаз-ды* противополагалась форма типа *јаз-ды-k*, т. е. та же форма, но снабженная собирательно-притяжательным аффиксом *-k*. Эта форма выражала, конечно, не множественное число в современном понимании, а скорее собирательную форму (по функции аффикса *-k*), обозначающую племя, коллектив целиком, выражающую «мы» в собирательно-притяжательном значении «все мы». Весь этот ход рассуждений вполне применим и для объяснения формы условного наклонения *јаз-са-k.*

Все это дает достаточные основания говорить о том, что форма типа *јаз-ды-k* (равно как и *јаз-са-k*) возникла еще до образования «личного» спряжения, а в дальнейшем, в парадигме «личного» спряжения, она закрепилась, в полном соответствии с своей семантикой, за 1-м л. мн. ч. Следовательно, представленное в орхонских памятниках и некоторых живых тюркских языках «симметричное» спряжение *јаз-ды-м — јаз-ды-м-ыз* есть явление более позднее, морфологическим фундаментом для которого послужила та же форма *јаз-ды.*

И. Ю. Крачковский

ТУРЕЦКИЙ ПЕРВОПЕЧАТНИК ИБРАХИМ МУТАФАРРИКА И ЕГО РАБОТЫ ПО ГЕОГРАФИИ

В основной линии турецкой географической литературы XVII—XVIII вв. после знаменитых Х̣а̄джжӣ Х̣алӣфы и Эвлия̄ Челебӣ арабско-персидская традиция начинает сходить со сцены. Постепенно влияние европейской литературы растет и временами сказывается настолько сильно, что собственная научная письменность оригинального характера начинает отходить на задний план. Только история, тесно связанная со всем государственным строем, между прочим в лице государственных историографов, существовавших, можно сказать, до младотурецкой революции, сохраняла свою жизнь, пока сохранялся своеобразный стиль османского государства; и здесь, конечно, действовали преимущественно эпигоны. Во всех областях духовной и материальной культуры Европа и ее достижения привлекают все большее внимание. Европейски направленные культурные стремления этой эпохи нашли себе наиболее яркий выход в последнем периоде старого блеска, который суждено было пережить османам при Ахмеде III и его везире Да̄ма̄д Ибра̄хӣм па̄ше. Произошло то, что некоторые называют «реставрацией великолепия в модном одеянии», и одним из проявлений этого оказалось введение книгопечатания арабским шрифтом в 1141/1729 г. Быть может поэтому и в области географической литературы за XVIII в. наиболее интересным фактом мы имеем право считать не столько отдельные произведения и определенных авторов, сколько это начинание, распространившее почти в первую очередь ряд важных географических трудов, старых и новых.

Инициатива и осуществление всего предприятия связано с именем Ибра̄хӣма Мутафарриќа (ок. 1674—1746 гг.), венгерца родом, готовившегося к духовно-научной деятельности, но попавшего в плен уже в 1693 г. и принявшего ислам. Влечение к историко-географическим штудиям и несомненный организаторский дар позволили ему стать видным деятелем турецкой культуры. Вся очень любопытная история насаждения полиграфического производства в Турции достаточно серьезно освещена теперь в отдельных работах. Обстоятельства того времени вполне объясняют, почему обязательным условием существования типографии был признан отказ от изда-

ния каких бы то ни было произведений, имеющих касательство к корану и каноническим наукам. Для «светских» наук, в частности истории и географии, особо интересовавших Ибрāхӣма, это оказалось большим благом: поэтому из 17 книг в 23 томах, изданных его типографией, не меньше 6 мы можем поставить в связь с географическими темами. В первом же году деятельности (1141/1729) вышло в свет «Тухфат ал-кибāр» («Подарок вельможам») Хāджжӣ Халӣфы; в следующем (1142/1729) — турецкий перевод латинского сочинения ученого иезуита Крусинского, жившего долго в Иране, «Терджеме-и та'рӣх-и сейййāх» («Перевод истории путешественника»); оно было посвящено войне с афганцами и падению Сефевидов. При существовавших тогда турецко-персидских отношениях сюжет близко интересовал соответствующие круги, а произведение было особенно важно своими историко-географическими подробностями. В 1142/1730 г. вышла «Та'рӣх ал-Хинд ал-гарбӣ» («История Вест-Индии»), а через два года (1144/1732) — краткая монография в 23 больших страницы самого Ибрāхӣма «Фуйӯдāт- и магнāтысийе» («Магнитные эманации»). Она сопровождалась двумя гравюрами с изображением «магнитной розы». Источник остается неустановленным: Цельсий сообщал, что автор собрал данные из одного арабского произведения; в предисловии, однако, упоминается о «латинских книгах». Едва ли не крупнейшей заслугой типографии явилось издание географии «Джихāн-нумā» («Миропоказатель») Хāджжӣ Халӣфы в 1145/1732 г. Последним в географической серии мы можем считать произведение боснийца 'Омара из Нови «Ахвāл-и газавāт дер дийāр-и Босна» («Обстоятельства похода в области Боснии»), опубликованные в 1154/1741 г. Это очень интересный в культурно-историческом отношении, написанный в легком стиле живой рассказ Хакӣм оглу 'Алӣ-паши о боснийских событиях с 1149/1736 до марта 1152/1739 г., происходивших во время войны с Австрией. Автор был современником и участником этих действий; его рассказ как важный источник был переведен на немецкий (1789) и английский (1830) языки.

Как видим, своими изданиями типография пропагандировала и капитальные труды прошлого и живо откликалась на запросы современности. Заслуги ее относительно исторической письменности были не меньше географической: достаточно назвать «Таквӣм ат-тавāрӣх» («Установление хронологий») того же Хāджжӣ Халӣфы (1146/1733) и фундаментальное пятитомное издание основных турецких хроник (1147—1153/1734—1741). К сожалению, уже в 1155/1742 г. на издании большого двухтомного персидско-турецкого словаря Шу'ӯрӣ деятельность типографии по не совсем ясным причинам прекратилась.

Из географической области следует еще упомянуть, что Ибрāхӣмом издавались и отдельные карты, которые не всегда удается точно приурочить хронологически. Интересно, что оба гравера, которые их выполняли, были, повидимому, восточного происхождения: одного звали Ахмед из Крыма, второго, армянина, — Мкрдич из Галаты. Все три известные до

сих пор карты были вызваны, повидимому, политическими стремлениями Турции в ту эпоху. Одна представляла карту Персидского государства с большей частью Анатолии и других турецких земель, вторая — карту Черного моря с гаванями и некоторыми прилегающими частями Европы и Азии, наконец, третья была посвящена Египту в целом. Они, таким образом, повидимому, не связаны с теми картами, которые иллюстрируют издание «Джиха̄н-нума̄», но среди последних есть такие, которые, быть может, и предназначались для отдельного выпуска. Это заставляет еще раз вернуться к вопросу об иллюстрациях сочинения Ха̄джжӣ Халӣфы. Что они связаны с деятельностью самого Ибра̄хӣма, а не автора, — почти несомненно; однако все другие вопросы остаются открытыми.

Экземпляры издания представляют большую редкость и еще реже они сохраняют полный комплект рисунков, доходящий до сорока; изучение затрудняется отсутствием в них нумерации и тем, что при брошюровке они очень часто попадали на неверное место. В экземпляре Института востоковедения АН СССР, где они перешифрованы рукою Френа, количество по его нумерации равно сорока (точнее тридцати девяти, так как развернутое в лист изображение вселенной Френ обозначил двойным номером 4—5). Особенно богато иллюстрировано введение, где дан ряд чертежей и таблиц, а за ними до конца книги идут собственно карты. Состав их таков: № 1 — небесный глобус (перед титулом); № 2 — типы геометрических фигур (стр. 8), № 3 — рисунки, поясняющие шаровидность земли (стр. 19); № 4—5 — вселенная по Птолемею (стр. 21); № 6 — другое изображение вселенной (стр. 25); № 7 — карта неба (стр. 27); № 8 — небесные своды по Птолемею (стр. 33); № 9 — деления на землю и море (стр. 49); № 10 — обитаемая «четверть» и таблицы климатов (стр. 51); № 11 — таблица климатов и расстояний (стр. 57); № 12 — «роза ветров» (стр. 59); № 13 — компас (стр. 65); № 14 — полушария (стр. 71); № 15 — Средиземное и Черное моря (стр. 75); № 16 — Адриатическое море (стр. 77); № 17 — берега Турции в Средиземном море (там же); № 18 — полушария на плоскости (стр. 91); № 19 — Европа (стр. 99); № 20 — Африка (стр. 101); № 21 — Азия (стр. 103); № 22 — Америка (стр. 113); № 23 — Северный и Южный полюс (стр. 119); № 24 — Япония (стр. 125); № 25 — Гвинея (там же); № 26 — острова Индо-Китая (стр. 131); № 27 — другая карта их же; № 28 — Молуккские острова (стр. 135); № 29 — Суматра (стр. 143); № 30 — Малайский архипелаг и Филиппины (стр. 145); № 31 — Китай (стр. 153); № 32 — «государства великой степи» (Сибирь, Средняя Азия стр. 165); № 33 — Индия (стр. 193); № 34 — Иран при Сефевидах (стр. 289); № 35 — Мавераннахр (стр. 327); № 36 — Кавказ (стр. 431); № 37 — Аравия (стр. 483); № 38 — Азербайджан (стр. 487); № 39 — Малая Азия (стр. 629); № 40 — Босфор (стр. 671).

Все эти иллюстрации, конечно, чисто европейского происхождения и только легенды на них турецкие; отдельные номера, однако, заслуживают некоторых замечаний. Так, изображение вселенной (№ 6 при стр. 25)

в развернутый лист имеет особый заголовок не только на турецком, но и на арабском языке, чего нет при других; кроме того, оно имеет отдельно дату, тоже на арабском языке: «Вычерчено и отпечатано это желанное изображение в доме типографии благоустроенном в городе благом Константинополе в году 1142-м». Ниже помещена еще одна надпись, тоже по-арабски: «Рукой ничтожного Ибрāхӣма географа из конвойцев Высокой Порты». Если в самой дате, на три года опережающей издание, можно было бы видеть только указание на то, что оно долго подготовлялось, то все оформление надписей этого рисунка говорит, что ему хотели придать самостоятельный характер и вероятно он был выпущен отдельно, а только потом включен в «Джихāн-нумā». Изображение компаса (рис. 13, стр. 65) определенно связывается в турецкой надписи с работой Ибрāхӣма «Фуйӯдāт магнāтӣсийе», вышедшей за год до этого (в 1144/1732 г.); очевидно рисунок был использован в обоих случаях.

Выражение в первом упомянутом изображении «рукою Ибрāхӣма» нет оснований понимать как указание на его личную работу. Основными сотрудниками его здесь являлись уже два известных нам чертежника или гравера: из подписных иллюстраций Ахмеду ал-Қырӣмӣ принадлежат одиннадцать (№№ 1, 3, 8, 10, 11, 14, 25, 28, 34, 36, 37), Мкрдичу из Галаты — семь (№№ 7, 12, 27, 32, 33, 35, 39). Последний свое имя передает с легким вариантом: Мгрдич «Галаṭа» (№ 7, 12) и Мгрдич «Галаṭавӣ» (в других случаях); к своей работе оба применяют исключительно термин «ʿамал» («дело», «труд», «работа»), но что под этим разумеется, с большей точностью определить едва ли возможно. На рисунке № 39 (стр. 629), наряду с обычной надписью «ʿАмал Мгрдич Галаṭавӣ», имеется и другая: «чертил (или рисовал) Ибрāхӣм из Ṭопхāне» («расамаху Ибрāхӣм Ṭопхāнавӣ»). Таким образом, первые два были, вероятно, граверами, последний — чертежник. На двух заключительных картах — Малой Азии и Босфора (№№ 39 и 40, стр. 629 и 671) — совершенно неожиданно выплывает старая традиция с помещением юга наверху карты. Во всех предшествующих образцах никаких следов этого нет, и, вероятно, в данном случае Ибрāхӣм воспользовался другими источниками. Все эти вопросы должны оставаться открытыми; они лишний раз показывают, что исчерпывающее изучение «Джихāн-нумā», равно как и издания Ибрāхӣма с его иллюстративным материалом, ставит еще очень много серьезных задач для будущего.

По всем данным не может подлежать сомнению, что Ибрāхӣм Мутафарриқа был не только организатором и практиком полиграфии, но в то же время и географом на высоте европейской науки своего времени. Помимо приведенных примеров его собственных работ, это особенно отчетливо сказалось в редактуре и значительных вставках к «Джихāн-нумā». В них он дает, например, сведения о географии и космологии европейских народов; в частности, им приводится специальный очерк истории космологии, из которого турецкие читатели, вероятно впервые, могли ознакомиться в европейском изложении с системами мира классиков географии и астрономии —

Птолемея, Коперника, Тихо Браге. Из периода после прекращения деятельности типографии для нас специально может быть интересен, между прочим, один факт в биографии Ибра̄хӣма Мутафаррика: в 1156/1743 г. он был отправлен Портой в Дагестан для утверждения Ахмеда хана «усмием» кайтаков.

Введение книгопечатания в Турции, явившееся эпохой для истории новой турецкой культуры, вызвало очень живой отклик в Европе и науке того времени. Еще до выхода в свет отдельных изданий известия об этом стали появляться в периодической печати, а затем почти каждое издание отмечалось как своего рода событие; большинство имеющих сколько-нибудь общий интерес реферировалось обстоятельно или даже переводилось на латинский либо на один из новых западноевропейских языков. Уже в 1751 г. знаменитый Цельсий в истории стокгольмской библиотеки дал специальный очерк всей продукции, выпущенной типографией, а с той поры литература о ней и, частично, о ее основателе продолжала непрерывно расти до наших дней, завершившись суммарной работой Бабингера (1919).

В России имя Ибра̄хӣма Мутафаррика также стало известно: при Екатерине II два выпущенных им издания были переведены и на русский язык, правда не из области географии и не из числа тех, о которых мы говорили. Интересно, что оба они появились в 1777 г., вероятно, под влиянием недавней войны с Турцией и Кучук-Кайнарджинского мира (1774). Первая книга в русском переводе носит заглавие «Изображение тактики, или искусный образ правления войскового, обнародовано и напечатано в Константинополе на турецком языке Ибрахимом Эфендием Муттефериком. Переведено Алексеем Левашевым. СПб., 1777». Титул не оставляет сомнений в том, что в основе лежит опубликованный в Вене в 1769 г. французский перевод турецкого трактата, который был выпущен типографией Ибра̄хӣма в 1144/1732 г. под названием «Уçӯл ал-хикам фӣ низа̄м ад-умам» («Основы мудрости в устройстве народов»). Автор его, граф Бонневаль (1675—1747), принявший ислам и известный как Ахмед па̄ша̄, был в это время начальником турецких бомбардирных войск и пытался ввести в армии принципы западной тактики. Военные задачи вызвали перевод трактата на французский, немецкий и русский языки.

Вторым произведением типографии Ибра̄хӣма, получившим распространение в России, оказалась турецкая грамматика Холдермана, выпущенная в Константинополе на французском языке в 1730 г. Она была первой французской книгой, напечатанной здесь передвижным шрифтом. Издавая эту книгу, Ибра̄хӣм шел навстречу пожеланиям «франков», живших в Турции. Спорный одно время вопрос об авторе теперь можно считать окончательно разрешенным: им является живший в Стамбуле уроженец Страссбурга миссионер иезуит И. Б. Холдерман (1694—1730), основавший свой труд главным образом на грамматике известного Менинского (1623—1698); автор только на три месяца пережил выход своего произведения из печати. Оно было встречено очень сочувственно научной прессой того

времени, а в России появилось почти одновременно в двух изданиях, факт для пособий востоковедного типа у нас, можно сказать, небывалый. Первое издание его было выпущено типографией Академии Наук в 1776 г., второе — в связи с началом преподавания татарского языка Московским университетом в 1777 г. Переводчиком во втором случае назван студент Р. Габлицл; отличия заметны только в титульном листе и предисловии; возможно, что напечатанное в Петербурге издание получило лишь новую обложку. Характерен факт одинакового значения: если для Константинополя грамматика Холдермана была первой напечатанной там местным шрифтом французской книгой, то для России перевод ее оказался первой книгой, в которой был систематически применен арабский передвижной шрифт, а не гравировка.

В эпоху Екатерины II русские читатели могли уже познакомиться и с общей характеристикой деятельности Ибрāхӣма Мутафарриқа и выпущенными его типографией изданиями. В «Чтении для вкуса и разума и чувствований» за 1791 г. были помещены «Извлечения о турецкой литературе», «почерпнутые» из «Letteratura Turchesca» Тодерини, напечатанной в Венеции в 1787 г. Ученый аббат Дж. Тодерини (1728—1799) прожил в Константинополе пять лет (1781—1786) и дал замечательный по своему времени фундаментальный трехтомный обзор истории турецкой литературы, вернее — всей духовной жизни, который сейчас же был переведен на французский (1789) и немецкий (1790) языки. Значительное внимание посвятил он в своей книге первым печатным изданиям в Турции. Таким образом, вполне возможно, что «любознательные россияне» второй половины XVIII в. могли знать не только имя Ибрāхӣма Мутафарриқа, но также его географические издания и собственные заслуги как географа.

Деятельность пропагандиста полиграфического искусства и географических знаний, которая представляет интереснейшее явление турецкой географической литературы XVIII в., не должна, конечно, заслонять новые факты в письменности этого периода, которые количественно далеко не так бедны. Неизвестных раньше жанров естественно не создается, прежние кристаллизуются, а некоторые из них приобретают особое значение и особую иногда популярность. До нового времени продолжают возникать топографические и региональные описания по старой традиции в различных областях, но наиболее популярными оказываются достаточно разнообразные типы путешествий. Кроме переводов, вызванных какими-нибудь индивидуальными побуждениями, кроме путешествий, направленных преимущественно на восток, широко растет сеть паломничеств-хаджжей, шедших из различных провинций и находивших отражение в самой разнообразной литературной форме Особенного развития достигают так называемые «Сефāрет-нāме» («Книги о посольствах») — описания миссий в иностранные державы. Оживленные дипломатические сношения Турции в эту эпоху направлялись во многие страны и на восток, и на запад, но письменные памятники посвящены преимущественно западным государствам, которые

представляли для турок определенный интерес. Благодаря этим «Сефāрет-нāме», цепь которых непрерывна и очень многообразна, мы имеем целый ряд описаний стран, которые представляют для нас особый интерес, как, например, Россия или Польша. Литература переводов или адаптаций географических сочинений с европейских языков продолжает расти и в XVIII в.

Все упомянутые жанры за это время каждый в своей области могут назвать заслуживающие внимания образцы, но рассмотрение их выходит уже за пределы настоящей статьи,[1] которая представляет посильную дань глубокого уважения арабиста крупнейшему тюркологу, давнему товарищу по занятиям на «арабско-персидско-турецко-татарском» разряде Факультета восточных языков начала нынешнего столетия.

[1] По существу — это несколько сокращенный этюд из моей большой работы по географической литературе восточного средневековья на арабском, отчасти персидском и турецком языках. Этим объясняется и отсутствие научного аппарата, который подготовлен для всего труда при его издании.

М. С. Михайлов

К ВОПРОСУ О ЗАНЯТИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ТАТАРСКИМ» ЯЗЫКОМ[1]

«Прощай, мой друг. Я буду тебе писать про страну „чудес“ — восток»,[2] — писал М. Ю. Лермонтов в марте 1837 г., перед отъездом из Петербурга в ссылку на Кавказ, Святославу Раевскому, своему другу детства, сосланному в Олонецкую губернию за распространение стихов «На смерть поэта».

В конце 1837 г. Лермонтов сдержал свое слово, прислав Раевскому письмо с описанием «страны „чудес“», свидетельствующим об исключительном интересе поэта к Кавказу.

«С тех пор, как я выехал из России, — писал он, — поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании то на перекладной, то верхом; изъездил линию всю вдоль от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже.

«Когда перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке; право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит, ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь».[3]

Плененный Кавказом, Лермонтов призывал Раевского посетить Кавказ[4] и советовал Шан-Гирею вместо предполагаемой им поездки в Америку приехать туда же, говоря, что оно и «ближе и гораздо веселее».[5]

Интерес поэта к Кавказу не ограничивался одним любованием его изумительными пейзажами и необычными условиями жизни там. Его

---

[1] Татарским языком Лермонтов называет азербайджанский язык, который фактически он и изучал.

[2] Полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова, под редакц. и с примеч. проф. Д. И. Абрамовича, т. IV, изд. Акад. Наук, СПб. 1911, стр. 328. В дальнейшем будет указываться только том и страница.

[3] Т. IV, стр. 330.

[4] Т. IV, стр. 333.

[5] Т. IV, стр. 341.

интересы шли дальше: он интересовался кавказским фольклором и тем языком, который он называет «татарским».

Лермонтов знал много языков, владел французским и немецким, как родным,[1] написал несколько французских стихотворений, например стихотворение «L'attente» («Je l'attends dans la plaine sombre»), в результате мистификации П. П. Вяземского долгое время считавшееся обращенным к французской поэтессе Омер де-Гель, которая будто бы называла поэта «Прометеем, прикованным к скалам Кавказа», «золотым руном Колхиды».[2]

В бытность свою на Кавказе Лермонтов полюбил «гортанный разговор» татар. В стихотворении 1840 г. «Я к Вам пишу: случайно право» он говорит:

И вижу я, неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие:
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор,
И их гортанный разговор...

В уже цитированном письме, посланном Раевскому из Тифлиса в конце 1837 г. с описанием передвижения по Кавказу, есть сообщение о том, что Лермонтов изучает «татарский» язык:

«Начал учиться по-татарски — язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться».[3]

Определить точно начало занятий Лермонтова «татарским» языком, повидимому, невозможно; о прекращении же их можно высказаться с большей определенностью. Именно, если фразу в вышеприведенной цитате «да жаль, теперь не доучусь» учесть в свете тех фактов, что после смотра царем в Тифлисе 10 октября четырех эскадронов Нижегородского драгунского полка «11 октября последовал приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом», что он «почти всю зиму провел в Ставрополе», «в первых числах января приехал в Петербург и прожил здесь до половины февраля»,[4] то можно предположить, что занятия Лермонтова «татарским» языком прекратились в октябре 1837 г.

Эти занятия, нашедшие отражение в творчестве Лермонтова, уже давно привлекли внимание исследователей.

Так, Д. И. Абрамович отмечает, что в языке поэта «довольно часто

---

[1] Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. Русское обозрение, 1890, VIII, стр. 728.

[2] Т. V, стр. CIV, CV, CVI; М. Ю. Лермонтов, Полн. собр. соч., под редакц. Б. М. Эйхенбаума, т. I, Academia, М.—Л., 1936, стр. 255.

[3] Т. IV, стр. 330.

[4] Т. V, стр. XXVII, XXXI.

встречаются восточные слова и выражения, которые Лермонтов слыхал на Кавказе», и приводит их список.[1]

Л. П. Семенов отмечает, что «на Кавказе поэт приобрел большой запас местных языков и наречий и вводил их в русский язык; они часто попадаются в его стихах и прозе».[2] Он же в другом месте пишет, что поэт применяет «горские выражения или их перефразировку».[3]

В указанном отношении большой интерес представляют «Ашик Кериб» (1837), «Бэла» (1840) и четверостишие «Лилейной рукой поправляя» (1841).

Действие повести «Бела» происходит в Чечне. Так, автор спрашивает у Максима Максимовича: «А вы долго были в Чечне?», — и получает от него ответ: «Да, я лет десять стоял там в крепости ротою, у Каменного брода — знаете?» (стр. 9).[4]

Когда Бэла скучает, очутившись в крепости, Печорин спрашивает ее: «Разве ты любишь какого-нибудь чеченца? Если так, я тебя сейчас отпущу домой» (стр. 22).

Когда Печорин по целым дням стал пропадать из крепости, то Бэле казалось, что его «чеченец утащил в горы» (стр. 31).

В своей исповеди Максиму Максимовичу Печорин говорит: «Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями» (стр. 34).

Из приведенных цитат видно, что действие повести происходит в Чечне.

По сообщению проф. Висковатова, «в основании рассказа „Бэла" лежит происшествие, бывшее с Хостатовым Акимом Акимовичем [дядей Лермонтова, — *М. М.*], у которого действительно жила татарка этого имени».[5]

У Лермонтова героиня повести «Бэла» — черкешенка. О том, что лермонтовская «Бэла» — черкешенка, можно сделать заключение по следующим местам повести.

«Как я только проведал, — говорит Максим Максимович, — что черкешенка у Григория Александровича, то надел эполеты, шпагу и пошел к нему» (стр. 20). На возражения Максима Максимовича относительно похищения Бэлы Печорин «отвечал, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имея такого милого мужа, как он» (стр. 19). Наконец, говоря о нраве и воспитании Бэлы, Максим Максимович опять-таки называет ее «черкешенкой» и противопоставляет ее грузинкам и закавказским татаркам: «Вы черкешенок не знаете, отвечал я; это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, — совсем не то. У них свои правила, они иначе воспитаны» (стр. 23—24).

---

[1] Т. V, стр. 195—196.

[2] Леонид Семенов. М. Ю. Лермонтов. Заметки. V. Какие языки знал и изучал Лермонтов? стр. 257.

[3] Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1941, стр. 99—100.

[4] Здесь и дальше приводятся страницы из «Героя нашего времени» по: М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Изд. 4, ГИХЛ, М.—Л., 1931.

[5] Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1941, стр. 88.

Но этого мало, Печорин, увидя женщин в ауле отца Бэлы, сказал: «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках» (стр. 12).

Наконец, о черкесах упоминается еще в двух местах повести. Перед рассказом о Бэле Максим Максимович говорит: «Да вот хоть черкесы, — продолжал он: как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка» (стр. 10).

Наконец, на вопрос автора, зачем Казбич хотел увезти Бэлу, Максим Максимович отвечает: «Помилуйте. Да эти черкесы известный воровской народ» (стр. 38). Отсюда можно вывести заключение, что Казбич — черкес.

Между тем отец и брат Бэлы — татары. «Раз приезжает сам старый князь, — рассказывает Максим Максимович, — звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки, так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин» (стр. 12). Про Азамата Максим Максимович говорит: «Засверкали глаза у татарченка, а Печорин будто не замечает» (стр. 18).

Итак: действие «Бэлы» происходит в Чечне; Бэла — черкешенка и даже противопоставляется грузинкам и закавказским татаркам; женщины в ее ауле — черкешенки; Казбич — черкес; однако отец Бэлы и брат Азамат — татары.

На основании этих данных, нисколько не нарушающих очарования гениальной повести, невозможно сделать заключения относительно того, на каком языке говорят герои повести.

Сам Лермонтов именует его «татарским», под которым в его время понимали все тюркские языки Кавказа, т. е. азербайджанский, ногайский, кумыкский и др.

В связи с этим вопрос о «татарском» языке во времена Пушкина, Лермонтова, даже Л. Толстого (в период написания «Казаков») — вопрос спорный.

Спорность его усугубляется еще тем, что тогда называли «татарами» не только представителей различных тюркоязычных народов, но и всех вообще мусульман, о чем писал Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 г.».[1]

Это понимание слова «татарин» в смысле «мусульманин» надо иметь в виду при чтении произведений Лермонтова, например стихотворения «Свиданье». Как известно, в этом стихотворении на фоне объятого «молчаньем Тифлиса с синей Курой», где «улицей пустынной» идут «четы грузинских жен», изображен татарин:

Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.

В «Бэле» о татарском языке упоминается в следующих местах.

---

[1] «... мусульмане (так зовутся татары, служащие в нашем войске)» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. IV, под редакц. М. А. Цявловского, Academia, 1936, стр. 413).

Так, Печорин рассказывает Максиму Максимовичу, что нанятая им духанщица знает по-татарски и, очевидно, может договориться с Бэлой.

«Я нанял нашу духанщицу, говорит он, она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя» (стр. 22).

Рассказывая историю Бэлы, Максим Максимович говорит, что Печорин учился по-татарски. По его словам, «долго бился с нею [т. е. Бэлой, — *М. М.*] Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему» (стр. 22).

Таким образом, Лермонтов дважды говорит в «Бэле» о «татарском» языке, о котором он писал Раевскому с Кавказа еще в 1837 г.

Элементы «татарского» языка в повести «Бэла» представлены следующими словами:

1) *Валлах.* — «Валлах. Это правда, истинная правда» (стр. 15).

2) *Гурда.* — «...а шашка его настоящая гурда» (стр. 15).

3) *Джанечка.* — «Я здесь, подле тебя, моя джанечка» (стр. 38).

4) *Йок.* — «„Йок, не хочу“, — отвечал равнодушно Казбич» (стр. 15).

5) *Тхе.* — «У меня же была лошадь славная, и уже не один кабардинец на нее умиленно поглядывал, приговаривая: „Якши тхе, чек якши“» (стр. 14).

6) *Урус.* — «„Нет. Урус яман, яман“. Заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс» (стр. 20).

7) *Чек.* — «Якши тхе, чек якши» (стр. 14).

8) *Якши.* — «Якши тхе, чек якши» (стр. 14).

9) *Яман.* — «Яман будет твоя башка» (стр. 12); «Урус яман, яман» (стр. 20).

Сказка «Ашик-Кериб» (1837) является пересказом восточной сказки об Ашик-Керибе, слышанной Лермонтовым на Кавказе. Небезынтересно отметить, что летом 1837 г. Лермонтов был в Шемахе и что к лермонтовской записи близок вариант этой сказки, записанной в Шемахинском уезде Бакинской губернии, со слов ашика Оруджа, жителя селенья Тирджан.[1]

Восточные элементы в «Ашик-Керибе» представлены следующими словами:[2]

1) *Ага.* — «Виноват, Ага, сказал Ашик, я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс... Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб... Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше» (стр. 223).

2) *Аллах.* — «Много аллах дал ему золота» (стр. 222, см. также стр. 222, 223, 224).

---

1 М. Ю. Лермонтов, Избр. произвед., т. IV, М., Гослитиздат, 1941. Примечания стр. 386.

2 Цитаты из «Ашик-Кериба» приводятся по: М. Ю. Лермонтов, Избр. произвед., Гослитиздат, 1941.

3) *Ана.* — «...стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: Ана, ана (мать), отвори: я божий гость» (стр. 223—224). «Ана, отвечал он, я здесь никого знакомых не имею и поэтому повторяю мою просьбу» (стр. 224).

4) *Ашик.* — «И одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему» (стр. 222).

5) *Бек.* — «Добрый путь, кричал ему бек, куда ты пошел, странник, я твой товарищ, товарищ» (стр. 222).

6) *Караван-сарай.* — «Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай» (стр. 223).

7) *Керван.* — «...в это время отправлялся один купец с керваном из Тифлиса с сорока верблюдами и 80-ю невольниками» (стр. 223).

8) *Маулям.* — «Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери» (стр. 224).

9) *Намаз.* — «Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе».

10) *Оглан.* — «И слышит громкий голос: „Оглан, что ты хочешь делать?“» (стр. 223).

11) *Паша.* — «...и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-кериба» (стр. 223, см. также другие фразы на этой же странице).

12) *Сааз.* — «...играя на саазе (балалайка турец.) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых» (стр. 222, см. также стр. 223, 224).

13) *Селям алейкюм.* — «И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: „Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за это я спою вам песню“» (стр. 224).

14) *Чапра.* — «Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатой чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу, а в другой острый кинжал» (стр. 224, см. также стр. 225).

15) *Чауш.* — «Его чауши измучились, бегая по городу» (стр. 223).

В «Ашик-Керибе» упоминаются следующие собственные имена:

1) *Ашик.* — ...«спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота» (стр. 224, см. также стр. 222).

2) *Ашик-Кериб.* — «Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб» (стр. 222, см. также стр. 223, 224, 225).

3) *Аяк-Ага.* — «Хорошо, отвечал он, положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери» (стр. 222).

4) *Кериб.* — «И он начал петь: „Я бедный Кериб (нищий)“, — и славил он бедных» (стр. 224).

5) *Куршуд-бек.* — «Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она согласится стать женою Куршуд-бека,

который давно уже за нее сватается» (стр. 222, см. также стр. 223, 224, 225).

6) *Магуль-Мегери.* — «...но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери» (стр. 222, см. также стр. 223, 224, 225).

7) *Рашид.* — «После этого мать его зарыдала и спрашивает его: „Как тебя зовут?". „Рашид" (храбрый), отвечал он. „Раз говори, другой раз слушай, Рашид, сказала она"» (стр. 224).

8) *Хадерилиаз.* — «Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (Св. Георгий)» (стр. 223).

9) *Хадерилияз.* — «Но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса» (стр. 224).

10) *Хадрилиаз.* — «Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвив: „Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз", — и мать его прозрела» (стр. 225).

11) *Халаф.* — «Прибыл он наконец в Халаф» (стр. 223, см. также стр. 223, 224).

12) *Шинди гёрурсез.* — «Тогда Куршуд-бек спросил его: „а как тебя зовут, путник?". „Шинди гёрурсез" (скоро узнаете) ... „многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали — «шинди гёрурсез» (скоро узнаете), и вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя"» (стр. 224).

В 1841 г. Лермонтов написал четверостишие, представляющее начало задуманного стихотворения.

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснея как дева младая
Капгар молодой туксус.

В этом стихотворении привлекают внимание слова «капгар» и «туксус».

Н. Л., автор заметки «Об одном стихе Лермонтова»,[1] пишет, что, по толкованию проф. В. Д. Смирнова, «кангар» (которое прежде печаталось вместо «капгар») и «туксус» не имеют смысла и что, по его мнению, Лермонтов, вероятно, написал: «капгар» («кап-кара» — «очень черный») и «тупдус» («туп-дус» — «очень гладкий»). Н. Л. справедливо считает возможным принять толкование проф. В. Д. Смирнова лишь в отношении слова «капгар», предлагая передать его словами «жгучий брюнет».

«Туксус» означает безусый. Объяснение этого слова «туксус» («тюксюс») дал еще Марлинский в повести «Мулла Нур». Описывая двор мечети в Дербенте, он говорит о татарах длиннобородых («биюк сакаллы»), о молодых людях уже с усами («тюкли») и, наконец, о безбородых отроках или юношах от 10 до 17 лет («тюксюз»).[2]

---

[1] Н. Л. Об одном стихе Лермонтова. Восток, кн. III, М.—Л., 1923, стр. 181—182

[2] А. А. Марлинский. Мулла Нур. Библиотека для чтения, т. XVIII, 1836, № 7, стр. 29; М. Ю. Лермонтов, Полн. собр. соч., т. I, под редакц. Б. М. Эйхенбаума, Academia, М.—Л., 1936, стр. 253.

Нельзя говорить о совершенстве и точности транскрипции Лермонтова. В этом отношении характерным примером может служить передача одного и того же собственного имени в форме: «Хадерилиаз», «Хадерилияз» и «Хадрилиаз».

Несмотря на несовершенство транскрипции все же можно сделать некоторые выводы. За исключением кабардинского слова «тхе» все вышеприведенные слова из произведений Лермонтова могут быть отнесены к тюркским языкам, в том числе и к азербайджанскому языку, с учетом того, что слова «аллах», «ашик», «валлах», «мауля», «селям алейкюм» — арабского происхождения, слова — «карван», «намаз», «саз» и «караван-сарай» — персидского происхождения.

Если учесть,

1) что эти слова могут быть отнесены к азербайджанскому языку,

2) что форма «гёрурсез», точнее «гёрюрсюз», наблюдается в диалектах азербайджанского языка,

3) что слово «чапра» напрашивается на сопоставление с такими словами, как сәрәг 'забор', 'тын', 'частокол', 'плетень', 'живая изгородь', сәрәlәmәk 'огородить', 'загородить', 'перегородить' (стр. 173—174), саграşыq 'спутанный', 'перепутанный', 'скрещённый' (стр. 163),[1]

4) что вариант лермонтовской записи «Ашик-Кериба» близок варианту этой сказки, записанной в Шемахинском уезде, и что поэт летом 1837 г. жил в Шемахе,

5) что Лермонтов в письме к Раевскому говорит о распространенности на Кавказе и вообще в Азии языка, именуемого им «татарским», а таким является азербайджанский язык, — то можно считать, что Лермонтов изучал именно азербайджанский язык, называя его «татарским».

К вышесказанному следует добавить, что исследователи литературы Ираклий Андроников и М. Рафили высказывались в том смысле, что азербайджанским фольклором и языком Лермонтов мог заниматься с известным азербайджанским поэтом Мирзой Фатали Ахундовым (1812—1878 г.). Так, Ираклий Андроников, не приводя лингвистических соображений и ставя знак равенства между татарским и азербайджанским языками, предполагает, что Лермонтов брал уроки азербайджанского языка у поэта Мирзы Фатали Ахундова, который с 1834 г. жил в Тифлисе и состоял в должности переводчика с восточных языков при канцелярии главноуправляющего на Кавказе барона Розена.

В 1837 г. Ахундов написал элегическую поэму на смерть Пушкина. Подлинный перевод этой поэмы, сделанной автором, был помещен в апрельском номере «Московского Наблюдателя». Второй перевод этой поэмы, отличающийся от первого некоторыми стилистическими поправками, был сделан Бестужевым-Марлинским.

---

[1] Азербайджанско-русский словарь, под редакц. H. Hysejnov, Баку, 1939.

Ир. Андроников, отмечая, что Бестужев-Марлинский, в период своей жизни в Дербенте (1830—1834) занимавшийся изучением тюркского языка,[1] с начала 1837 г. до своей гибели в сражении с цебельдинцами у мыса Адлер в июне того же года брал у Ахундова уроки азербайджанского и персидского языка, предполагает, что знакомство Лермонтова с Ахундовым произошло через Одоевского.

«Но нельзя допустить, — пишет автор «Новых разысканий» о Лермонтове, — что два поэта, создавшие замечательные стихи на смерть Пушкина, не встретились бы в маленьком городке, каким был Тифлис, насчитывавший в то время всего лишь тридцать тысяч жителей».[2]

Доказательством встречи Лермонтова с Ахундовым он считает запись поэта, относящуюся к пребыванию Лермонтова в Тифлисе 1837 г.: «ученый татарин Али».[3]

Гипотеза Ир. Андроникова о знакомстве Лермонтова с Ахундовым была поддержана М. Рафили. В своем докладе, сделанном 27 V 1940 в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, он «привел ряд весьма убедительных доводов в защиту возможности общения Лермонтова с Фатали в Тифлисе. Так, молодой Ахундов, наряду с Лермонтовым и независимо от него, был автором стихотворения на смерть Пушкина, уже в марте 1837 г. переведенного на русский язык и напечатанного в „Московском Наблюдателе“. Это не могло не вызвать естественного интереса Лермонтова и Ахундова друг к другу».[4]

Слова Лермонтова о том, что его знания «татарского» языка могли бы ему впоследствии пригодиться («да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться»), понимают в том смысле,[5] что он мог бы применить их в посвященной кавказской жизни последней части задуманной им трилогии, части, о которой он говорил секунданту Глебову, едучи с ним к месту роковой дуэли у подножья Машука.[6]

Занятия Лермонтова «татарским» языком и кавказским фольклором обогатили его поистине бессмертные произведения. С другой стороны, интерес Ахундова к русской литературе, запечатленный элегической поэмой на смерть Пушкина, оплодотворил его творчество.

Так, уже в далекие от нашей эпохи времена раскрываются органические связи и взаимовлияния литератур великого русского и азербайджанского народов.

---

1 М. Рафили. Пушкин и Мирза Фатали Ахундов. Пушкинский временник, 2, М.—Л., 1936, стр. 246.

2 Ираклий Андроников. Лермонтов. Новые разыскания, 1948, стр. 145—148.

3 Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии. Красная Новь, 1939, X—XI, стр. 252—255.

4 Литературная газета, 1940, № 30, стр. 2.

5 Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии. Красная Новь, 1939, X—XI, стр. 256.

6 Исторический вестник, 1892, № 4, стр. 90.

Г. А. Никифоров

О ЗНАЧЕНИЯХ АФФИКСА *-ЛАР* В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Формальным выражением множественного числа в якутском языке является аффикс *-лар* (исходная форма, присоединяемая к основам, кончающимся на гласный звук) с его фонетическими вариантами:

-лар (-лэр, -лор, -лөр),
-тар (-тэр, -тор, -төр),
-дар (-дэр, -дор, -дөр),
-нар (-нэр, -нор, -нөр),

обусловливаемыми в отношении изменения гласных внутри аффикса сингармонизмом, т. е. уподоблением гласных звуков аффикса гласным звукам основы, а в отношении изменения начальных согласных аффикса зависимостью от последнего согласного основы. Аффикс множественного числа *-лар* употребляется с различными оттенками значений, вытекающими из содержания предложения, из синтаксических отношений слов в предложении. Аффикс *-лар*, присоединяясь к непроизводной и производной основе слова, составляет с ней органическое единство значения.

Выражение неопределенного множества

Первым и основным значением аффикса *-лар,* в котором он выступает почти во всех тюркских языках, является обозначение множественного числа имени.

Примеры: *аттар* 'лошади' (от непроизводной основы *ат* 'лошадь' + *лар*), *ааннар* 'двери' (от непроизводной основы *аан* 'дверь' + *лар*), *балыксыттар* 'рыбаки' (от производной основы *балыксыт* 'рыбак' + *лар*), *кулунчуктар* 'жеребята' (от производной основы *кулунчук* 'жеребенок' + *лар*) и т. д. В этом значении *-лар* обозначает неопределенное множество одного имени безотносительно к их разнородности. *Аттар* — это лошади вообще, неопределенное количество лошадей, даже возможно, что это отдельные группы (табуны) лошадей, но которые при необходимости могут быть подсчитаны.

Имена как в единственном, так и во множественном числах принимают лично-притяжательные аффиксы, например: *аттарым* 'мои лошади', *ат-*

тарың 'твои лошади', *аттара* 'его лошади', *аттарбыт* 'наши лошади', *аттарғыт* 'ваши лошади', *аттара* 'их лошади'. Лично-притяжательные аффиксы 1-го л. ед. ч. в слове *аттарым* и 3-го л. ед. и мн. ч. в форме *аттара* не говорят нам, о каком количестве здесь идет речь, то ли об одной, то ли о многих лошадях. Формы *аттарым* и *аттара* свою количественную определенность получают лишь в предложении. Лично-притяжательная форма *аттара*, взятая отдельно, может иметь три разных значения: 'его лошади', 'их лошади' и 'их лошадь'; чтобы выявить ее конкретное значение, нужно исходить из синтаксиса, из всего содержания предложения. Возьмем примеры:

1) *кини аттара күрүҕэ тураллар* 'его лошади в загоне стоят';

2) *кинилэр аттара күрүҕэ тураллар* 'их лошади в загоне стоят';

3) *кинилэр аттара күрүҕэ турар* 'их лошадь в загоне стоит'.

Из примеров видно, что определяющим конкретное значение слова *аттара* является контекст, а в нем — согласование подлежащего с сказуемым в числе.

В первом примере в слове *аттара* аффикс -*лар* выражает идею множественного числа, а во втором примере, в отличие от третьего, где в слове *аттара* аффикс -*лар* согласован в числе с определением, выраженным местоимением 3-го л. мн. ч. *кинилэр* 'они', согласование определения с определяемым в числе нарушено из-за утраты теоретически возможного вторичного аффикса -*лар* (было бы *аттардара*, но осталось *аттара*).[1]

Выражение собирательности

В присоединении к собственным именам — названиям городов, колхозов, районов, сел, деревень и к другим географическим названиям — аффикс -*лар* образует вместе с ними имена со значением коллективности, собирательности. В этом случае аффикс -*лар* выступает в значении собирательности, отличном от значения, обозначающего множественное число имени. Собственные имена с аффиксом -*лар* обозначают коллектив, семью, группу людей, выступающих под одним общим именем. Последним является лицо, пользующееся признанием других. Примеры:

1) *Эрдэлиирдэр төрдүөлэр: ити кырдьаҕас эмээхсин, кини улахан уоҕла Сөдүөт..., ол киһи ойҕо Маайа уонна эмээхсин кыра уола Митэрэй...* 'Эрдэлииров четверо: вот эта старая старуха, ее старший сын Федот, того человека жена (его) Майя и младший сын старухи Дмитрий' (Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм, стр. 11); в этом примере семья из четырех человек известна другим людям по имени одного из них, главы семьи, носящего имя Эрдэлиир;

2) *Болтоойоптор уонча оҕолоохтор, биир ынахтаахтар.* 'Болтойоп'ы имеют около десяти детей, имеют одну корову'; здесь семья из двенадцати человек известна по имени главы семьи Болтоойоп;

---

[1] Ср. башкирский яз.: проф. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. 1948, стр. 58.

3) приведем еще один пример, где подлежащее, выраженное собирательным именем (как воплощение множества), согласуется в числе со сказуемым, выраженным глаголом настоящего времени 3-го л.: *Лэглээриннэр киниц сирэйин—харабын одуулаhаллар, туГу этэрин кэтэhэллэр* (Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм, стр. 66) 'Лэглэрин'ы всматриваются в его лицо (глаза), ожидают, что он скажет'.

Обозначение коллектива людей по собственному имени

Названия городов, колхозов, районов, сел, деревень, рек, озер и т. д., выступающие с аффиксом *-лар,* обозначают их обитателей, живущих в них или около них, объединенных одним именем, например, *якутскай-дар* — 'якутские' (жители города Якутска), *өлүөхүмэлэр* 'олекминские' (жители города Олекминска), *сталиннар* 'сталинцы' (колхозники из колхоза им. Сталина), *калининнар* 'калининцы' (колхозники из колхоза им. Калинина), *мэңэлэр* 'мегинцы' (жители из района Меңэ-Хаңалас), *намнар* 'намцы' (жители Намского района), *мархалар* 'мархинцы' (жители села Марха), *табаҕалар* 'табагинцы' (жители деревни Табага), *бөлүүлэр* 'вилюйцы' (жители по р. Вилюй), *хаатылымалар* 'хатылыминцы' (население, живущее около или у оз. Хаатылыма) и т. д.

Нужно заметить, что эти же географические названия иногда могут принять аффикс *-лар* для обозначения их множественного числа безотносительно к обитателям, если имеются несколько одноименных, например: *Халымалар* 'реки Колымы', *Хаастаахтар* 'озера Хастахи' и др., но их употребление очень редкое.

Выражение периодической повторяемости слов

Имена, обычно употребляющиеся в единственном числе, как, например, *саас* 'весна', *сайын* 'лето', *күһүн* 'осень', *кыһын* 'зима', *итии* 'жара', *тымныы* 'холод', *сассыарда* 'утро', *киэһэ* 'вечер', названия праздников, выступают с аффиксом *-лар* для обозначения их периодической повторяемости, например:

1) *ким өйдүүр ньиргийэр этиңнээх, сиккиэлээх, самыырдаах сааставры?* (К. Урастыров. Коммунист Семен) 'кто помнит весны с раскатистым громом, пургой и дождями?';

2) *кураан сайыннар ааспытлар* 'засушливые лета прошли';

3) *урукку күһүннэргэ кинилэр бу күөллэртэн элбэх балыгы ылбыттара* 'в те (прежние) осени они из этих озер добывали много рыбы';

4) *ааспыт кыһыннарга кини элбэх бөрөнү өлөрбүт* 'в прошлые зимы он убил много волков';

5) *билигин улахан тымныылар уурайдылар* 'сейчас большие холода прекратились';

6) *Чоңкунаан оҕонньор кэлэн олоңхолуур үөрүүлээх киэһэлэри учугэйдик өйдүүбүн* 'хорошо помню радостные вечера, когда приходил старик Чонкунаан и пел олонхо';

7) *биһиги Первай Маайдары үөрүүлээхтик көрсөн атаарабыт* 'мы Первые Маи (праздники), радостно встречая, празднуем'.

Каждое из этих имен мыслится как нечто целое, но которое может быть раздроблено на отдельные единицы (*күннэр* 'дни'), если в этом есть необходимость, — вот в этом заключается множественность каждого такого имени в отдельности. Например, имя *сайын*, представляемое как одно понятие, очень редко употребляется во множественном числе.

Выражение качественного отличия веществ и их размещения в пространстве

Имена дифференцируются по числам в зависимости от их количественного и качественного состояния и занимаемого ими места. Так, вещественное имя употребляется в единственном числе до тех пор, пока оно мыслится как единое, неразложимое целое, но как только в это единое целое вторгается человеческая мысль с орудием расщепления его на части и выявления его размещенности в пространстве, тогда это имя принимает аффикс множественного числа *-лар*, указывающий в этом случае на его разновидности, на качественные отличия отдельных единиц вещественного имени друг от друга и на их разбросанность по разным местам. Для примера возьмем вещественное имя *отон* 'ягоды, 'ягода', являющееся общим наименованием всех видов ягод, но когда к нему прибавляется аффикс *-лар,* тогда мы получаем форму *оттоннор* 'ягоды', которая, обнаруживая содержание первоначальной формы *отон*, будет означать отдельные виды ягод, разбросанные по разным местам, но это еще не множественное число одного вида. Слово *отон* как общее понятие состоит из следующих разновидностей ягод: *уулаах отон* 'брусника', *уҥуохтаах отон* 'костяника', 'толокнянка', *хаптаҕас* 'красная смородина', *моонньоҕон* 'черная смородина', *сугун* 'голубица' и т. д. Каждая разновидность, например *хаптаҕас* 'красная смородина', состоит из отдельных ягод и является, в свою очередь, собирательным именем без форманта множественного числа, но наличие последнего означало бы не множественное число, а его нахождение на разных местах, например: *хаптаҕастар* 'красные смородины', находящиеся на разных местах; *хаптаҕастардаах сир* 'место, имеющее красные смородины в нескольких местах'; *кумах* вещественное, собирательное имя 'песок', а в предложении *өрүс ортотугар кумахтар үөскээбиттэр* 'в середине реки образовались пески' *кумахтар* указывает на множественность собирательного имени, но никак не на множественное число отдельного (песчинка > песчинки); *уулардаах тыа* 'лес, имеющий воды на разных местах'; *ойом-сойом ойдордоох Ураанайдаах хонуута* 'с отдельными рощами поле Уранайдах'.

В приведенных примерах аффикс *-лар* выступает в значении показателя множественного числа общего понятия, множественность которого заключается в его групповом размещении в пространстве.

Выражение возвеличительно-ласкательной окраски слов

Из художественной литературы и из устного разговорного языка нам известно, что под формой *аттарым* иногда понимают одну лошадь, например: *аттарым, суһаллык сиэлбэхтээ*![1] 'лошадушка моя, быстрее порыси!'. Здесь человек, едущий на одной лошади, обращается только к ней одной, а не к многим другим лошадям, причем с оттенком возвеличения своей лошади, приравнивая ее по качеству к хорошим лошадям. Значит, в этом примере мы видим не множественное число имени, а единственное число имени в возвеличительно-ласкательной форме; последняя выявляется значением аффикса *-лар* в слове *аттарым* в этом предложении. И также нет основания видеть в этой форме множественное число из-за вежливого обращения к любимой лошади, так как множественное число как форма вежливого обращения в якутском языке не употребляется.

Употребление аффикса *-лар* в функции возвеличительно-ласкательной может быть подтверждено следующими примерами:

1) *арылыйар куннэрим*
алаарыйар халлаантан
артыал-колхоз кыраайын,
алгыыр иурдук, уһунна.
(Урастыырап. Талыллыбыт айымньылар, стр. 54).
'Ясное солнышко (мое)
в небесной лазури,
колхозную землю
приветствуя, плыло'.

2) *...күндүл күлүм халлаантан*
күөнэ маҕан күннэрбит,
күндү таастын күөгэйэн,
көмүс аалыы кыымнарын
кууүгуначчы тохпута.
(Урастырап. Талыллыбыт айымньылар, стр. 58).
'С чистого ясного неба
пресветлое солнышко наше,
как камень бесценный плывя,
золотистые искры свои
обильно рассыпало'.

Күн 'солнце', обычно употребляющееся в единственном числе, не могло и в данном контексте принять аффикс множественного числа, значит и здесь аффикс *-лар*, подкрепляя наше мнение о форме *аттарым*, выступает с тем же самым возвеличительно-ласкательным значением. Возвеличение или превознесение солнца и ласкательное отношение к нему могут быть объяснены самой природой крайнего севера, где его появление вызывает большую радость и связано с оживлением природы после долгой зимней «спячки».

Выражение уничижительного и некоторых других оттенков при местоимениях

Сложное по своему семантическому значению образование представляют формы *мигиннэр*, *эйигиннэр,* которые обычно употребляются или с аффиксом принадлежности третьего лица, или с аффиксами винительного

---

[1] Ср.: Т. Ковальский. О семантических функциях суффикса множественного числа -lar, -lär в тюркских языках. Краков, 1936, стр. 7. (На немецком языке).

и совместного падежей. Эти формы при употреблении их с аффиксом принадлежности обозначают принадлежность *мигигин* 'меня', *эйигигин* 'тебя' к 3-му л. мн. ч., например: *мигигиннэрэ суох сүгүн олордуннар* 'без меня спокойно пусть живут', здесь *мигигиннэрэ суох* буквально означает 'меня ихнего нет'; *эйигиннэрэ суох чуумпураллар* 'тебя ихнего нет скучают', т. е. 'без тебя скучают'. Эти же формы (*мигигин* и *эйигин*; кстати, *мигигин* 'меня' — вин. пад. личного местоимения *мин* 'я', а *эйигин* 'тебя' — вин. пад. личного местоимения *эн* 'ты') с аффиксом винительного падежа (по существу второго вин. пад.) выражают собирательность с уничижительным оттенком, например: *мигигиннэри ылаллар* '(всех) и меня даже берут' является как бы продолжением предшествующей мысли, 'всех берут, и меня даже берут'. *Мигигиннэри эйигиннэри* 'даже и меня и тебя (и всех других) приглашают'. Эти же формы с аффиксом совместного падежа выражают почти то же значение, например: *мигигиннэрдиин оонньоотубут* 'даже со мной все играли', т. е. 'все играли и даже я в том числе' (так говорят старики, которые очень редко принимают участие в игре молодежи); *эйигиннэрдиин итинниккит* 'и даже с тобой все этакие вы', т. е. 'и даже ты с ними этакие вы (все)'. Личные местоимения во множественном числе *биһиги* 'мы', *эһиги* 'вы' при употреблении с аффиксом -*лар* имеют два смысловых оттенка в зависимости от того, будет ли аффикс -*лар* присоединен к чистой основе местоимения или к основе с аффиксом винительного падежа, например: *биһигилэрэ да суох олоруохтара* 'и без нас поживут' (букв. 'мы ихнего нет и поживут'); *биһигиннэрэ суох сатамматтар* 'без нас всех не могут жить' (букв. 'всех нас ихнего нет не могут жить').

Аффикс -*лар* при количественных числительных

Количественные числительные, например *биэс* 'пять', *алта* 'шесть' и др., как выразители количественной определенности не могут быть употреблены во множественном числе, так как они постоянны в своем количестве, следовательно аффикс -*лар* при количественных числительных не является показателем их множественного числа, а выступает в функции аффикса сказуемости в 3-м л. мн. ч., например: *кинилэр биэстэр* 'они пять (их)', или 'их пять'; на вопрос: «Сколько у вас лошадей?» — последует ответ: *алталар* 'шесть их' или *аттарбыт алталар* 'наших лошадей шесть их'.

Когда от большого количества отсчитывают отдельными единицами некоторое количество, откладывая их на другое место, то иногда в этих случаях к числительным прибавляют аффикс -*лар*, например: *биирдэр, иккилэр, үстэр, түөртэр, биэстэр, алталар* и т. д. 'один он, два они, три они, четыре они, пять они, шесть они'; вместо «они» можно сказать и «их». Такой счет, видимо, был применим лишь к живым существам, так как личные местоимения употребляются только вместо существительных, обозначающих людей и животных.

Аффикс *-лар* в значении соединительного союза

Аффикс *-лар* нередко выступает в функции соединительного союза при однородных членах предложения, например:

1) *Сибиирдэр, Ураллар, Кавказтар тутуунан ньиргийэн турдулар* (Урастырап. Коммунист Семен) 'и Сибирь, и Урал, и Кавказ строительством (букв.: стройкой) загрохотали';

2) *Бастаан туран Машалар, Дашалар, Сашалар, Варялар бааралаатылар* (А. Кулаковский. Ырыа-хоhоон, стр. 215) 'сначала и Маша, и Даша, и Саша, и Варя парами танцовали';

3) *Сашалар, Дашалар чардаастаан сайбаранцастылар* (А. Кулаковский. Ырыа-хоhоон, стр, 217) 'и Саша и Даша танцовали чардаш';

4) *кустар, хаастар, андылар — бары кэллилэр* (Грамматика для 4-го класса, стр. 8) 'и утки, и гуси, и турпаны — все прилетели';

5) *Ньукүүскалар Дьөгүөрдэр ини биилэр* 'Николай и Егор — братья'.

При раздельном употреблении имена с аффиксом *-лар*, за исключением собственных имен, обычно не употребляемых во множественном числе, например Сибирь, Урал, Кавказ и др., могут обозначать их множественное число, но в приведенных примерах аффикс *-лар* выступает в синтаксической функции соединительного союза.

Выражение множественного числа 3-го л. в глагольных формах

Аффикс *-лар* в глагольных формах служит показателем множественного числа 3-го л. Примеры:

1) *Сибэкки бэртэрэ сирбитин саптылар* (Урастырап. Талыллыбыт айымньылар, стр. 66) 'лучшие из цветов нашу землю покрыли';

2) *онтон дьиэлээхтэри дьиэттэн таhааран бараннар, Зояны эмиэ доппуруостаан муҥнаатылар* (Амма Аччыгыйа. Сэhэннэр, стр. 39) 'Затем домохозяев из дома выгнавши, Зою опять допросами мучили';

3) *Ленин сирин дьонноро айылҕаны кыайаллар* (Урастырап. Талыллыбыт айымньылар, стр. 50) 'Люди ленинской земли природу побеждают';

4) *Колхозка, үлэтин хайҕааннар, саҥа дьон элбэхтик киирэллэр* (Урастырап. Коммунист Семен) 'в колхоз, одобряя его работу, вступает много новых людей';

5) *Полялар, Толялар, Олялар полькалаан бойбороҥностулар* (Кулаковский. Ырыа-хоhоон) 'и Поля, и Толя, и Оля польку танцовали';

6) *оҕолор үөрэҕи үлэни таптыыллар* 'дети любят труд и ученье';

7) *кинилэр дьиэлэригер бардылар* 'они ушли домой'.

Итак, мы видим, что аффикс *-лар* выступает не в одном, а в нескольких значениях и что эти значения при присоединении аффикса *-лар* к имени изменяют лексическое значение последнего.

А. П. Окладников

КОНЬ И ЗНАМЯ НА ЛЕНСКИХ ПИСАНИЦАХ

В долине р. Лены на священных в прошлом для ленских бурят скалах у дер. Шишкино имеются многочисленные древние изображения различных времен. Одна из самых обильных и богатых по содержанию хронологических групп шишкинских наскальных изображений относится к тому времени, когда в верховьях р. Лены жила древняя тюркоязычная народность, занимавшаяся скотоводством и земледелием, знакомая с фонетическим письмом, пользовавшаяся руническим шрифтом орхоно-енисейского типа.

Народ этот (по всем признакам курыканы орхонских надписей, гулигань или кули китайских летописей, кури или фури восточных писателей) достиг уже достаточно высокой ступени общественного развития.

Ленские писаницы бросают определенный свет и на эту сторону его жизни.

Остановимся на двух примерах — рисунках лошадей и знамен, на которые мне уже приходилось попутно указывать в первом томе «Истории Якутии с древнейших времен», изданном в Якутске. Здесь эту интересную тему мы можем развить подробнее и обстоятельнее, как она этого и заслуживает.

Лошади шишкинских писаниц курыканского времени имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник — в виде султана из перьев или волос. С узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или науз. В некоторых случаях подобные кисти видны и под брюхом коня. Они, должно быть, спускаются с седла или чепрака.

Такой пышный конский убор хорошо известен по одновременным археологическим памятникам иного рода — металлическим плоским фигуркам из Минусинского края[1] и Забайкалья. На фигурке, найденной в долине р. Чикоя, «конь украшен красивой сбруей: на нем одета узда, снабженная подшейной кистью и налобным султаном. Эта подшейная кисть — характерное украшение для праздничного центрально-азиатского убранства».[2]

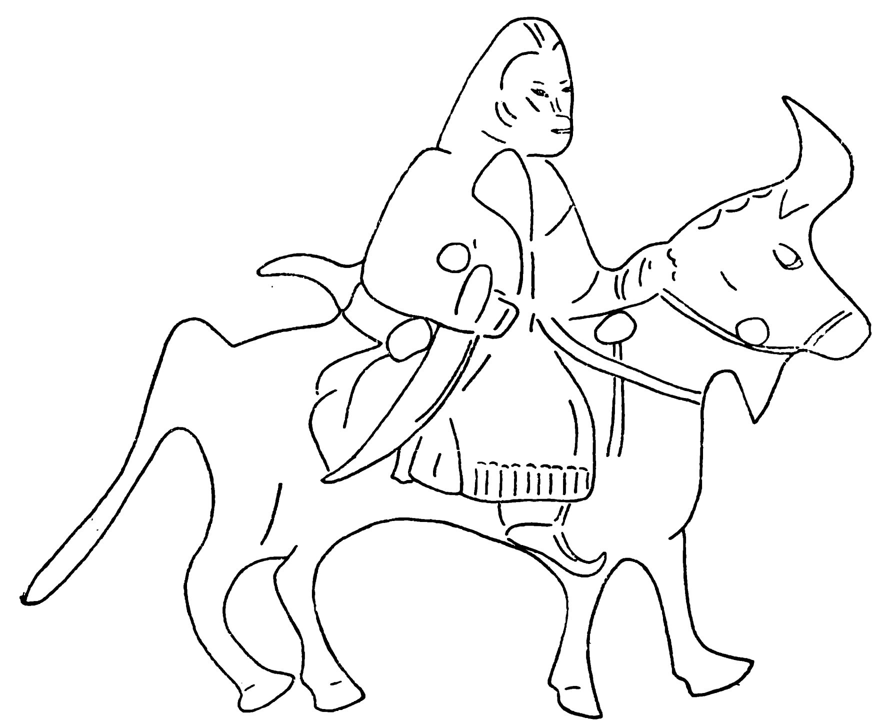
---

[1] В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 68, табл. XVI, рис. 14.

[2] П. С. Михно и Б. Э. Петри. Чикойский всадник. Труды Секции археологии РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 225.

Образцы подобных украшений обнаружены также и в могильниках данного времени на территории Восточной Европы. В Салтовском могильнике найдено погребение коня «с серебряным головным убором в виде умб с трубкой для насадки султана»; в других случаях трубка для султана была бронзовой, золоченой.[1]

Вообще же, однако, эта подшейная кисть, как указывал еще В. В. Стасов в своем исследовании о катакомбных фресках из Керчи, появляется

Изображение всадника, найденное на р. Чикое Бурят-Монгольской АССР. (По рисунку П. П. Хороших).

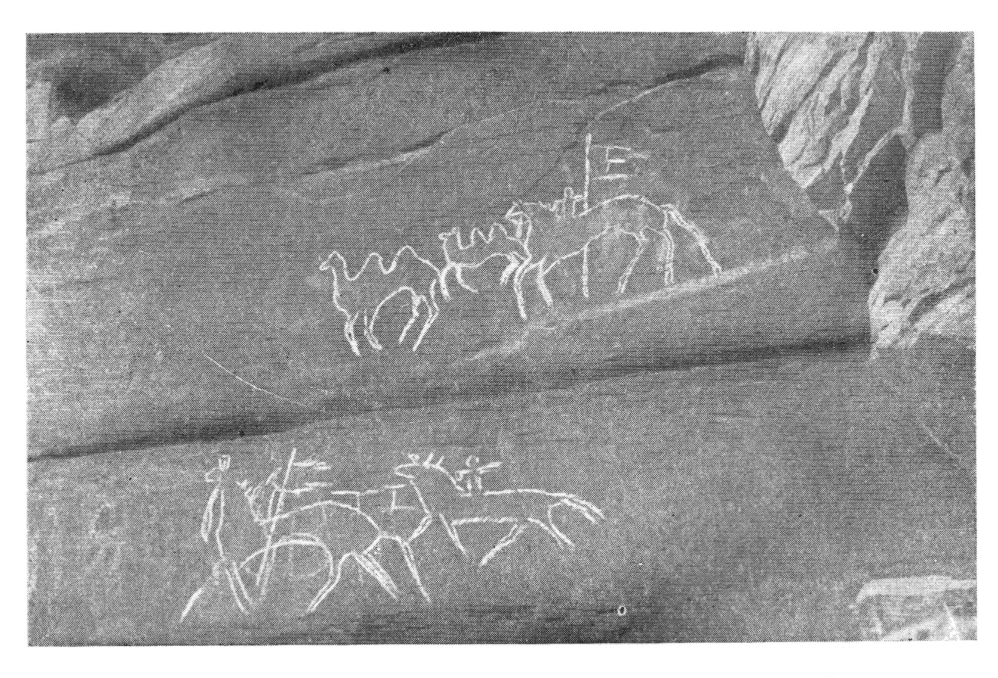
очень редко на Западе и часто на Востоке. «Пантикапейцы, — пишет он, — следовали здесь опять-таки азиатским преданиям: уже в древнейшие времена ассирийские кони носили подобные украшения и точно такие же кисти привешивались под морду у коней разных азиатских народов, изображенных на памятниках искусства и которых определить теперь уже невозможно. Во времена после рожд. Хр. мы видим подобные же кисти на конях именитых сасанидов».[2]

---

[1] В. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г., т. I, М., 1914, стр. 454, 472, 474; он же. Дневник раскопок в Верхнем Салтове, произведенных в 1905—1906 гг. Труды XII Археологического съезда, М., 1907, стр. 390.

[2] A. Zakharow and W. Arendt. Studia Levedica. Arhaeologia Hungarica, XVI, 1934, рис. 26; В. В. Стасов. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи. Отчет Археологической комиссии за 1872 г., СПб., 1875, стр. 306; Собрание сочинений В. В. Стасова, 1847—1848 гг., т. I, СПб., 1894, стр. 271—272.

Изображение всадников на шишкинских скалах.

Изображение всадников и верблюдов на шишкинских скалах.

Султаны с подшейными кистями были широко распространены у кочевников и позже — вплоть до современности.[1]

Они имели, как справедливо указывал В. В. Стасов, магический характер, будучи талисманами-оберегами, но, вместе с тем, означали и выдающееся общественное положение их владельцев.[2] По мнению М. И. Ростовцева, на античных росписях керченских склепов «размерами кисти или самой кистью обозначался высокий ранг изображаемого лица».[3] Такое предположение подтверждается для более позднего времени сведениями об употреблении подшейных кистей у сельджуков в качестве знака особо отличившихся знатных воинов: «бахадуры и алпы, проявившие себя на войне подвигами, уничтожившие неприятельские отряды, награждались султаном; к шее лошади подвязывали „кутас“ — хвост яка, вделанный в золотое украшение; так алпы выделялись среди рядовых воинов».[4]

Подчеркнутая тщательность и забота, с которой вырисованы на ленских скалах фигуры самих лошадей, переданы их формы и движения, обрисованы детали их пышного убора, заставляют вспомнить о тех боевых лошадях, личные имена которых сохранились до нашего времени на могильных памятниках древнетюркских ханов из долины Орхона, или о семи любимых конях их современника, воинственного императора Танской династии Тайцзуна, портретно изображенных на его могиле с мельчайшими деталями сбруи и походного вооружения.[5]

Кони ленских наскальных изображений, несомненно, тоже были боевыми товарищами своих владельцев, соучастниками их военных подвигов и славы. Они, вероятно, тоже имели свои громкие имена и почетные прозвища, как отмеченный в надмогильной стеле в честь Кюль-Тегина белый жеребец Байырку, пострадавший во время битвы с кыргызами в Черни Сунга, как другой его белый конь Алп-Шалчи, конь Огсиз или те три коня, о которых упоминается в рассказе о битве Кюль-Тегина с китайским полководцем Чача-Сенгуном: «Когда ему, Кюль-Тегину, наступил 21 год, мы сразились с Чача-Сенгуном. Кюль-Тегин повел атаку, сев на своего светлосерого коня Тадык-Чура; этот конь там пал. Он пересел на светлосерого коня Ышбара Ямтар, и этот конь там пал. В третий раз он вскочил на уступленного ему оседланного гнедого коня Йегин-Силиг бега и бросился в атаку, но и этот конь там пал».[6]

Особое положение коня, являющегося участником подвигов своего хозяина, отражено и в современных эпических произведениях тюрко-

---

[1] В. В. Стасов, там же.

[2] Там же.

[3] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913 (текст), стр. 310.

[4] В. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 153.

[5] Sirén Oswald. Histoire des Arts anciens de la Chine, III. La Sculpture de l'epoque Han a l'epoque Ming. 193 , стр. 68—69, табл. 93.

[6] Е. Г. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 310; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Записки Восточного отделения Русского Археологического общества, т. XII, вып. II и III, СПб., 1899, стр. 72.

монгольских племен Сибири. Конь в них является верным другом своего хозяина, выручающим его из беды, храбрым товарищем в битвах и умным советчиком, указывающим, как следует поступать в трудных случаях, и предупреждающим его об опасностях.

Кроме того, наименование масти коня входит даже и в прозвание его владельца. В алтайских былинах упоминаются, например, «богатырь Тас, имеющий бело-саврасого коня», «богатырь Кара-Мас, у которого вороной конь с обратной шерстью», горный дух, ездящий «верхом на сине-сивом коне», «богатырь Ай-Долай на бело-голубом коне с золотой шерстью».[1] Такая роль боевого коня в жизни степных племен нашла отражение и в позднейшем эпическом творчестве народов Сибири.

В бурятском эпосе конь героя спускается с неба или рождается по определению богов; он воспитывает сироту — будущего героя, а разум его иногда больше, чем у самого хозяина.[2]

В якутском эпосе конский скот вообще имеет небесное происхождение. Богатырские же кони посылаются божеством конского скота Джесегеем их владельцам из страны солнца, с верхнего мира. В критические моменты они говорят на языке ураанхай-сахаларов и помогают богатырям своими мудрыми советами. Эти богатырские кони вообще одарены волшебными свойствами и особыми интеллектуальными качествами.[3]

Особое назначение и роль боевых коней, изображенных на писаницах, отражается и на их внешнем облике, определяя его общий характер — экстерьер. Художник всегда стремился передать черты особой породы, облик рыцарского коня, предназначенного не для повседневной трудовой жизни степного скотовода, а для военных дел, для рыцарских забав и утех. Перед его глазами стояли высокие кони с маленькой горбоносой головой, посаженной на круто выгнутой лебединой шее, кони с сильной грудью и тонкими сухими ногами неутомимого скакуна.

Своеобразная стилизация конских фигур в писаницах еще более усиливает эти реальные черты, — показывает их в подчеркнутом виде и нередко обостряет почти до гротеска.

В общей стилизации ленских наскальных рисунков имеется поэтому много совпадений с характерными приемами изображения лошадей в феодальном византийском и древнерусском искусстве. Кони древнерусских икон, византийской живописи и миниатюр сближаются с лошадьми курыканских писаниц своей подчеркнутой хрупкостью и изысканно-манерным аристократическим изяществом общих очертаний, в особенности же круто выгнутыми «лебедиными» шеями.

Но, при всем этом, кони ленских писаниц все же вызывают в памяти облик вполне реальной большой разновидности лошадей. Как известно,

---

[1] Алтайский эпос «Когутэй». Academia, 1935, стр. 175.

[2] Г. Д. Санжеев. Эпос северных бурят. (См.: «Аламжи-Мэрген». Бурятский эпос. Academia, 1936, стр. XVIII)

[3] Сборник трудов Исследовательского общества Саха-Кескиле, вып. 1, 1927, Якутск, 1927, стр. 117—118.

иппологи делят лошадей, в соответствии с их физиологическими и конституционными признаками, на две большие группы.

В первую группу входят «лошади быстрых аллюров» (верховые кони, скакуны и рысаки), во вторую — «лошади шага» (тяжеловозы, рабочие кони). В основе такого деления лежат их физиологические различия: лошади первого типа обладают «горячей кровью»; их пульс бьется чаще, дыхание быстрее, температура выше, кровь их гуще, богаче красными тельцами; у лошадей «хладнокровных» температура ниже на 0.4°, пульс вместо 30—40 дает 33—35 ударов, дыхание ограничивается 9—11 вдохами и выдохами в минуту вместо 12—14.[1]

Родина коней с горячей кровью — в Азии и Африке, в местностях сухого и теплого климата со скудными сухими пастбищами.

Лошадь пустыни, отличающаяся от всех других своим пылким и нервным темпераментом, по словам специалистов, представляет «ценнейший тип, передававшийся, как драгоценность, от одной цивилизации к другой, от одного культурного народа к другому».[2]

Именно такую лошадь — этот идеальный образ боевого коня в глазах воинственных степняков, лучшего скакуна в мире — вероятно и имели в виду мастера ленских писаниц курыканского времени.

Нельзя не отметить поэтому замечательного совпадения лошадей ленских писаниц с образом богатырского коня в казахском эпосе. Обращаясь к своему коню Тарлану, богатырь Ер-Таргын, например, восклицает:

Ты мой короткозапястый конь,
Узкопоясничный конь,
Мой широкогрудый конь,
Высокоголовый конь.[3]

Все, без исключения, перечисленные здесь черты богатырского коня характерны и для лошадей, изображенных на ленских скалах.

Но эти кони, одетые в пышный убор с кистями и султанами, не могли, разумеется, принадлежать рядовым общинникам, простым смертным. Они, несомненно, принадлежали только небольшому аристократическому слою местного населения, той «благородной» верхушке древнего общества, чьим основным занятием были пиры, охота и война; чья жизнь протекала и часто заканчивалась, как это было у древних тюрков на Енисее и в Монголии, на полях сражений или в борьбе с диким зверем во время охоты.

Неудивительно поэтому, что на ленских скалах встречаются не только отдельные фигуры конных воинов, но и тщательно выполненные композиции, изображающие сцены военных действий и охоты.

На одном рисунке изображена, например, группа пеших воинов, поднявших руки вверх, и воин, стреляющий в них из лука. На другом рисунке видно, как всадник со знаменем в руке гонит перед собой двугорбых

[1] Кулешов и Новиков. Коневодство. М.—Л., 1933, стр. 49.
[2] Н. А. Юрасов. Разведение лошадей. (См.: Книга о лошади. Сельхозгиз, 1933, стр. 47).
[3] Песни степей. Антология казахской литературы. М., 1940, стр. 56.

верблюдов, может быть изображающих отогнанное от врагов стадо (рис. 2). На третьем рисунке всадники скачут за сохатыми, стремясь набросить арканы-лассо на их широко разветвленные рога.

В особенности важна для понимания социально-политических отношений у курыканов такая деталь шишкинских писаниц, как знамя, находящееся в руках некоторых всадников (рис. 2).

Знамена всегда изображены здесь в виде четырехугольников, почти квадратов, перпендикулярно прикрепленных на конце длинного прямого древка. Сбоку от них отходят три поперечных линии, вероятно изображающих три хвоста знамени, которые должны были развеваться по ветру. Знамена, несомненно, были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей всего рисунка, был относительно небольшим, не более метра.

Древнейшие знамена степных племен имели, подобно переднеазиатским,[1] иной вид. Это были фигурные изделия из меди и бронзы, характерные для скифской культуры Восточной Европы и одновременных ей степных культур Центральной Азии — вплоть до Ордоса и Северного Китая, — так называемые «навершия», изображающие различных животных и, в очень редких случаях, человека.[2]

Такими были и знамена орхонских тюрков. Из китайских источников известно, что знамена тюрков имели вид сделанной из золота волчьей головы, так как волк считался предком-тотемом тюркского племени. Китайцы сообщали о правящем роде тюрков, что он произошел от волчицы, в числе детей которой был Ашина — «человек с великими способностями, и он был признан государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головою в воспоминание своего происхождения».[3]

«Волчьи» знамена древних тюрков представляли, повидимому, такие же фигурные штандарты, как знамена с головой дракона в сасанидском Иране или с орлами у римлян.

Но, наряду с металлическими фигурными штандартами, у различных народов Азии существовали и матерчатые флаги, вполне аналогичные изображениям на ленских скалах. У тех же иранцев были войсковые знамена из материи с развевающимися на них вырезами-хвостами. Они видны, например, на серебряном блюде, найденном в 1909 г. у д. Аниковой Чердынского уезда Пермской губернии, изображающем, как полагают исследователи, занятие крепости иранцами и внесение в нее священного огня.[4]

---

[1] F. Sarre. Die Altorientalische Feldzeichen mit besonderer Berücksichtung eines unveröffentlicheten Stückes. Klio, III, 1903.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пгр., 1918; Н. Толстой и Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, стр. 32—93—94; вып. III, стр. 40.

[3] G. S. Andersson. Der Weg über die Steppen. Bull. Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, 1929; он же. Hunting Magic in the Animal Style, Ibid., 1932, pl. 8, pl. XXX, 1—2. 3. Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, стр. 257, 269; В. А. Панов. К истории народов Средней Азии. Сюн-ну (хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916.

[4] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 20.

Наиболее ранние сведения о матерчатых знаменах арабов относятся к V в. н. э., когда знамя корейшитов в Мекке имело вид куска белой ткани, привязанного к копью. Глава корейшитов имел права охраны храма, обслуживания храма, председательствования в совете и поднятия знамени. Позднейшие арабские знамена хорошо известны по данным различных авторов. Они назывались «лива» и «райа». Знамена эти преимущественно были черного и белого цвета, но в различных случаях и у разных племен употреблялись знамена различных цветов. Полотнища древнейших знамен имели прямоугольную форму.[1]

Матерчатые знамена черного цвета имели соседи иранцев, тагазгазы или тогуз-гуры в X в. н. э. и, повидимому, печенеги. В 1090 г. н. э. византийцы, уничтожив печенегов, «перерядились в печенежское платье, снятое с пленных и убитых, сели на печенежских лошадей, взяли их знамена и сделались до того похожи на печенегов, что могли испугаться самих себя».[2]

О енисейских кыргызах в китайских источниках сказано, что они «на войне употребляют луки со стрелами и знамена».[3] Кыргызские знамена известны были и арабам. Абу-Долеф, арабский путешественник, от которого мы узнаем и о знаменах тагазгазов, сообщает: «знамена у них зеленого цвета».[4]

До нас дошли также подлинные рисунки кыргызских знамен того времени. На Соляной Горе в Сулеке (к западу от Батеней на Енисее, выше Красноярска) сохранилось выгравированное на камне изображение конного воина в кольчуге и шлеме, с длинным копьем, на конце которого видно прямоугольное знамя с двумя хвостами.[5]

На другом наскальном рисунке в Сулеке с «Писаной Горы» изображен скачущий во весь опор всадник. В одной руке у него повод, в другой — копье с двумя флажками, может быть обозначающими в схематической форме те же самые хвосты.[6]

Если на этих рисунках, в особенности на втором, изображены скорее индивидуальные значки — флаги воинов, то настоящие знамена в виде широких прямоугольных полотнищ изображены на замечательном каменном изваянии «кижи-таш» или «каджи-таш», находящемся вблизи устья р. Аскыз в Минусинском крае. По словам Пестова, «на одному боку изваяния видны были изображения двух человек, из которых один на лошади, в руке держит копье со значком, разделенным на три лопасти, другой — пеший,

---

[1] М. М. Гирс. К вопросу об арабских знаменах. Записки Коллегии востоковедов, т. V, стр. 343—356.

[2] В. Василевский. Византия и печенеги. ЖМНП, 1872, декабрь, стр. 254.

[3] И. Бичурин. Собрание сведений..., ч. I, стр. 445.

[4] Григорьев. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствованиях его по Средней Азии. ЖМНП, 1872, сентябрь, стр. 32—33, 34.

[5] И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, табл. VIII, рис. XVI-4.

[6] Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei. 1887—1889. Herausgegeben von Hjalmar Appelgren — Kivalo, Helsingfors, 1931, abb. 93: abb. 31.

с огромным луком, за ним стоит двугорбый верблюд. На левом боку, против самой головы, копье с таким же значком».[1]

Из приведенных примеров видно, что по своей форме ленские знамена входили в число обычных военных знамен Центральной и Средней Азии средневековой эпохи, обнаруживая притом наибольшее внешнее сходство с знаменами енисейских кыргызов.

Одинаковым было, конечно, и их значение. У всех азиатских народов знамя окружалось религиозным ореолом, пользовалось глубоким культовым почитанием.

Об уйгурском хане Гэлэ Мояньчжо китайцы писали, что он, «гордясь силою, выставил войско, подвел посла Дзы-и поклониться волчьему знамени».[2]

Такой обряд сохранялся у потомков монгольских завоевателей в Средней Азии до конца XV — начала XVI в. Сохранилось замечательное по точности описание подобного обряда, совершенного в 1502 г. между Пскентом и Самсиреком.[3]

Даже у арабов, где до ислама и при жизни Мухаммеда, по мнению М. М. Гирса, знамя не имело особого государственного и культового значения, «по мере развития военного дела, знамя, служившее ранее лишь знаком войскового объединения, начинает приобретать значение символа, с которым связана какими-то нитями судьба воинов, защита знамени становится вопросом чести и, наконец, после смерти пророка знамя начинает почитаться, как реликвия».[4]

Знаменам приносили в древности, очевидно, даже кровавые жертвы, в том числе человеческие. Так, по монгольскому преданию, черному зна-

---

[1] И. Пестов. Записки о Восточной Сибири. М., 1883; Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. Записки РГО, кн. XII, СПб., 1857, стр. 124, табл. I, рис. 4; М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, табл. VII, рис. 68, стр. 85; П. С. Паллас. Путешествие по различным провинциям Российского государства, I, ч. 3, стр. 501; Н. И. Попов. О каменных бабах Минусинского края. Известия Восточно-Сибирского отдел. РГО, II, № 4, 1871, Иркутск, 1872, стр. 60.

[2] И. Бичурин. Собрание сведений.., I, стр. 386.

[3] «По монгольскому обычаю заколдовали знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом водрузили девять бунчуков («туг»). Один монгол, привязав длинную белую бязь к средней бычачьей мозговой кости, взял [ее] в руку, а другой [монгол], привязав три куска длинной бязи к трем бунчукам пониже хвостов («кутас»), пропустил [их] под бунчучными древками. На край одной бязи ступил хан; на край другой бязи, привязанной к бунчуку, я вступил — султан Мухаммед-Ханикэ [сын хана].

«Тот монгол, который эти куски привязал, взяв в руку обвязанную бязью среднюю бычачью мозговую кость, произнося что-то по-монгольски, обратившись к бунчукам, делает знаки. Хан и все присутствующие брызгают кумысом («кумызлор») в сторону бунчуков. Один раз играют на всех гобоях («нефир») и барабанах («накарь»). Все стоящие в строю войны издают один раз боевой клич («суран»). Трижды так проделывают. После этого, сев на коней и кликнув боевой клич, все это войско мчится вдаль. Среди монголов установления («тузук») Чингиз-хана держатся поныне точно так, как Чингиз-хан их создал и оставил» (Живая старина, 1911, вып. III—IV, СПб., 1912, стр. 431—432).

[4] М. М. Гирс. К вопросу об арабских знаменах. Записки Коллегии востоковедов, т. V, 1930, стр. 357.

мени Шидырвана, погибшего в борьбе с китайцами, «прежде приносили в жертву людей, а ныне приносят скот».[1]

В халха-монгольских былинах рассказывается, что царь драконов приказал принести захваченных им богатырей в жертву своему черному знамени.[2]

Культ знамени имел основания в том, что оно мыслилось как талисман, в котором обитает дух-покровитель племени, находится могущественная сила, от которой зависит не только тот или иной военный успех, но и самое существование данного племени.

По словам Д. Банзарова, «монголы приписывают особе царя нечто божественное, какое-то особенное могущество, которое невидимо хранит его подданных, и это качество называется „сулдэ"». Материальным воплощением монгольского сулдэ служило царское знамя, прежде всего знамя самого основателя правящей в империи династии Чингиса, состоявшее из девяти бунчугов, называвшихся «сулдэ».[3]

Знамя имело, следовательно, значение священного фетиша племенного объединения, вокруг которого концентрировались все члены данного племени.

Знамя как священная реликвия, как вещественный символ общеплеменного или родового объединения, с одной стороны, и знамя как символ достоинства вождя и его титула, с другой, были неразрывно связаны друг с другом. Без знамени не могло быть вождя или хана.

Мы уже видели, что по сведениям китайских летописей, опиравшихся на предания самого тюркского народа, его прародитель и первый государь Ашина выставил знамя с волчьей головой над воротами своей ставки после того, как «признан был государем». О государе хакасов, Ажо, китайцы писали, что именно у него водружено знамя».[4]

В рассказе о гибели уйгурского государства сам кыргызский хан говорит, обращаясь к своему противнику, уйгурскому хану: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму Золотую орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя».[5]

Тот же образ знамени как символа власти хана содержится и в рассказе Абуль-Гази о поражении джагатайцев под Самаркандом: «Всевышний Господь возвысил руку Берке-Султана, а знамя Мазайяд Аргуна уронил», — пишет Абуль-Гази.[6]

О таком же значении знамени у казахов, например, можно судить по рассказам, записанным в свое время Левшиным, который сообщает, что каждый род имел прежде большое знамя и каждое отделение свой значок,

---

[1] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 308.
[2] Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 118.
[3] Д. Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов, стр. 29.
[4] И. Бичурин. Собрание сведений..., I, стр. 445.
[5] W. Schott. Über dei ächten Kirgisen. Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1864, 4, стр. 4, 433—435; И. Бичурин. Собрание сведений.., I, стр. 449.
[6] Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1905, стр. 165.

«которые все тщательно сохранялись в мирное время и вывозились только на войну; но не на баранты». Сражавшиеся делали себе значки одинакового цвета с главным знаменем и навязывали себе на руки платки, ленты или нашивали лоскутья из материи такого же цвета. Хранителем главного знамени в походах избирался один из почтеннейших султанов или старшин, который после главного начальника был первым лицом.[1]

Утрата знамени была поэтому подлинной катастрофой. Такая катастрофа случилась, например, с теми же казахами, которые во время одной неудачной битвы потеряли свои знамена. После этого они знамен уже не имели.

Казахи были разбиты ханом Рашидом у Иртыша или на Иссык-куле и потеряли девять или шесть своих знамен.[2]

Обладание знаменем было не только внешним выражением единства племени или главным признаком общеплеменной власти, но и непременным условием последней, священной гарантией влияния и господства вождя над всеми остальными членами этого объединения.

В монголо-ойратских былинах Красный Мангус видит зловещий сон, о котором рассказывает: «Будто запрыгали мои легкие и сердце. Черное знамя мое покривилось и будто завладели всеми моими стадами и подданными. Увидел я, как мучают моих верблюдов, как заставляют юрта за юртой кочевать народ мой».[3]

Представление о связи, существовавшей между знаменем самого Чингиса и его ханским достоинством, нашло яркое выражение в позднейшем монгольском фольклоре. Г. Н. Потанин записал дюрбютское предание о дочери Чингис-хана, которая при своем отъезде к мужу пожелала получить в приданое белое небесное знамя, «тэнгриин цаган тук», своего отца. «Чингис, — говорит предание, — отказал ей, сказав, что он хан, властитель, и не может отказаться от признака своей власти. Тогда дочь украла знамя и ушла».[4]

Неразрывная связь ханского или княжеского достоинства с знаменем отражена и в фольклоре степных племен, отделенных от Халхи тысячами километров.

Фарфоровский пишет о «трухменах» Ставропольской губернии: «у трухмен были два брата богатыри Берек и Эксельбай. Во время междоусобиц, возникших среди калмыков из-за неправильного наследования престола, Берек вступается за обойденного старшего брата — сына умершего калмыцкого хана. Берек один выходит против воинов, окружавших младшего калмыцкого князя. Он пробрался сквозь ряды калмыков и выхватил из рук калмыцкого князя знамя — знак княжеской власти. Знамя

---

1 А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, стр. 52—54.
2 В. В. Бартольд. Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе, 1929, стр. 38.
3 Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 70.
4 Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 324—325; Он же. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, стр. 804, 847.

это было прислано из Тибета. Оно обоготворялось народом. Знамя Берек возвратил старшему брату, который и сделался князем».[1]

Знамя, естественно, сопутствовало вождям-военачальникам в битвах. Марко Поло, например, описывая восстание Наяна против Хубилая, особо отмечает, что перед боем «высоко поднялось его, Наяново, знамя».[2] Знамя сопровождало вождей и в последний путь — к могиле.

Ибн-Фадлан слышал, что у сакалибов знатных погребали в сопровождении знамени. «После обмывания покойника, — рассказывает путешественник, — везут его на повозке, которая тащит его понемногу вместе со знаменем, пока не прибудут с ним к месту, в котором похоронят его». После похорон «жителям надлежит водружать на дверях его палатки знамя. Они приносят его оружие и кладут вокруг его могилы и не прекращают плача два года. Когда же закончатся два года, они снимают знамя и отрезают часть от своих волос, и родственники мертвого созывают знатный пир, посредством которого дается знать об окончании их печали, и если у него была жена, то она выходит замуж. Это так происходит, если он был из числа главарей». Обыкновенных людей хоронили иначе, без знамен и сложных обрядов.[3]

Аналогичная роль знамени в погребальном обряде отмечена и в недавнем прошлом у киргизов. Во время байги по случаю смерти одного из манапов юрта покойного была отмечена стягом, а затем юрта и стяг были перевезены на место поминальных торжеств.[1]

Такое значение знамени в погребальном ритуале заслуживает особого внимания в связи с ленскими наскальными рисунками, изображающими всадников с знаменами в руках, так как последние могли быть изображениями умерших вождей, соответствуя традиционным культовым фигурам — куклам или болванам, изображающим покойного вскоре после кончины в качестве вместилища его души.

В свете приведенных данных не остается сомнения в том, что знамя у всадников на шишкинских рисунках служит прямым указанием на их общественное положение и политическую роль. Гордые всадники, знаменосцы верхнеленских писаниц, являются или реальными, земными, или уже обожествленными, умершими, военно-аристократическими вождями родов и племен курыканского народа, предводителями его боевых дружин и властителями.

---

[1] С. В. Фарфоровский. Трухмены [туркмены] Ставропольской губернии. Известия Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете, XXVII, вып. 3, 1911, стр. 186.

[2] Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 78.

[3] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 77. K. Szegledy — J. Harmatta. Ibn Fadlān über die Bestattung bei den Wolga-Bulgaren. Archaeologiai Értesitö, series III, vol. VII—VIII—IX (1946—1948), Budapest, 1948, стр. 362—382.

[4] С. Е. Дмитриев. Байга у кара-киргизов по случаю смерти манапа Шабдана Джантаева в Пишпекском уезде. Журналы заседаний Отделения этнографии РГО, заседание 18 января 1913 г. Живая Старина, 1913, вып. I—II, стр. XXX.

Можно, следовательно, сделать вывод, что у курыканов на Лене существовало общество, разделенное на два основных слоя: массу, демос — внизу и аристократов — наверху общественной пирамиды. Существование у них такого аристократического строя является вполне естественным, если учесть не только общий уровень хозяйственного развития, но и весь облик этой культуры и связи ее носителей с внешним миром, определяющиеся положением их среди остальных племен.

Во всяком случае, обитателей Прибайкалья этого времени нельзя рассматривать вне связи с окружавшими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политического и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала, так и западнее Енисея.

Их страна вовсе не была глухим и диким захолустьем своего времени: культурный пульс ее бился в унисон с культурной жизнью других ее тюркских соседей, это был форпост передовой для той эпохи в Сибири культуры.

А. А. Попов

ЯКУТСКИЕ ЗАПИСИ А. Ф. МИДДЕНДОРФА

На значение работ акад. А. Ф. Миддендорфа в деле изучения якутов указывалось в литературе уже неоднократно. Несмотря на давность, его меткие замечания в отношении быта и языка до сих пор не утратили своего значения и даже в фольклорных записях сумели сохранить нам ценные крупицы старинной якутской поэзии.

Записи Миддендорфа[1] не многочисленны, но представляют большой научный интерес. Лингвистическое значение их в свое время было отмечено Э. К. Пекарским.[2] После удачных замечаний последнего, дающих так много для понимания якутской поэзии и ее содержания, трудно прибавить что-либо новое, и нам хотелось бы только вкратце указать на некоторые этнографические достоинства текстов.

Своеобразная транскрипция, не приспособленная для передачи звуков якутского языка, и некоторые ошибки, неизбежные у человека, незнакомого с языком, делают записи мало доступными для большинства желающих ознакомиться с ними, в чем, может быть, и скрываются причины забытости Миддендорфа.

Желание сделать записи более доступными для интересующихся побудило нас внести некоторые поправки в якутские тексты и попытаться сделать с них новые переводы в надежде, что более компетентные лица не откажутся помочь исправить многочисленные недочеты нашей несовершенной работы.

Хороводная песня, поющаяся на ысыах-е, нами совершенно выпускается, так как прекрасный перевод ее уже имеется.[3]

Первая запись представляет собою молитвенное обращение путешественника, очевидно охотника, при привале в дороге. Здесь мы видим, что якут в данном случае первым долгом обращается к местностям — Кӓрбї и Бурее, почтительно называя их бабушками и старухами,[4] так как

[1] А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1878, отд. VI, стр. 795—812.

[2] Э. К. Пекарский. Миддендорф и его якутские тексты. Зап. Вост. отделения имп. Русск. Археолог. общ., т. XVIII.

[3] В переводе Э. К. Пекарского в вышеупомянутой статье.

[4] Слово «старуха» принято употреблять и не в прямом смысле, в знак особенного почтения, как в данном случае.

если духи их не укроют охотника, то могут случиться различные несчастья. Далее идет обращение к духу путей с целью испросить его благоволение; затем к духу лесных зверей — Баіанаі-ю с просьбой послать хорошего зверя. Духи гор, около которых приходится проезжать охотнику, могут остаться недовольными и причинять различные козни, и якут, чтобы расположить их к себе, угощает их саламатом — масляной кашей, наливая ее в огонь.

Вторая запись заключает в себе обращение к духам с просьбой охранить путешественника и восхваление духа лесных зверей Баjанаі-я за то, что он, наполняя широкую суму, назвался имеющим хозяйство, т. е. щедрым (это обращение заключает в себе хитрую цель расположить к себе духа).

Третья и четвертая записи — «речи» (моления), произносимые при ворожбе ложкой: с целью узнать, насколько расположен к просящему в первом случае дух местности Лахарытта, а во втором — неизвестный дух. Ворожба ложкой происходит следующим образом: с произнесением слов бросают вверх деревянную ложку, подвязав к рукоятке пучок белых конских волос; если ложка упадет углублением вверх, то считают это предвестием удачи, если же упадет углублением вниз — неудачи. Шаманы, имеющие бубен, ворожат, бросая вверх колотушку бубна.

С наступлением весны и до начала сенокоса, т. е. до Петрова дня (29 июня ст. ст.), у якутов устраивались хороводы, общественные празднества ысыах-и в честь добрых божеств. Во время этих празднеств, сопровождавшихся хороводами, распевались песни, прославляющие весну и призывающие благоволение божеств и общее изобилие.

Записанные Миддендорфом приводимые ниже три песни представляют собою исключительную ценность, так как хороводные песни до сих пор не записывались и в литературе, за исключением нескольких отрывков, их почти не имеется.

С другой стороны, эти песни, изобилуя словами, вышедшими из употребления, красивыми сравнениями и эпитетами, представляют собою подлинные старинные образцы народной поэзии.

Как и всякая старина, ысыах-и вывелись, хороводные песни видоизменились под влиянием вновь появившихся в литературе песен отдельных якутских поэтов, отражающих в них современность.

Первая песня — «Песня про зелень» — представляет собою обычный вид хороводной песни, прославляющей оживление природы.

Вторая песня — «Песня про дерево» — поется на ысыах-ах.

Третья песня воспевает притоки реки Вилюя.

Из приводимых в настоящей работе фольклорных записей А. Ф. Миддендорфа наибольшую ценность представляют эти песни. Исследователи якутов мало обращали на них внимания, больше занимались изучением былин (олоҥхо).[1] Между тем, именно в лирических песнях достигает наивысшего

[1] Песен опубликовано очень мало, привожу библиографию:
Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, пословицы, собранные в Верхоянском крае И. А. Худяковым. Зап. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. общ. по Отд. этнограф., т. I, вып. 3, Иркутск, 1890.

совершенства устное народное творчество якутов (для примера можно указать на замечательную любовную песню в «Верхоянском сборнике» И. А. Худякова).

1) Отӯ малāсына

Ăбăм Кăрбī ăмăхсін, Бырајa-ăбăм, Бырајa-ăмăхсін! дјол ӯрдӯгăр кыарађаскар кыбытан, кіăңңăр кістіăн, хонноххор хорђотон тураңңын дјол[у] таба туттар, соргу ӯрдӯгăр ӯтӯӧннăн ајылā, ас ӯрдӯн іcіăђі!

Тођус тутāхтāх суол-хāн іччітă ӯчӯгăідік ălāн-міс, соргу ӯрдӯгăр бађаран [ісăбін], ісігі āккытынан ӯрдӯр ңолбун, соргубун ӯрдăт! бастыңы барат!

Уңуор орто бāі тыа іччітă, Бајэнаі ођонјор, кӯӧх сарсыарда кӯӧх кылāннāхта, хара сарсыарда хара кылāннāх(та), ардаі асы̄лахта ыјан кулу, дјорђоно сотолōхто тосујан кулу!

Мас балађаннāх āттаммыт[1] мађан āттыккыттан[2] антах кӧрӧн, кӯlӯм, кын, бăттăх кӧрӧн мічік кын!

Уңуо діăккі тођус хаја іччітă, хаңас діăккі ађыс[3] хаја іччітă, ӯӧрă хāлың, кӯндӯlӯӧтӯм ăсіăхă, асаттым, ах-чуох санāмаң: саламāтынан асаттым, бу сонор хāр ӯрдӯгăр ӯчӯгăідік ăljă сырыт!

Чāдаі ођонјор, сӯсӯӧхтāђі бӯдӯрӯтӯмă, атырңах муостāхпын арāрыма, кыламаннāђы чыпчылытыма, уоттāх харах[тāђы] утары кӧрдӧрӯмă [сыты̄] тыллāхха ăтітімă ăтăңңă ăljă сырыт!

Перевод

1) Освящение привала

Моя бабушка Кăрбī-старуха,[4] Бурея-бабушка[5] моя, Бурея старуха! На счастье давая приют в своем узком, скрывая в своем широком и укрывая в пазухе, дай[те] уловить счастье; на счастье воздай[те] добром, чтобы можно было вкушать лучшее от пищи!

Девятидержавный дух большой дороги, выказывая большое [доброе] расположение, заставь ездить благополучно, желаю [получить] высшее

Н. Виташевский. Материалы для изучения якутской народной словесности. Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. общ., XXI, № 2, 1890.
Якутская песня о водке. Живая Старина, 1890, вып. 1.
С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929.
А. А. Попов. Якутский фольклор. Л., 1936.

[1] У Мидд. ata-w-ȳt — слово, записанное неправильно, до смысла которого добраться невозможно, — переведено «коня найденного», что совершенно не подходит к месту, пришлось произвольно подобрать близкое по созвучию слово, соответствующее содержанию.

[2] У Мидд. ata $\frac{w}{m}$ ytán — переведено словом «коня»; применимо замечание, приведенное в предыдущей сноске.

[3] В записи ошибочно написано to $\frac{h\bar{u}}{gy}$ s, что не соответствует аллитерации.

[4] Кăрбī — река в Якутской республике (Словарь Э. К. Пекарского, вып. IV, СПб., 1916).

[5] Бурея — левый приток р. Амура.

счастье, подними наше благополучие, возвеличь наше счастье, возвышаемое вашими именами, дай довершить главное!

На той стороне дух среднего богатого леса Бајанаі-старик,[1] голубым утром укажи на имеющего темную шерсть и редкие клыки, дай нам встретить имеющих стройные голени! Прослывший имеющим деревянную юрту от моей светлой дороги, смотря туда, улыбнись, смотря сюда, усмехнись!

На правой стороне духи девяти гор, на левой стороне духи восьми гор, оставайтесь радуясь, угостил и накормил вас, не подумайте худо: накормил вас саломатом,[2] по верху этого глубокого снега позволь ездить благополучно! Ча̄даі-старик,[3] не дай споткнуться имеющему суставы, не отделяй от меня имеющих вилообразные рога [коров], не заставляй мигать имеющего ресницы,[4] не заставляй смотреть имеющего огненные глаза,[5] не заставляй говорить речистого, позволь ездить благополучно!

2) Вторая посвятительная речь

Тоҕус тута̄хта̄х суол-ха̄н іччітӓ Сыры̄-Ха̄н, Сырынаі-Тӯргӓн, Сырынаі-Кы̄с, Кураҕаччы-Сӯрӯк, Курулаі-Бӓргӓн, Сулкун-Ӓккін, Ӓлік-Ханда, аса̄н-сіӓн туруӊ, тојотторбут! Дјол ӯрдӯгӓр ӯöрӓн-кöтöн ӯчӯгӓідік тіјіӓххӓ, ӯрӓхта̄біт[6] дјолбутугар[7] ӯчӯгӓідік ӓлјӓ іс![8]

Ба̄і Барыла̄х оҕонјор, кіӓӊ марбаны кіӓпта̄[н], усун тісігі толоран, буор ціӓла̄х бороӊ а̄ттаммытыӊ![9]

Перевод

2) Вторая посвятительная речь

Девятидержавный дух большой дороги Сыры̄-ха̄н, Сырынаі-Тӯргӓн, Сырынаі-Девушка, Кураҕаччы-Бегунец, Курулаі-Бӓргӓн Сулкун-Ӓккін, Алік-Ханда,[10] ешьте, кушайте, господа наши!

Для того, чтобы наверху счастья, ликуя и радуясь, благополучно прибыли на счастье поездки нашей к реке, заставь ездить благополучно!

Ба̄і Барыла̄х[11] старик, наполняя широкую суму, туго натягивая длинные завязки, ты назвался серым (смуглым) имеющим дом!

---

1 Дух, покровительствующий охотникам.
2 Густая ячменная каша на масле.
3 Злой дух (Словарь Э. К. Пекарского, вып. XIII, Л., 1930).
4 В смысле не пугай: человек, когда боится, мигает.
5 «Имеющими огненные глаза» называют злых духов — аба̄сы.
6 У Мид. ürächtabyt — переведено «царю», совершенно не подходяще содержанию речи. Здесь, нам кажется, можно доискиваться причины ошибки: вероятно, записывающий расспрашивал значение слова «ӯрӓхта̄біт» 'поехавший в сторону реки'; не понимая вопроса, на это могли ответить, что это «ыра̄х» — 'далеко', ыра̄хта̄быт (ыра̄х барбыт) 'ушел или уехал далеко', что легко могло быть принято за слово «ыра̄хта̄ҕы» 'царь', неправильно понятое и переведенное.
7 У Мид. $\frac{dsh}{j}$ ol.
8 У Мидд. eljäjśj.
9 У Мидд. ata-w-ytyng, см. первое примечание к «Отӯ мала̄сына».
10 Собственно дух дороги — только Сырынаі Тӯргӓн, остальные — лесные духи.
11 Один из духов бајанаі-ев — покровителей охоты и лесных зверей.

3) Третья посвятительная речь (произнесенная в верховьях Лахарытты)

Лахаррытта äбäм! Аҕыс іл̄āх, аҕыс саҕалāх āн доіду, асына туруӊ! Асынныаххыт суох буоллаҕына, тӯӊнäсін!

Перевод

3) Третья посвятительная речь (произнесенная в верховьях Лахарытты)

Лахарытта-бабушка![1] Восьмиободошная и восьмиокраинная вселенная, будьте жалостливыми! Если угодно вам пожалеть, мой вещий и солидный гадальный предмет, упади стоймя; если же не суждено пожалеть,—опрокинься!

4) Речь при подбрасывании ложки (в другой раз)

Тölкöl̄öх тöп тӯöрäхпін ӯран кулу, [кöхсӯбäр] кöтöҕöн сыlӊыахпын! Аjы̄лāх алтан тӯöрäхпін сӯкäідāн сыlӊыахпын, арҕаспар ӯран кулуӊ! Уруі!

Перевод

4) Речь при подбрасывании ложки (в другой раз)

Мой вещий и солидный гадальный предмет положи на спину, чтобы я мог носить его на себе!

Предназначенный золотой гадальный предмет, чтобы я мог носить на спине, положите на загривок! Уруі!

5) От тȫгӱlä

Äсāӊäі, оҕолор! Кöрдöх кöр саjыммыт кöрö буолла: кӯöх от кölчӱідä, араҕас алтан от аӊāрыіда, іккі салāлāх іäрāҕäі от уöдӱідä, ӱс салāлāх ӱкäр от ӱöскāтä, тӯöрт салāлāх löilö л от тölöсӱідä, біäс салāлāх бäттіäмä от бäркä сіттä, алта салāлāх араҕас от алыстāта, сäттä салāлāх сіäрäі от сіlіriл̄āтä, аҕыс салāлāх ачā от аӊāрыіда, тоҕус салāлāх солко от нӯраіда,[2] уон салāлāх унāр от унāрсыіда!

Перевод

5) Песня про зелень (букв.: про траву)

Ну-те, молодцы! Наступило ликованье веселого лета: зелень украсилась, желтая пижма заколыхалась, двулистая канавка-трава появилась, трехлистая осока-трава выросла, четырехлистая выдающаяся трава подросла, пятилистая мятлик-трава достигла своего роста, шестилистая желтая

---

1 Речка, впадающая в Амгу (Словарь Э. К. Пекарского, вып. VI, Пгр., 1923).

2 У Мидд. unarŝyjdā.

трава стала изобиловать, семилистая серая трава размножилась, восьмилистый пырей заколыхался, девятилистая шелковая трава прилегла, десятилистая колышущаяся трава заволновалась!

6) Мас тōгӯlā

Осōңоі, оҕолор! Ан доіду аңāрсыіда, улӯ доіду унāрсыіда кäрір тыа кіäркäідä, тумул тыа тугуста! Тітім оҕото, тітірік ојӯр сіlігіlāтä, хатыңым, оҕото, хахыјах ојӯр хаңāта, бäсім оҕото, бäрңігäс ојӯр бäібāріјдä, ӯотӯм оҕото, талах ојӯр намылыіда!

Агäі, оголор! Кäрä кулун кäсітігäр[1] кінāстäрдін кäккäläсіäҕің, кäрä тылла кäпсäтіäҕің! Сур кулуммут тускутугар тојоттордӯн чуогусуоҕуң, сонун тылла толкуідасыаҕың! Сāлыр кулуммут самалыгар[2] чарчыналын саңа тылла саңарсыаҕың! Хара кулуммут ханытыгар[3] хапрāллын ханыласыаҕың,[4] ханылāх саңāта[5] саңарсыаҕың![6] Улāн кулуммут уігутугар уолаттардын оінуоҕуң! Кытыаммыт кымысыгар к кыргыттардын кыттысыаҕың! Осоңоі оголор! Тіäргäн.[7] чälгіјäн, сälä тäніlän, тоҕус кулукуга[8] туорāх кулун іlіllän, кöҕӯöр кöтöҕӯllän, бäсіäјäх[9] бітіјäн, ханылāх хадјалāх;[10] ірім-ңірім[11] тӯсӯlгälāх далбар тардылынна, чохчо ојіӯлāх[12] чорōн ајах чуоҕуіда, кäккä ојӯлāх кäріäн ајах кäккälāіä, бāра ојӯлāх матāччах бāраlāта, ымыја ыңырыста, сіällāх ајах сіäтістä! Ысыах ыңырыста сāмал кымыс тардылынна, хојӯ кымыс кутулунна, сірі ісіт сіріäдіјдä,[13] атыр āт буолла, араҕас ары аңырыччы-буңуруччу кутулунна, ісар ібірāт[14] буолла, оінӯр уочарат буолла, саңарар чāстыја буолла; кöр сајыммыт[15] кöрӯгäр кӯрӯöх ңон кöрӯlāтібіт, сабāннāх сајыммыт салалыгар[16] саңарыстыбыт!

Перевод

6) Песня про дерево

Ну-те, молодцы! Вселенная нарядилась [зеленью], обширная страна стала мерцать, лесные опушки разукрасились, рощи на мысах принаряди-

1 У Мидд. kähejtigér.
2 У Мидд. samalā.
3 У Мидд. $\frac{ch}{k}$ annylaśnyt.
4 У Мидд. channylyehyn͡g.
5 У Мидд. san͡gartá.
6 У Мидд. an͡garśyehýng.
7 У Мидд. tüergānj.
8 У Мидд kullogullāch.
9 У Мидд. behiejegā.
10 У Мидд. chaljalāch.
11 У Мидд. irīm-dirīm.
12 У Мидд. tschoktschojlāch.
13 У Мидд. śirityjdä.
14 У Мидд. ibiräk.
15 У Мидд. körüö $\frac{hc}{k}$.
16 У Мидд. śalyōlygör.

лись! Леса из молодых листвень распустились, рощи из молодых берез расширились, леса из молодых сосен зачастили, заросли молодых тальников распустились! Ну-те, молодцы! На гостинцы серых жеребят станемте в ряды, не исключая и князей, давайте поведем приятные речи! На счастье буланых жеребят столпимся, не исключая и господ, давайте поведем важные речи! Ради готового кумыса рыжих жеребят, не исключая и старшин, давайте поведем новые речи! Ради того, что есть черные жеребята одинаковой масти, давайте станемте попарно, не исключая и капралов, и поведем подобающие речи! Ради изобилия соловых жеребят, давайте играть, не исключая и парней! Ради кумыса старых кобылиц, давайте соединимся, не исключая и девиц! Ну-те, молодцы! Ради того, что оживился двор [покрылся зеленью], вытянулась веревка и привязалось, посредством деревянных застежек, много жеребят; ради того, что появились кумысные мехи и зашевелилась кумысная мутовка; ради того, что выставились посуды далбар с парными боками и с разбросанными местами установок, расставились в кучи посуды-чороны[1] с кучевыми узорами, стали в ряды посуды-käpiäн[2] с длинными узорами, установились парами посуды-матāччах[3] с двойными узорами, посуды-ымыја[4] стали друг за другом и один за другим уставились большие кубки с пучками конских волос, созвался ысыах, набрался свежий кумыс, налился в [посуды] густой кумыс, уставились кожаные мехи, наступило настоящее ядение, желтое масло комьями-витушками налилось,[5] наступил обряд пития, настал черед играм, часть [времени] словам; на счастье веселого лета нас много людей повеселилось, при направлении [в нашу сторону] благодатного лета поговорили между собою!

7) Бӱlӯ тöгӱlä

Осōңоі оҕолор! Кіällämä хотун кäрä џоруо кулунун кіäргäтіäҕін іннігäр, кäрі̄р кäккä мастаммытын, оҕолор! Хаммаҕат[6] äбäм хара џоруо кулунун хамсытыаҕын іннігäр, ханылāх хатыңнаммытын, оҕолор!

Суол äбäм сур џоруо кулунун туксарыаҕын іннігäр, томорон мастамытын, оҕолор!

Сіällämä äбäм сіäр џоруо кулунун сіттäріäҕін іннігäр, чäгіäн чараңнаммытын, оҕолор!

Осōңоі оҕолор! Тāт äбäм! Кытāіка кырдаллāх, кыртас сірдāх, холуста хонӯлāх, хордоҕоі хочолōх Тāт äбäм! Алтан аlāстāх, сыа сысы̄лāх Тāт

---

[1] Деревянный кубок для питья кумыса.

[2] Деревянная бадья ведерной или более емкости для кругового питья кумыса (Словарь Э. К. Пекарского, вып. IV, Пгр., 1936).

[3] Деревянный кубок средних размеров, без ножек, для питья кумыса (Словарь Э. К. Пекарского, вып. VI, Пгр., 1923).

[4] Кубок для питья кумыса.

[5] Когда горячее топленое масло наливают в холодный кумыс.

[6] У Мидд. kammahát.

ӓбӓм мотуок солко мутукчата[1] муҥутāтā, сіӓрӓі солко сӓбірдӓҕа сіlігіlāтӓ,[2] чопчу кӧмӯс туорāҕа торолуіда, хара кӧмӯс хатырыга хаҥата!

Тāт ӓбӓм ӯтӯӧ доіду: кісіlін кӓрӓ, ђјоннӯн дуораҕа;[3] āн доіду буолан, хотуттардыын[4] хāмсык; улӯ доіду буолан, уолаттардыын улӯтук! Тāт ӓбӓм, ӯтӯӧ доіду, ӧтӧн кыллāх, кӓрӓ доіду, кӓҕӓ кыллāх, толӯ доіду тојон кыллāх, кыты̄ доіду кыталык кыллыыx, модун доіду мохсоҕол, кыллāх, турӯ доіду турӯ кыллāх, кіӓҥ доіду хāс кыллāх, кӯтӯр доіду кӧҕӧн кыллāх, аллара[5] доіду анды кыллāх, мӓҥӓ доіду біргінјӓх кыллāх, тӧхтӯргӓн[6] ӯлāх доіду чӧркӧі[7] кыллāх, унāр доіду біргінјӓх кыллāх, салыр[8] доіду сахса кылāх!

Ӓгӓі, чӓ дӯ, Чӓlбурāн, чӓl кӯӧх!

Бӓрт доіду бӓдӓр[9] кыллāх, сасыл доіду, сāрба кыллāх, сіӓрӓі доіду тīҥ кыллāх, бӧдӧҥ доіду бӧрӧ кыллāх, улахан доіду улӯ кыллāх, ђјӓрӓн[10] доіду таба кыллāх, талаіҕан[11] ӯлāх доіду тāрбаҕан кыллāх, сӯрт доіду солоҥдо[12] кыллāх, сандāр хонӯ сасыл кыллāх, кырымах хонӯ кырса кыллāх, бастыҥ доіду барāн кыллāх, хотōл хонӯ, хосуол кыллāх, нӓҥӓрӓ[13] хонӯлāх сір сібīнјā кыллах, ырāс хонӯ анах кыллāх, кырдал хонӯ, сылгы кыллāх! Ӓгӓі, чӓl кӯӧх!

Перевод

7) Песня в честь реки Вилюя

Ну-те, молодцы! Для того, чтобы Кіӓllӓмӓ[14]-госпожа успела разукрасить серого жеребенка-иноходца, о как, ребята, снабдила себя непрерывными рядами деревьев!

Для того, чтобы Хаммаҕат[15]-бабушка дозволила ходить своему черному жеребенку-иноходцу, о как, ребята, снабдила себя подходящими березками!

Для того, чтобы Суол[16]-бабушка приукрасила своего серого жеребенка-иноходца, о как, ребята, снабдила себя крупными деревьями! Для того, чтобы Сіӓllӓмӓ[17]-бабушка позволила водить своего саврасого жеребенка-иноходца, о как, ребята, снабдила себя молодыми березками!

[1] У Мидд. mutuntatā.
[2] У Мидд. siliglāetā.
[3] У Мидд. duorañgā.
[4] У Мидд. chotuttardýn.
[5] У Мидд. allā.
[6] У Мидд. tjoktyrgón.
[7] У Мидд. tschorkoj.
[8] У Мидд. śalýr — переведено «котел» (?), значение не выяснено.
[9] У Мидд. berdér.
[10] У Мидд. djerán.
[11] У Мидд. talajgon.
[12] У Мидд. solongkól.
[13] У Мидд. nedjer $\frac{ö}{ā}$.
[14] Кіӓllӓмӓ — название реки (Словарь Э. К. Пекарского, вып. IV, Пгр., 1936).
[15] Хаммаҕат — название реки.
[16] Суол — река или речка в области Вилюя (Словарь Э. К. Пекарского, вып. VIII.
[17] Сіӓllӓмӓ — название реки или речки (?).

Ну-те, молодцы! Тāт-[1] бабушка! Имеющая китайчатые пригорки, ровные местности, поля, подобные холсту, и низины, Тāт-бабушка! У Тāт-бабушки, имеющей золотые луга и жирные елани, хвои [деревьев] моточного шелка достигли пределов своего роста, серые шелковые листья распустились, подвесчатые золотые шишки увеличились, кора [деревьев] из черного серебра утолщилась!

Тāт-бабушка — хорошее место: и люди отменны, и народ пригож; будучи вселенной — [у ней] и госпожи любящие, будучи обширной страной — [у ней] и парни заносчивые!

Тāт-бабушка! Хорошая страна — имеет горлиц, отменная страна — имеет кукушек, изобильная страна — имеет орлов, окраинная страна — имеет стерхов, солидная страна — имеет соколов, обжитая земля — имеет журавлей, обширная страна — имеет гусей, большая страна — имеет селезней, низовская страна — имеет турманов, пространная земля — имеет уток-нырков, кочковато-болотистая страна — имеет уток-чирков, дымкой подернутая страна — имеет уток-крякв, страна-котел (?) — имеет крякв!

Ну-те, молодцы! Сочно-зеленый холм, сочная зелень! Хорошая страна — имеет рысей, желтая страна — имеет соболей, серая страна — имеет белок, крупная страна — имеет волков, большая страна — имеет громадных зверей, ликующая страна — имеет оленей, страна с равнинами, покрытыми водой, — имеет россомах, издавна обитаемая страна — имеет колонков, обширное поле — имеет лисиц, поле, покрытое первым снегом, — имеет песцов, высокое поле — имеет козлов, равнина с лужами — имеет свиней, чистое поле — имеет коров, высокое поле — имеет лошадей!

Эгей, сочная зелень!

---

[1] Тāт — название реки (Словарь Э. К. Пекарского, вып. IX).

Л. П. Потапов

ДРЕВНИЙ ОБЫЧАЙ, ОТРАЖАЮЩИЙ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ БЫТ КОЧЕВНИКОВ

В 1909 г. акад. В. В. Бартольд опубликовал в статье под названием «Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в.»[1] отрывок из персидской исторической рукописи «Бахру-л-асрар-фи-меканиби-л-ахьяр» («Море тайн относительно доблести благородных»). В этом отрывке рукописи XVII в., автором которой был Махмуд сын эмира Вели, сообщаются весьма интересные сведения о церемониале питья кумыса при дворе узбекского хана Надыр Мухаммеда (правившего сначала в Балхе, потом в Бухаре и Самарканде), умершего в 1651 г. Автор рукописи отмечает, что церемониал этот выполнялся в соответствии с требованиями *ясы и юсуна*, т. е. монгольского обычного права. Кумыс являлся одним из основных напитков у узбеков XVII в., по быту своему преимущественно кочевников. Питье его было связано с определенным церемониалом и правилами, выполнявшимися не только при дворе хана, но, повидимому, и в юртах рядовых кочевников.

Основные моменты церемониала при дворе хана относились к порядку размещения по определенным местам участников угощения, в соответствии с их рангами, а также к порядку подношения кубков, или чарок, с кумысом, ходящих по кругу. Церемониал требовал, чтобы собравшиеся рассаживались по определенным местам с левой (для более почетных) и правой стороны от хана, строго по рангу.[2] Правила питья кумыса были, по определению автора рукописи, «неисчислимы», из них он нашел возможным сообщить только небольшую часть. Описываемые им правила и обычаи сводятся к следующему.

Когда приносили кумыс, один из служителей хана (одачи), по знаку его, наполнял чашу хана и преподносил ему «с соблюдением всех приличий». Хан немного отпивал из нее «прогоняющего печаль напитка», а остальную часть жаловал одному из своих надежных советников-эмиров. Эмир должен был, «во-первых, обменять царскую чарку, во-вторых, выпить все пожало-

---

[1] Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки ИРГО по Отделению этнографии, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 293—308.

[2] Подробное описание чинов и их мест см. у Бартольда на стр. 301—305 его статьи.

ванное ему». После этого одачи, выполнявший роль виночерпия, по знаку хана выпивал одну чарку, а вторую (ханскую) снова наполнял и подавал прежним порядком хану. Затем несколько одачи сообщали правой и левой стороне собравшихся о ханской милости и начинали подносить кубки «бесподобным эмирам», упрашивая их выпить. Когда круг эмиров был обойден, одачи приступали к отмериванию кубков и чарок должностным лицам (ишик-агам, курчиям и т. д.) и остальному войску. При этом распределении кумыса представители правой и левой стороны, или, по выражению автора рукописи, «правого и левого крыла», не смешивались. Они подходили поочередно по два человека от каждой стороны, садились рядом с одачи, получали от него по кубку, выпивали их одновременно, разом вставали, преклоняли колена и возвращались на свои места.

Описанный в персидской рукописи церемониал распивания кумыса при дворе узбекского хана обнаружил М. Ф. Гаврилов в конце 20-х годов нашего столетия у полукочевых узбеков на границах с Таджикистаном, но только применительно к питью бузы, приготовляемой из проса.[1] К этому времени кочевой образ жизни узбеков, связанный с пастбищным скотоводством, претерпел крупные изменения и был вытеснен культурой оседлой жизни. Кумыс уже исчез из быта узбеков; на смену ему как основному напитку появилась буза — продукт оседлой земледельческой культуры. М. Ф. Гаврилов обнаружил своеобразный обычай питья бузы и установил доподлинное сходство его, по крайней мере в основных моментах, с этикетом распивания кумыса, зафиксированным в упомянутой выше персидской рукописи. М. Ф. Гаврилов усмотрел в этом «один из фактов перенесения дворцовых обычаев узбекских ханов в широкие народные массы», что, как увидим дальше, лишено оснований.

Питье бузы в среде упомянутых узбеков являлось главным видом развлечения мужчин, устраивавших с этой целью своеобразные посиделки (шерда). Группа мужчин-односельчан приготовляла бузу, покупала вскладчину мясо для угощения. Из числа постоянных участников образовавшейся группы выбирали бия, двух аталыков (правого и левого) — заместителей бия, одного ишик-агасы (начальника помещения), одного ясаула (исполнителя распоряжений) и одного кравчего. Эти символические должностные лица точно соответствуют по терминологии некоторым реальным должностным лицам, присутствовавшим на церемониале узбекского хана, упоминаемым в персидской рукописи, опубликованной Бартольдом. В вечер, назначенный для распивания бузы, собравшиеся мужчины рассаживались в определенном порядке. На почетном месте (тор) усаживался бий, по обе стороны от него — правый и левый аталык, рядом с правым аталыком — ишик-агасы, у дверей помещался ясаул. Все остальные рассаживались вдоль стен справа и слева от бия. Питье происходило из общей круговой чаши. Кравчий, наполняя первую чашу, произносил над ней мусульманскую

[1] М. Ф. Гаврилов. Остатки ясы и усуна у узбеков. Ташкент, 1929.

формулу «аллаяр» («бог да будет тебе другом») и подносил ее бию. Бий милостиво разрешал выпить эту чашу кравчему. Последний выпивал ее и снова подносил бию. Теперь бий осушал эту чашу и возвращал ее кравчему. Тот вновь ее наполнял и подносил сначала правому аталыку, затем поочередно по кругу сидящим рядом с правым аталыком, заканчивая круг аталыком, сидящим слева от бия. Во время питья бузы происходило взаимное угощение, чтение стихов (газелей), посвященных бузе, и т. п. М. Ф. Гаврилов сообщает целый ряд определенных правил этикета распивания бузы, нарушение которых немедленно же каралось «штрафом» (например, обливание виновного водой, и т. п.).

Таковы, в общих чертах, относящиеся к узбекам известные материалы, касающиеся определенного церемониала или этикета распивания кумыса, позднее бузы.

Подобный этикет мы обнаружили у южных алтайцев в отношении распивания молочной водки — араки. Нам представляется, что ознакомление с алтайским обычаем питья араки не только пополнит наши познания по этому вопросу, но позволит также объяснить происхождение и смысл описанного выше церемониала, так как у алтайцев этот обычай несет в себе более древние и существенные черты, проливающие свет на его генезис. Тем самым, может быть, удастся восстановить один из существенных моментов общественного быта древних кочевников, отражающий первобытно-общинный характер общественного строя кочевых скотоводческих племен. В существующей литературе нет даже упоминания о церемониале распивания араки у алтайцев. Мы описываем его по нашим полевым материалам, собранным в период с 1925 по 1940 г. в течение систематических поездок с этнографическими целями в различные районы Горного Алтая.

Еще недавно питье араки у южных алтайцев, т. е. у алтайцев скотоводческих районов, в летнее время происходило систематически с перерывами в несколько дней. В хозяйстве скотоводов среднего достатка араку выкуривали 2—3 раза в неделю, чтобы переработать накапливающееся от ежедневного удоя молоко в кислый сыр — курут, который (до социалистического переустройства жизни) являлся у южных алтайцев основой питания, заменяя им хлеб. Он заготовлялся в летний период по возможности на всю зиму. Арака же являлась побочным продуктом при алтайском способе приготовления курута, который делали из творожистой массы, остающейся после перегонки кислого молока на араку. Поэтому в каждом аиле, состоящем из нескольких юрт, практически пили араку ежедневно, собираясь в ту юрту, где происходило в этот день выкуривание ее. Пили араку коллективно — все взрослое и старшее мужское и женское население аула, связанное родственными или соседскими отношениями. И всегда в этих случаях придерживались одного и того же церемониала, который был одинаков как при повседневном распивании араки, так и при питье ее на праздниках (свадьба, камлание и т. п.), когда съезжалось большое количество гостей, иногда очень дальних.

Совместное распивание араки состояло из целой серии правил и обыкновений, которые были хорошо всем известны и бытовали, как обычай. Мы постараемся описать их последовательно во всех существенных подмеченных нами чертах, пользуясь при этом исключительно собственными наблюдениями.

Питье араки, как правило, происходило вечером, когда садится солнце и подоен последний раз скот. В юрте, где производилась перегонка, разводили яркий огонь, ставили на него чугунную чашу (на железном тагане), куда наливали заквашенное кислое молоко, и устанавливали над ней перегонный аппарат. Выкуренную теплую араку сливали в кожаную бутыль (тажаур) или иную посуду (например в большой медный или эмалированный чайник, в стеклянную бутыль емкостью 3—3.5 л). Обычно это делала та женщина, которая выкуривала вино (казан аскан кіжі), чаще хозяйка дома или ее дочь, невестка и т. п. (до революции в богатых зайсанских семьях все это делала женская прислуга). Приготовленную араку женщина передавала виночерпию, обычно хозяину юрты или кому-либо другому из его мужских родственников. Собравшиеся рассаживались в юрте в определенном порядке. Хозяин сидел почти напротив входа в юрту в переднем углу (тӧр), на границе мужской и женской стороны, у «изголовья» огня (отыҥ бажы), лицом к двери. Справа от него, на мужской стороне, рассаживались мужчины, слева, на женской стороне, — женщины. Хозяйка юрты сидела в переднем почетном углу, тоже у «изголовья» огня, рядом с хозяином, возглавляя женскую часть собравшихся. Присутствующие рассаживались на земляном полу юрты на подстилках из кошмы, из бересты, из шкурок телят или жеребят, образуя круг. Мужчины сидели, поджав под себя обе ноги, а женщины — только одну ногу, вторую поставив (за исключением старух, которые также сидят обычно с поджатыми под себя ногами). Как мужчины, так и женщины рассаживались строго по рангу. Наиболее почетные лица и почтенные старики и старухи сидели ближе к хозяину и хозяйке, а менее почетные и молодежь — ближе к двери, замыкая круг.

Питье араки начиналось с того, что хозяин брал в левую руку маленькую деревянную чашечку (чочой), употреблявшуюся специально для араки, наполнял ее, а правой рукой (указательным пальцем или мизинцем, а иногда ложкой или стебельком травы) кропил из нее огонь и изображение духов-покровителей, висящих в переднем углу, а затем выпивал эту чашку. Потом он снова наполнял эту круговую чашечку и передавал ее соседу, сидящему от него справа. Виночерпий — хозяин, наливая араку из стоящего перед ним сосуда, должен всегда держать круговую чашечку в правой руке и подавать ее другим тоже только правой рукой. Подать чашечку левой рукой считалось недопустимым нарушением этикета и оскорблением для того, кому предназначалась эта очередная чашка. Сидящий рядом и справа от хозяина наиболее почетный участник пира, получавший чашку с вином первым из присутствующих, прикасался к ней губами или слегка отведывал араки и возвращал ее хозяину со словами:

«уртазар, уртазар» (т. е. «выпейте, выпейте»). При этом виночерпий либо сдавался на просьбу и выпивал эту чашечку, а затем, наполнив ее снова, предлагал тому же человеку, который в таком случае беспрекословно выпивал араку и возвращал чашечку наливающему; либо он (виночерпий) также только прикасался к ней губами и опять протягивал угощаемому. В последнем случае, согласно хорошему тону, начиналось взаимное упрашивание отведать (амзазар) из чашечки, которое обычно кончалось тем, что виночерпий и его почетный сосед делали по нескольку глотков и чашку допивал все-таки последний. Затем виночерпий наливал следующую чашку и подавал ее следующему по порядку справа.[1] Тот, выпив араку, возвращал чочой виночерпию, и круговая (куар) чашка обходила всех по очереди. Дойдя до последнего, виночерпий почти без паузы повторял круг.

Если количество собравшихся невелико (20—25 человек), то виночерпий — один и обязательно мужчина. Он наделял аракой сначала всех мужчин по рангу, а после того как чашка возвращалась от последнего, виночерпий наполнял чашку для женщин, начиная передавать ее от сидящих в почетном переднем углу по очереди и кончая сидящими у самого порога. Когда арака кончалась и виночерпий наливал последнюю чашечку, он подавал ее соседу справа со словом: «турҕаны» (т. е. «вставание»). Получивший такой чочой лишь прикасался к ней губами и передавал ее с теми же словами дальше. Когда чашечка «турҕаны» доходила до последнего, тот, прикоснувшись к ней губами, вставал и нес ее виночерпию. Виночерпий выпивал эту чашку, а оставшиеся в ней капли араки выплескивал в огонь. После этого все немедленно подымались и выходили из юрты, за исключением тех, которые, будучи в состоянии сильного опьянения, не могли сделать этого сами и уходили с посторонней помощью или укладывались спать на том же месте, где сидели.

Эти же правила распространялись и на женскую половину юрты. Когда там роль виночерпия выполняла хозяйка, то она посылала чашечку также всем по порядку, но слева от себя. Таким образом, смысл описанного способа питья сводился к уравнительному распределению араки между собравшимися. Это подтверждается еще тем, что когда во время распивания араки входил запоздавший или случайно оказавшийся в этом ауле человек, виночерпий прерывал очередь подношения чашечки сидящим и наливал вошедшему. Затем каждый из присутствующих, получив свою очередную чашку, угощал ею вновь прибывшего. Нетрудно представить себе, в каком положении мог оказаться пришелец, если бы он выпивал все подносимые ему очередные чашки с аракой. Обычно этого не случалось, так как, принимая очередную (куар) круговую чашку, принадлежащую тому или иному лицу, запоздавший только прикасался к ней губами или делал маленький глоток и возвращал чочой угощавшему. Следовательно, возмещение доли распределяемой араки запоздавшему носило теперь скорее

[1] При распивании кумыса у узбекских ханов предпочтение отдавалось левой стороне, а при питье бузы у узбеков — правой.

символический характер. Однако мы были свидетелями и того, как некоторые любители выпить, оказавшись в описанном положении, реализовали это правило отнюдь не символически и в течение нескольких минут, выпив подряд с десяток таких поднесенных чашечек, выходили из строя.

При описанном церемониале распивания араки существовали определенные правила. Мы зафиксировали в свое время из них следующие. Чашечку с аракой виночерпий должен был подавать, как уже указывалось, обязательно правой рукой. Но и принимать чочой можно было только правой рукой. Каждый из присутствующих получал свою очередную круговую чашу, называемую «куар». Получивший чашу мог распоряжаться ею по своему усмотрению, т. е. либо выпить ее, либо преподнести любому из собравшихся, будь то мужчина или женщина. Желающий угостить своей порцией араки другого подходил к угощаемому, становился перед ним на левое колено (на правое нельзя становиться, потому что за голенищем правого сапога всегда лежали засунутыми трубка и кисет с табаком), протягивал к нему чочой, держа ее правой рукой, а левой поддерживая локоть протянутой руки, и пел в честь угощаемого импровизированную песню. Пропев песню, он предлагал чашку со словами: «чочоі, уртазар, маніҥ ол, уртазар!» («выпейте чочой, она моя, выпейте!»).[1] Угощаемый принимал чашку и, держа ее в правой руке, отвечал своей песней-импровизацией. Затем перекладывал чочой в левую руку и, в знак уважения и признательности к угостившему, правой рукой проводил слегка по своей косичке,[2] которая у мужчин спускалась с темени на правую сторону затылка, а потом брал снова чочой в правую руку и выпивал араку. Женщины в таких случаях поступали точно так же и правой рукой гладили свою правую косу, лежащую на груди.[3] Во время исполнения песни при угощении выражали одобрение и поощрение певцу возгласами: «кушта! кушта!».

Из других правил и обыкновений отметим недопустимость выпивать чочой до дна. Этикет требовал, чтобы на дне чочой, возвращаемой виночерпию для очередного наполнения, всегда оставалось немного араки. Пренебрегавших этим правилом стыдили, укоряли в жадности. Если кто-либо из почтенных мужчин подносил свою первую чашку хозяйке юрты, выкуривавшей араку, со словами: «казан аскан кижиге» (букв.: «человеку, подвешивавшему котел»), то позднее как сама хозяйка, так и почти каждая из присутствующих взрослых женщин отдавала свою очередную чашку этому мужчине, угощая его. Нельзя расплескивать араку, обливаться ею при выпивании чашки. Неприличным считали долго задерживать в своих руках очередную круговую чашу.

Описанные правила и этикет довольно тщательно соблюдались присутствующими и нарушались редко, главным образом сильно опьяневшими.

---

[1] У теленгитов угощающий говорит: «мäніҥ ӱлӱмді ічіп салзын» («выпей мою долю»).

[2] У шаманистов-алтайцев мужчины носили на темени косичку, а остальную часть головы коротко стригли. Обычай ношения косички мужчинами удерживался до 1930 г.

[3] У южных алтайцев при появлении гостей женщины перебрасывали косы (связанные между собой) со спины на грудь.

Только баи, как мы наблюдали лично (по рассказам, так поступали раньше и зайсаны), позволяли себе некоторые отступления от этого старинного народного церемониала. Выражалось это, например, в том, что бай или зайсан выпивал араку из чочой до дна или, получив очередную чашу (куар), долго задерживал ее. Не угощая никого другого и не возвращая виночерпию, бай обычно держал наполненную чашечку в руке и вел длинные разговоры, задерживая процесс распития араки собравшимся обществом. Надо сказать, что, оказавшись в среде рядовых алтайцев, всегда в той или иной степени зависимых от него, бай или зайсан был, естественно, предметом общего внимания и каждый получивший куар считал долгом поднести ее этой богатой или сиятельной персоне. Практически это приводило к тому, что сия персона довольно быстро пьянела и сваливалась. Дальнейшее распитие араки, к удовольствию собравшихся, продолжалось без нее. Однако, как только подходила к опьяневшему очередная чашка, присутствующие старались разбудить его и вручить ему его порцию, независимо от того, был ли он баем или рядовым человеком. Таковы наши материалы об обычае питья араки у южных алтайцев.

Мы находим, что описанный нами церемониал является все-таки перенесением на араку старинного народного обычая питья кумыса. Доказательство этого мы усматриваем в следующем сообщении китайской летописи Танской династии, относящемся к древним тюркам Алтая и отмеченном в ней под 552 г. н. э. Кумыс, — повествует хроника, — является одновременно и опьяняющим напитком. При угощении им становились лицом друг к другу и пели песни.[1] Следовательно, алтайские тюркоязычные племена еще в VII в. пили кумыс и угощали им друг друга таким же образом, как это делают современные алтайцы в отношении араки. Стало-быть, в современном ритуале питья араки у алтайцев сохранились элементы довольно древнего комплекса правил и обычаев, соблюдавшегося в отношении питья кумыса в период раннего средневековья. Позволительно предположить, что и прочие описанные выше элементы ритуала питья араки у современных алтайцев, не удостоверенные сообщением летописи, обладают не меньшей древностью. Это кажется тем вероятнее, что в описанном современном ритуале ясно выступают такие весьма архаические моменты, как общая круговая уравнительная чаша, как дополнительное наделение аракой от своей доли присутствующими каждого запоздавшего, как разделение пьющих на правую и левую половину по признаку пола. Арака вытеснила из быта алтайцев кумыс очевидно еще в период средневековья, ибо героический эпос южных алтайцев, сложившийся в основном в период с XV по XVIII в., отражает господство араки как главного напитка не только на пирах, но и в домашнем быту ханов, богатырей и простых людей. Подобное вытеснение кумыса, но только не молочной водкой, а напитком из проса (бузой), произошло после XVII в., как уже говорилось

[1] Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. I стр. 271.

выше, у кочевой части узбеков, в значительной мере перешедшей к оседлости и земледелию.

Мы затрудняемся указать на те конкретные причины, которые побудили алтайцев предпочесть араку кумысу. Возможно, что этому способствовало массовое разведение крупного рогатого скота как более молочного, из молока которого невозможно было получить кумыс, но которое весьма пригодно для перегонки на араку. Тем не менее, факт постепенного вытеснения кумыса аракой у ряда азиатских кочевников не подлежит сомнению. Изобретение молочной араки было сделано, скорее всего, в Азии в среде тюркских и монгольских кочевников. Однако идея этого изобретения, возможно, была позаимствована азиатскими кочевниками от арабов, о чем говорит само название молочной водки. Тюркское слово «аракы» и монгольское «араки» является широко распространившимся в многих языках Востока и Запада арабским словом «арак» (عرق), означающим «испарина», «испарение», «финиковый эксудат».[1] Стало-быть, получение водки из кислого молока путем испарения его было усвоено азиатскими кочевниками от арабов, которые на основе этого технического приема получали вино из финиковых плодов. Только так можно объяснить, почему для напитка, полученного путем испарения кислого молока, монгольские и тюркские кочевники употребляют арабский термин в его точном техническом значении. Это обстоятельство позволяет датировать время появления араки у азиатских кочевников периодом их ранних связей с арабским миром, т. е. временем тюркского каганата и позднее, но периодом, предшествовавшим образованию империи Чингисхана. Известно, что вино из молока, наряду с кумысом, фигурирует уже в «Сокровенном сказании» монголов, относящемся к первой половине XIII в. Таким образом, во время тесного культурного общения тюркских и монгольских племен, в период образования государства монголов под владычеством Чингисхана, арака уже употреблялась как опьяняющий напиток.[2] Следовательно, не подлежит сомнению, что молочная водка появилась у кочевников позднее кумыса. Это тем более делает правдоподобным факт перенесения правил совместного распития кумыса на коллективное питье араки у южных алтайцев.

Вместе с этим, необходимо признать и то, что правила распивания араки у современных южных алтайцев и кумыса у узбеков XVII в. (при дворе хана), как и распивания бузы у полукочевых узбеков конца 20-х годов нашего столетия, обнаруживают в основных чертах поразительное сходство: ходила общая круговая чаша; первая чаша подносилась наиболее почетному или высокому по положению лицу, которое первоначально только отпивало из нее, а затем преподносило или жаловало другому. Может быть, выражение персидской рукописи, что пожалованный узбекским ханом эмир

[1] Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском. Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. V, Л., 1930, стр. 75.

[2] Кумыс, как известно, приготовлялся ранними кочевниками Азии уже во времена Геродота.

должен был «обменять царскую чарку», которое В. Бартольд пояснил в специальном примечании таким образом: «Очевидно, чтобы подать виночерпию другую чарку из собственных чарок царя взамен поданной ему», — на самом деле означает то, что еще можно наблюдать в обычае питья араки у южных алтайцев. Правильнее понимать смысл этой фразы, исходя из алтайского обычая, так, что пожалованный ханом эмир должен был почтительно прикоснуться к царской чарке, поднести ее хану и затем уже, получив новое предложение хана, выпить ее. Поэтому-то этикет взаимного обмена чаши, сохранившийся у алтайцев, и выражался фразой «обменять царскую чарку». Далее, во всех описанных обычаях фигурируют или реальные, или символические представители правой и левой стороны. Все эти моменты в более чистом и первоначальном, а не символическом виде дошли до нас в обычае коллективного питья араки у южных алтайцев, в котором сохранилось деление участников на правую и левую стороны по весьма архаическому признаку пола. Следовательно, не перенесением дворцовых обычаев в народную массу, как это предложил М. Ф. Гаврилов, нужно объяснять узбекский обычай питья бузы, а сохранением в нем, хотя и в трансформированном виде, как и в дворцовом церемониале питья кумыса у узбекских ханов XVII в., древней народной традиции (тюркских кочевников) коллективного распития кумыса. Древний обычай угощения огня напитком из первой налитой чаши, сохранившийся у алтайцев-шаманистов, у узбеков-мусульман, заменился произношением мусульманского «аллаяр», под которым подразумевается сокращенное выражение мусульманской формулы благопожелания («алла jар болсын санга», т. е. «бог да будет тебе другом») над первой чашей бузы. Пение песен при взаимном угощении участников питья, до сего времени еще характерное у алтайцев, у полукочевых современных узбеков заменилось произношением стихов (газелей), посвященных бузе.

Тот же древний степной обычай, связанный с порядком коллективного распределения кумыса, следует видеть и в церемониале питья кумыса у узбекских ханов, получившем усложнение, дворцовую пышность и громоздкость, но сохранившем основные элементы народной традиции, выявленные нами на материале этого обычая у южных алтайцев. Итак, в дворцовом церемониале питья кумыса у узбеков XVII в. не только нельзя усмотреть факта заимствования дворцового обычая народными массами, но, напротив, происхождение самого этого дворцового церемониала можно правильно объяснить только на основе древней народной традиции кочевников.

В этой связи возникает вопрос: каким образом у народов, столь удаленных друг от друга, какими являются современные узбеки и алтайцы, лишенных по крайне мере на протяжении ряда последних столетий культурных связей, мог оказаться столь общий обычай коллективного питья кумыса? Такое явное сходство может быть объяснено только культурно-бытовым общением этих племен и народов в прошлом, общностью их исторической жизни, общностью их этногенеза. Все это действительно проис-

ходило в обширных степях Азии, Приаралья и Прикаспия в период господства кыпчакских тюркоязычных племен, а также в период образования и распада Джучиева улуса, т. е. с X по XIV в. Многочисленные тюркские кочевые племена в это время тесно общались на указанной огромной территории не только между собой, но и с монголоязычными кочевыми племенами, и сам процесс тюркского этногенеза, сохраняя тюркоязычную основу, протекал под сильным монгольским влиянием. Известно, что в период распада Джучиева улуса, или Золотой Орды, кыпчакские тюркоязычные племена составляли ту этническую основу, на которой происходило формирование ряда современных тюркских племен и народов, частично современных узбеков, особенно в той их части, которая еще недавно вела кочевой и полукочевой образ жизни, затем казахов, южных алтайцев и др. Нам уже приходилось обращать внимание на это обстоятельство при объяснении общности эпического творчества у алтайцев, узбеков, казахов, нагайцев и других тюркоязычных племен и народов.[1]

И мы здесь только напоминаем об этом, чтобы объяснить приведенные выше узбекско-алтайские параллели, связанные с обычаем коллективного потребления кумыса, араки и бузы.

Трудно сомневаться в том, что этот степной обычай в указанное время был широко распространен применительно к кумысу. И только позднее, в процессе дальнейшей и обособленной жизни упомянутых тюркских племен и народов, когда по тем или иным причинам питье кумыса заменилось изготовлением и употреблением других напитков, обычай коллективного потребления их в среде отдельных племен и народов изменялся и трансформировался, хотя долго сохранял в реальном или символическом виде основные общие черты.

К сожалению, мы не располагаем данными об этом обычае у других тюркских племен и народов, как, например, казахов, киргизов, где этот вопрос, насколько нам известно, никем не исследовался, но где этот обычай также должен был существовать. Возможно, что степной обычай питья кумыса был распространен и у средневековых монголов, поскольку автор персидской рукописи, описывая церемониал узбекских ханов, говорит об этом со ссылкой на монгольское обычное право (ясу и юсун).

Тесная культурная связь тюркских кочевников с монгольскими в древности, как и в средневековье, несомненна. Она относится к различным областям материальной и духовной культуры (пища, одежда, жилище, героический эпос и т. д.). Отражение ее, если иметь в виду вопросы, связанные с пищей и способами ее распределения, помимо распределения напитков, можно видеть и в способе разделки, например, туши баранов и раздела мяса на определенные части, предназначенные для различных категорий лиц мужского и женского пола. Эти способы до деталей

[1] Героический эпос у алтайцев. Советская этнография, 1949, № 1.

совпадают у древних монголов, казахов и алтайцев.[1] Такое совпадение тоже нельзя считать случайным.

Подводя итог сказанному, мы позволим себе утверждать, что описанный обычай коллективного питья кумыса, араки, бузы у алтайцев и узбеков возник на основе обычая совместного распития кумыса и приобрел общие черты в период совместной исторической жизни этих племен и народов, в результате былой общности их культуры и быта. Однако все это не объясняет еще ни причины, ни времени возникновения этого обычая. Хотя нам известно о существовании этого обычая у тюркоязычных алтайских кочевников в VII в. по сообщению китайской летописи Танской династии, но датировать время возникновения его пока невозможно. Мы знаем, что кумыс как напиток кочевников упоминается у Геродота, что кумыс употреблялся у гуннов при дворе Атиллы, но существовал ли определенно установленный порядок его совместного распития, сказать мы не можем.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом: каким образом возник этот обычай, в силу какой причины? В этом отношении нам представляется возможным выдвинуть определенное объяснение, так как материал для решения этого вопроса содержится в предшествующем нашем изложении. Мы считаем, что этот обычай возник как форма распределения кумыса среди членов кочевой общины, которая в древние времена вела общее хозяйство, приготовляла кумыс сообща, может быть даже в общей посуде, для всех членов кочевого объединения в рамках рода или, позднее, большой семьи. Только в свете подобного объяснения основной элемент этого обычая — уравнительное распределение общего кумыса в виде общей круговой чаши, подаваемой каждому поочередно, — становится понятным и оправданным. Сомневаться в былой общности приготовления кумыса у кочевников решительно нет никаких оснований. Напротив, даже современный этнографический материал дает нам на это ясное указание. По записям С. М. Абрамзона, произведенным во время его этнографической экспедиции к киргизам в 1948 г., следует, что у киргизов, если кочевавшая вместе группа родственников жила дружно, кумыс делали в одной юрте, куда сносили все кобылье молоко. Когда кумыс был готов, утром в эту юрту созывали всех родственников, говоря: «kälгälä, кымыз iчkälä» («Приходите кумыс пить»), — и пили кумыс совместно.[2] С. М. Абрамзон подробно не исследовал вопроса о правилах или обычае этого совместного питья кумыса у киргизов, но отметил, что в течение дня здесь каждый, кто хотел, мог притти в эту юрту и выпить кумыса.

Следовательно, степной обычай, которому посвящена наша статья, появился в условиях первобытно-общинного быта кочевников и был порож-

---

[1] Н. И. Ильминский. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. Известия Археологического общества, т. II, 1861; Г. Гомбаев. Примечание на письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву. Там же.

[2] Запись сделана от колхозника Молтая Байкозуева, в колхозе Кызыл Октябрь Сары-Камского сельсовета Артумчальского района Киргизской ССР.

ден этими условиями, при которых общинным было не только производство, но и собственность на продукты этого производства, как было общим и потребление некоторых видов продуктов, видимо не только кумыса, но и мяса. Общий для группы родственников кумыс, приготовленный из общего молока, общими усилиями, и пили сообща, уравнительно, но при распределении соблюдали очередность по принципу старшинства, почета, пола и т. п., что также нашло отражение в отдельных моментах этого обычая, выявленных и подчеркнутых нами выше.

Итак, исследование обычая питья кумыса, бузы, араки у алтайцев и узбеков дает определенные результаты, значение которых выходит из рамок истории культуры данных народов и приводит в весьма мало известную нам область первобытно-общинного быта кочевников, господствовавшего среди них в древности. Эта область является особенно трудной для современного конкретного исследования, ибо современные кочевники уже давно пережили период первобытно-общинного быта и восстановить его теперь в реальных чертах весьма нелегко, главным образом из-за отсутствия источников. Тем более ценным является в этом смысле этнографический материал, позволяющий проникнуть вглубь истории, в совокупности с другими материалами, дающий возможность хронологизации этих явлений и выяснения их этнической принадлежности и связей. Можно не сомневаться также и в том, что изучение и анализ древнего обычая распределения кусков мяса у кочевников также даст ценные результаты для выяснения основных черт так мало известного в их истории первобытнообщинного быта. Однако это должно составить предмет самостоятельной статьи.

В. В. Решетов

ОБ ОДНОМ УЗБЕКСКОМ ПАДЕЖЕ

Современный письменный узбекский язык в системе именного словоизменения выделяет: 1) определительный падеж (*қаратқич келишиги*): *колхознинг пахтаси*[1] 'хлопок колхоза', *отамнинг китоблари* 'книги моего отца', и 2) винительный падеж (*тушум келишиги*): *пахтасини тердим* 'я собирал его хлопок', *китобларини олдим* 'я взял его книги'.[2]

Но если взглянуть на определительный падеж с точки зрения принадлежности его к той или иной диалектной группе, то оказывается, что он в качестве самостоятельного (статистически преобладающего) обнаруживается в говорах, не играющих существенной роли в нормализации узбекского литературного языка.[3] И, наоборот, говоры ташкентского и ферганского типов, положенные в основу общеузбекского стандарта, не проводят различий между формальными показателями этих падежей. В сознании представителей указанных групп говоров существует сложный по своим функциям определительно-винительный падеж, с единым внешним признаком, семантика которого вскрывается его позицией в предложении, ср., например, *ӑшнъ мӑзӑсъ*[4] 'вкус плова' (определит. пад.) и *ӑшнъ йедъм* 'ел плов' (винит. пад.).[5]

Однако эта морфологическая черта не может и не должна рассматриваться как исключительная принадлежность городских (ведущих в совре-

---

[1] Здесь сохраняем действующую узбекскую орфографию; далее она дана с пометой: лит.-орф. (литературно-орфографическое).

[2] А. К. Боровков, А. Гуломов, З. Магруфов. Узбек тили грамматикаси, I кисм. Тошкент, 1945, стр. 43; В. Решетов. Современный узбекский язык, ч. 1. Ташкент, 1946, стр. 25—28; А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 46, 53.

[3] В некоторых йекающих говорах с сингармонистическим укладом гласных, а главным образом в джекающих — кыпчакских (о джекающих и йекающих говорах см.: А. К. Боровков. Новый узбекский алфавит. Литература и искусство Узбекистана, кн. III, Ташкент, 1940).

[4] Здесь и далее дается транскрипция, применяемая нами при записи особенностей узбекских говоров (В. В. Решетов. К вопросу о транскрипции. Ученые записки ТашГПИ. Вып. 1, Ташкент, 1947, стр. 59—69).

[5] Этот вопрос особо не акцентирован в обстоятельной работе А. Г. Гуломова об узбекских падежах (А. Гуломов. Узбек тилида келишиклар. УзФАН СССР асарлари. Ташкент, 1941). Попутно он затрагивался в работах по узбекской диалектологии; см. также: В. В. Решетов. Современный узбекский язык, стр. 30.

менной эволюции узбекского языка) говоров: процесс конвергации *-нинх-ни* в аффиксе *-нъ* (resp. *нынх-ны-нъ*) прослеживается и в прочих диалектных коллективах узбекского языка, в том числе и в джекающем (кыпчакском) наречии.

Здесь под влиянием городской речи и взаимно переплетающихся элементов скрещивания происходит непрерывная нивелировка языковых показателей: отдельные группы говоров утрачивают характерные диалектные признаки и приобретают новые в процессе становления общенационального узбекского языка.[1] Результат сложной ситуации метисованных факторов и общая тенденция развития языка как раз и приводят к появлению черт, сближающих морфологические системы йекающих и джекающих говоров. Частным случаем и является зарождающаяся формация определительно-винительного падежа: в них характеристика одного и того же падежа (именно в и н и т е л ь н о г о), как и в городских говорах, начинает выполнять функцию двух падежей — о п р е д е л и т е л ь н о г о и в и н и т е л ь н о г о, совмещая в себе их семантическую нагрузку. Так возникают дублетные конструкции типа: *к̣ожайынды* (< *к̣ожайындын*) *к̣ызыға* 'дочери хозяина', *та̊вды* (< *та̊вдын*) *су̊у* 'вода гор (горная вода)', *а̊тты* (< *а̊ттын*) *ба̊шыға урма* 'не бей по голове лошади', *бизди тейирмӓнҕӓ чығарып к̣ойды* 'нас отправил на мельницу', *бизди бийдӓй* (< *бо̊вдай*) 'наша пшеница'. В последних двух примерах слово «*бизди*» выполняет функцию и винительного и определительного падежей, причем в словосочетании *бизди бийдӓй* обнаруживается эллипс местоименно-притяжательного аффикса — *бийдӓй* < *бийдӓйимиз*.

Сейчас пока трудно говорить, ввиду состояния нашего материала, о частоте употребления формы определительно-винительного падежа по говорам джекающего наречия, но имеющиеся данные свидетельствуют о развитии языка именно в этом направлении. Наличие же значительного количества дублетных форм по отдельным джекающим говорам, в частности ташкентской группы, оказывается достаточным для подтверждения нового морфологического факта в системе их склонения. Звуковая характеристика этого падежа совпадает с ферганским чередованием *-нъ -дъ -тъ* в определительно-винительном падеже, например, маргеланский[2] *а̊ттъ ба̊шъ* 'голова лошади', *та̊лдъ ба̊ргъ* 'листья тальника', *ба̊лӑнъ к̣олъ* 'рука ребенка', — в отличие от ташкентского типа, где при медленном темпе речи после всех основ аффикс имеет форму *-нъ* (*атнъ кордъм* 'я видел лошадь', *к̣а̊ға̊знъ а̊тӑсънъ а̊кӑсъ а̊лдъ* 'бумагу взял старший брат его отца'), а при быстрой фонации осуществляется прямая ассимиляция аффиксального *-н* исходному согласному основы: *шӑ(х')ӑрръ* < *шӑ(х')ӑрнъ* — 'город ~

---

[1] Ср. утрату джеканья в начальной позиции говорами Хорезмской области (Говор кишлака Кыят-конграт Шоватского района. Сб. научных трудов, т. I, вып. 2, Ташкент, 1934, стр. 3—17) и полное освоение оканья казак-найманским говором (Известия АН СССР, 1931, № 1, Л., стр. 93—111).

[2] В. В. Р е ш е т о в. Некоторые замечания по консонантизму и морфологии маргеланского говора узбекского языка. Известия УзФАН СССР, 1941, № 4, Ташкент, стр. 26.

города', *қåғåззъ* < *қåғåзнъ* 'бумагу ~ бумаги', *оғлъммъ* < *оғлъмнъ* 'моего сына', *åттъ* < *åтнъ* 'лошадь ~ лошади' и т. п. Эта характерная ташкентская черта только спорадически встречается в джекающих говорах.

В оформлении данного падежа в них выступают те же фонетические варианты, что и при их винительном падеже, а именно: *-ни* (*-ди*) *-ти* — после передних основ, — *-ны* (*-ды*) *-ты* — после задних основ, например: *жерди соқам(ы)нан айдадык* 'мы землю вспахали плугом', *жерди кӱчӱ йоқ* (здесь *ж* > *й* после исходного гласного) 'земля не имеет силы', *пақтаны ᵘегипжåтыр*[1] 'он сеет хлопок', *пақтаны гӱллåши* 'цветение хлопка', *жåрды бåшы* 'начало оврага', *қåтынны ᵘенåси* 'мать жены', *қåтынны чақырды* 'позвал жену', *сийирди ᵘемчаги* 'вымя коровы', *суͦвды ичиддå* 'в воде', *суͦвды ичти* 'выпил воду', *қолуͦнны жåмåн кесåди* 'сильно порежет руку', *нåсвåй ишåнди бер* 'дай свою табакерку', *нåсвåйди мåзåси жоқ* 'табак („насвай") плохой (досл.: без вкуса)', *мен шиердå сийирлåрди бåғып отурман* 'я здесь пасу коров', *у б(и)рåвды зыйåныны қåламайды* 'он не желает кому-нибудь вреда'.

Следовательно, определительно-винительный падеж, являющийся речевой нормой для городской диалектной базы, получил значительное распространение даже в консервативных в языковом отношении говорах, что свидетельствует о прогрессивном характере его, а расширяющийся диапазон употребления обращает на себя особое внимание. Этот критерий и должен быть положен в основу суждений при решении судьбы указанных падежей. Только на базе синтаксиса мы сможем вскрыть семантические особенности каждого падежа в отдельности и выявить перспективы их дальнейшего развития, независимо от их формальных показателей.

Да дело, собственно, и не в звуковой характеристике и не в разнообразии фонетических вариантов по говорам, а в том, что установление для письменного узбекского языка определительного падежа с аффиксом *-нинг* (лит.-орф.) как принципиально отличного от винительного с формантом *-ни* не имеет под собою реальной почвы, поскольку не подтверждается материалами ведущих узбекских говоров. В них, как известно, формальные признаки данных падежей совпали, но каждый из них сохраняет свои специфические особенности в предложении: определительный в качестве определения (*атнъ башъ* 'голова лошади'), винительный в позиции дополнения (*атнъ кордъм* 'видел лошадь').

Мы не будем останавливаться на выявлении всех функций аффиксального ~ безаффиксального определительно-винительного падежа в ведущих узбекских говорах (следовательно, и в литературном узбекском языке), так как такое изложение значительно отвлекло бы нас от цели, а напомним, что:

[1] Сила дифтонгизации здесь проявляется в такой же степени, как и в каракалпакском языке, см.: С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. Каракалпакия, т. II, Л., 1934, стр. 200—207.

1) употребление безаффиксального определительно-винительного падежа в атрибутивной функции возможно лишь при строгом соблюдении синтаксической позиции определения непосредственно перед определяемым; последнее сопровождается местоименно-притяжательным аффиксом, ибо этот падеж, в основном, в изоляции не употребляется, ср., например, *қъшлаҟ са̊ветъ* 'сельский (кышлачный) совет', *пäхтä дäлäлäръ* 'хлопковые поля';[1]

2) при включении новых определений к тому же определяемому требуется уже форма аффиксального падежа: *бу қъшла̊қнъ са̊ветъ* 'совет этого кышлака'; присутствие здесь указательного местоимения *бу* не должно расцениваться как основной критерий прецизированной концепции предмета, — на нее указывает самый факт употребления аффиксального падежа; употребление *бу* с безаффиксальной формой возможно только в случае, когда комплекс безаффиксального падежа выступает в роли сказуемого: *бу — қъшла̊қ са̊ветъ* 'это — сельский (кышлачный) совет', *бу — па̊хта̊ да̊ла̊ла̊ръ* 'это — хлопковые поля'; невольно напрашивается параллель с русским родительным падежом в позиции сказуемого: 'этот хлопок колхоза', который не находит себе эквивалента в узбекском определительно-винительном падеже, а переводится особой формой с аффиксом *нъкъ: бу па̊хта̊ — ка̊лха̊знъкъ*;

3) определительно-винительный падеж служит и для выражения объекта действия — дополнения; момент прецизации также обусловлен наличием или отсутствием аффикса; конструкция безаффиксального падежа тяготеет к сказуемому и зависит от него;[2] при этом внимание обращается на дополнение, особо не выделяя его из данной категории предметов; положение же в непосредственной (за рядом исключений) позиционной смежности со сказуемым является наиболее характерной его синтаксической чертой.

Сказанное схематично можно представить следующим образом:

1) именная основа в определительно-винительном (аффиксальном ~ безаффиксальном) падеже + именная основа с местоименно-притяжательным аффиксом, выполняющим, в данном случае, свою основную определительно-притяжательную функцию:

а) примеры на аффиксальную форму: *қъшла̊қ са̊ветънъ секретаръ озънъ ъшъ тоҕръсъда да̊клäд қълдъ* 'секретарь сельского совета сделал доклад о своей работе', *а̊та̊мнъ йа̊хшъ мълтъҕъ ба̊р* 'у моего отца имеется хорошее ружье', *ка̊лха̊знъ тра̊ктърла̊ръ да̊ла̊да̊* 'тракторы колхоза — в поле', *ун йа̊хшъ кътабларъ коп* 'у него много хороших книг', *а̊па̊мън ерънъ ъшъ жудда̊ а̊ҕър* 'работа мужа моей старшей сестры очень тяжелая';

б) примеры на безаффиксальную форму: *мäх'тäб ба̊лäлäръ па̊хта̊да̊* 'школьники на хлопке (на сборе хлопка)', *съз ха̊лқ ма̊қа̊лла̊ръда̊н бълäсъзмъ?* 'знаете ли вы народные пословицы?', *у йа̊зда̊ ка̊лха̊з да̊ла̊-*

---

[1] Здесь обнаруживается односторонняя связь типа управления, см.: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М., 1945, стр. 77.

[2] И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 67.

ла̊ргъда̊ ъшла̊дъ 'он летом работал на колхозных полях', *тоқа̊й ъчъдä ордäк бäр* 'в камышах есть утки';

2) именная основа в определительно-винительном (аффиксальном ~ безаффиксальном) падеже + сказуемое:[1]

а) примеры на аффиксальную форму: *съз бу ъшнъ қачäн тäмäм қълäсъз?* 'когда вы закончите эту работу?', *у қъзъқ-қъзъқ ертäклäрнъ бълäдъ* 'он знает очень интересные сказки' *бърънчь чäпъқнъ ертäгä тугäтäмъз* 'первую окучку закончим завтра', *сенъ ъккъ кундäн беръ ъзлäймäн* 'уже два дня я ищу тебя', *мен äкäнnъ кормäдъм* 'я не видел твоего старшего брата'.

б) примеры на безаффиксальную форму: *у сäмäвäрдä чäй ъчтъ* 'он в чайхане (в чайной) пил чай', *бъзäм пäхтä тердък* 'мы тоже хлопок собирали', *бу кäлхäзчъ қъзък бър хъкäйä äйтъб бердъ* 'этот колхозник рассказал интересный рассказ', *мен хäт äлдъм* 'я получил письмо'.

Заметим, что в целом ряде случаев при равенстве позиционных условий семантические грани между аффиксальным и безаффиксальным определительно-винительным падежом в качестве дополнения заметно стираются, ср., например, *бър къmäб оқъдъм ~ бър къmäбнъ оқъдъм* 'я читал одну (некую) книгу', где смысловой оттенок едва ощутим и не без труда может быть сформулирован.

По пункту «1, б» могут возникнуть вполне справедливые замечания: 1) в качестве определения может выступать и основной падеж, 2) положение его в предложении синтаксически тоже обусловлено, ср., например, *тäш уй* 'каменный дом', *темър йол* 'железная дорога', *йäғäч қäшък* 'деревянная ложка', *тъллä сääт* 'золотые часы' и т. п.[2]

Но здесь нужно учесть, 1) что употребление основного падежа в качестве определения значительно у́же, чем в случае пункта «1, б», и 2) что определяемое им слово не принимает местоименно-притяжательного аффикса. Этим оказывается нарушенной внешняя формальная связь между элементами словосочетания: именная основа + именная основа. При этом выявляются дав типа словосочетаний в основном падеже: 1) социативные — *äтä-äнä* 'родители', *äкä-укä* 'братья', и 2) атрибутивные, источник которых заложен в определительной функции данного падежа. Не лишены интереса новообразования: *нäнзäвäт < нäн зäвäдъ* 'хлебозавод', *пäхтäзäвäт < пäхтä зäвäдъ* 'хлопко(очистительный) завод', *мäйзäвäт < мäй зäвäдъ* 'масло(бойный) завод' и т. п. В построении их сказывается принцип социативных рядов, но с иной, уже синтаксической нагрузкой составляющих элементов (определение + определяемое), дающих в сумме тип сложного слова.[3] Причины зарождения таких образований, по существу промежуточ-

---

[1] О функциях винительного падежа см.: Х. К. Камилова. О винительном падеже в узбекском языке. Ученые записки ТашГПИ, вып. 1, Ташкент, 1947, стр. 52—58.

[2] Все эти примеры построены по типу примыкания, причем примыкающее слово является определением, см.: И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 67.

[3] Там же, стр. 27, 67 (об инкорпорировании). Ср., между прочим, композицию, как, например: *мäлхäна* 'хлев', äтхäна 'конюшня'.

ных между словосочетанием и словом, следует искать в самой морфологической системе языка и в наличии ряда привходящих факторов.

Однако эллипс местоименно-притяжательного аффикса и аффикса определительно-винительного падежа наблюдается очень часто, — примеры могут быть приведены из любого ведущего говора, в том числе и из литературного языка. Но мы не будем останавливаться на разборе всех случаев и на выявлении генезиса их — это предмет особого исследования,[1] а приведем один пример из литературного узбекского языка, свидетельствующий о наличии дублетных (сосуществующих) конструкций, в частности: лит. -орф. *отамнинг ёзган хати* ~ *отам томонидан ёзилган хат* ~ *отам ёзган хат* 'письмо, написанное моим отцом' ~ букв. 'письмо, написанное со стороны моего отца' ~ 'письмо, которое написал мой отец'. При относительно общем смысловом значении мы находим в первом случае — оба аффикса (и падежный и притяжательный), во втором — наличие определительного падежа подсказывается послелогом *томонидан*, а в третьем — обнаруживается уже полное исчезновение их.[2]

Затрагивая вопрос об эллипсе местоименно-притяжательного аффикса 3-го л., нельзя не упомянуть об аналогичном явлении и в других грамматических лицах, а именно: в 1-м л. ед. ч., ср., например, лит.-орф. — *бизнинг қишлоқ* 'наш кышлак', *бизнинг боғда* 'в нашем саду' || ташк. *бъзз*ъ *бåғдä дäрäх(т)лä коп* 'в нашем саду деревьев много'; в джекающих говорах эллипс прослеживается в 1-м и 2-м л. мн. ч. — *бизди биййдäй* 'наша пшеница', *сизди биййдäй* (< *бов̊дай*) 'ваша пшеница', но в 1-м и 2-м л. ед. ч. не наблюдается.

В этих и им подобных случаях едва ли есть основания усматривать всего лишь общую тенденцию к простоте ~ краткости. Факты языка наталкивают нас на ряд противоречивых исключений даже в кругу затронутого нами грамматического явления: в живых узбекских говорах, вошедших существенными слагаемыми в основу устного и письменного койнэ, мы встречаем двойное наращение местоименно-притяжательного аффикса в таких выражениях, как: *оз åнä тълъсънъ* (= *тъл* + *ъ* + *съ* + *нъ*) *бълмъйдъ* (< *бълмäйдъ*) 'он не знает своего родного языка', *пешåнä тeръсънъ* (= *тер* + *ъ* + *съ* + *нъ*) *åқъзъп ъшлäъдъ* 'он работает в поте лица', *бърънчъ йäръмъсъгä* (= *йäрьм* + *ъ* + *съ* + *гä*) *пул бердъ* 'он выдал деньги за первую половину', *ъккåв̊ъсъ* (= *ъккåв̊* + *ъ* + *съ*) *келдъ* 'двое (из них) пришли', *åлтåв̊ъсъ* (= *åлтåв̊* + *ъ* + *съ*) *гäпърдъ* 'шестеро (из них) говорили'. Дальнейшая модификация приводит к фонетическим упрощениям по линии: *ъккåв̊ъсъ* > *ъккåв(ъ)съ* > *ъккåв̊съ*, *алтåв̊ъсъ* > *åлтåв̊(ъ)съ* > *åлтåв̊съ* или к появлению

---

[1] См. интересные изыскания О. П. Суника (О поссессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-манчжурских языках. Язык и мышление, т. XI, Л., 1948, стр. 283—291).

[2] Ср. еще лит.-орф. — *Тошкент шахар* ~ *Тошкент шахари* 'город Ташкент', *Моша қишлоқ* ~ *Моша кишлоғи* 'село (кышлак) Машà', или с глаголом *дe* — тåшкäн дегäн шäåр 'город Ташкент (букв. 'город, называемый Ташкент')', *Мåшä дегäн қъшлåқ* — 'село (кышлак) Маша' (букв. 'село, называемое Машà'), строящиеся по схеме: собственное имя + *дегäн* + имя с родовым значением.

губного гласного верхнего подъема (т. е. *ъ > у*) в исходной форме — *ъккав̊ усъ, а̊лта̊в̊усъ*, что легко объяснимо действием губно-губного *в̊*.

Мы еще не имеем достаточных оснований утверждать, что обнаруживаем здесь новую морфологическую формацию, но сами факты свидетельствуют о сложной грамматической эволюции языка. Проследить ее можно, опираясь на материалы говоров.

Наиболее характерными среди них оказываются данные ташкентского говора. В нем мы находим в 1-м л. мн. ч. следующие формы: *а̊туз а̊тузä)* || лит.-орф. *отимиз* 'наше имя', 'наша лошадь', *бъруз* || лит.-орф. *биримиз* 'один из нас', *ба̊ла̊в̊уз* || лит.-орф. *боламиз* 'наш ребенок', *х'аммäв̊уз* || лит.-орф. *х'аммамиз* 'мы все',[1] а во 2-м л. того же числа: *а̊тъз* || лит.-орф., *отингиз* 'ваше имя', 'ваша лошадь', *бъръз* || лит.-орф. *бирингиз* 'один из вас', *ба̊ла̊йъз* || лит.-орф. *болангиз* 'ваш ребенок', *х'äммäйъз* || лит.-орф. *хаммангиз* 'вы все'. Среди приведенных примеров особо обращает на себя внимание морфологическое использование гласных верхнего подъема (*ъ ~ у*) при семантической дифференциации слов по лицам: *а̊туз* и *а̊тъз, бъруз* и *бъръз*.[2] Анализ данных форм может подвести нас к более реальной истории возникновения их и, в известной степени, объяснить границы потенциального эллипса местоименно-притяжательных аффиксов, прослеживаемого в настоящее время во всех узбекских говорах.

При решении вопроса об атрибутивных словосочетаниях, в связи с утратой местоименно-притяжательного аффикса и учитывая синтаксические функции основного и определительно-винительного падежа, необходимо принимать во внимание и влияние других языков: 1) русского и 2) таджикского.

Конструкции типа *на̊нзäв̊а̊т, пäхтäзäв̊а̊т* и т. п. находят себе поддержку в русском эквивалентном ряду — 'хлебозавод, хлопкозавод' или в более старых лексических заимствованиях вроде — *а̊бжув̊а̊з* 'водяная крупорушка', *ма̊йжув̊а̊з* 'маслобойня (кустарная)' и т. п.

Сейчас мы пока еще не говорим об отдельных, переходного характера комплексах, но будущее, поскольку можно базироваться на фактах современности, принадлежит, несомненно, кратким безаффиксальным образованиям. Доказательством тому служит непрерывно расширяющийся круг применения определительных словосочетаний и сложно-сокращенных слов в узбекском языке.

---

[1] Ср. ташк. глагольные формы с аналогичным аффиксом: *бäрäв̊уз > бäрäуз* 'мы пойдем', *ба̊рса̊в̊уз > ба̊рса̊уз > ба̊рса̊уза* 'если мы пойдем'; в форме же прошедшего определенного сохраняется аффиксальное *-м: ба̊рдъмъз*, ср. другие варианты: *ба̊рдук (> дуғ)* или *ба̊рду*: (т. е. с исходным долгим гласным вторичной формации) наряду с *ба̊рдуза̊*, где обнаруживается чередование *з/қ* в аффиксе, что подтверждает более древнее происхождение формы с показателем *з* в аффиксе *-димиз > -дузä*, в отличие от *-дук > -ду* (см.: С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке. ЗКВ, т. III. вып. 2, 1928, стр. 223—224).

[2] Здесь исходный согласный *з* следует рассматривать как рудимент показателя мн. числа (А. П. Поцелуевский. Происхождение личных и указательных местоимений. Ашхабад, 1947, стр. 4, 22; там же приведена и литература вопроса).

Таким образом, анализ фактического материала убеждает нас в том, что тенденция закрепить в именном словоизменении аффикс *-нинг* (в качестве показателя определительного падежа) не имеет под собою доказующей силы, кроме, пожалуй, сугубо формалистических доводов. И, несомненно, жизнь окажется сильнее их, а речь основного организующего узбекского ядра (одного опорного говора из суммы ведущих) займет надлежащее ей место в нормализации письменного стандарта, поскольку именно на его основе создается национальная языковая норма. То, что является общеупотребительным в устах передовой части узбекского нацколлектива, то и должно составлять норму языка, входить в актив его грамматических категорий. Это относится и к определительно-винительному падежу как форме, наиболее реально отражающей общественную обусловленность языка и подкрепляемой самым надежным источником — особенностями ведущих городских узбекских говоров, положенных в основу устного и письменного вариантов литературного языка.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*. Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Л. А. Гатнер* и *И. Н. Удимов*

*

РИСО АН СССР № 3972. Подписано к печати 18/I 1951 г. М-15717. Формат бумаги $70\times108^{1}/_{16}$. Бум. л. $5^{3}/_{4}$. Печ. лист. 15.75+4 вкл. Уч.-изд. л. 13.5. Тираж 3000. Зак. № 1643.

1-я Типография издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 л., 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
18	13 снизу	H. N. Orkin.	H. N. Orkun.
23	26 сверху	мифологии.	мимологии.

Тюркологический сборник, I.

11 руб.